

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Материалы

**XII Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 20 мая 2026 г.)**

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

*Материалы
XII Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 20 мая 2026 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 80
ББК 80
Т33

*Публикуется по решению кафедры сопоставительного языкознания
и экскурсоведения
факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики.
Протокол № 9 от 24 апреля 2026 г.*

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **Ф. Г. Фаткуллина** (отв. редактор);
канд. филол. наук, доцент **Р. Ш. Усманов** (зам. отв. редактора);
д-р филол. наук, профессор **Г. Г. Хисамова**;
канд. филол. наук, доцент **А. С. Махмутова**;
канд. филол. наук, доцент **Р. Т. Сираева**;
канд. филол. наук, доцент **Д. Д. Хисамова**;
инженер **Е. А. Закирова**

Теоретические и практические проблемы развития современной гумани-
Т33 **тарной науки:** материалы XII Международной научно-практической конфе-
ренции (г. Уфа, 20 мая 2026 г.) / отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина [Электронный
ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский
университет, 2026. – 171 с. – URL: <https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/103.pdf> – Загл. с титула экрана.

ISBN 978-5-7477-6388-3

Сборник материалов конференции содержит статьи, посвященные актуальным проблемам современной гуманитарной науки: языковой и дискурсивной деятельности, переводу и межкультурной коммуникации, литературоведению и коммуникативным процессам в журналистике.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов в области филологии, лингвистов, литературоведов, переводчиков, а также для студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов данного сборника.

УДК 80
ББК 80

ISBN 978-5-7477-6388-3

© Уфимский университет, 2026

*Алимбаева Г.Г.,
канд. филол. наук, доцент, УУНУТ,
г. Уфа, Россия
Бердигулова А.Н.,
студент УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ И ТЮРКСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Проблема словосочетания как особой синтаксической единицы имеет в языкознании длительную и сложную историю. Отношение к данному явлению менялось в зависимости от господства тех или иных лингвистических школ, а сам объём понятия «словосочетание» трактовался исследователями далеко не одинаково.

В русской грамматической традиции интерес к сочетаниям слов восходит к трудам М.В. Ломоносова. Хотя учёный и не выделял словосочетание в качестве самостоятельного объекта анализа, именно он определил главную задачу синтаксиса как изучение «живых словосочетаний», заложив тем самым семантико-функциональный подход к словесным объединениям. Его преемник А.Х. Востоков впервые ввёл в научный обиход сам термин «словосочетание» и сосредоточил внимание на порядке слов и типах синтаксической связи внутри предложения. Несмотря на это, в течение всего XIX века представители логико-грамматического (Ф.И. Буслаев) и психологического (А.А. Потебня) направлений фактически не рассматривали словосочетание как отдельную синтаксическую реалию, растворяя его в учении о членах предложения и формах мышления.

Подлинный переворот совершил Ф.Ф. Фортунатов, создавший формально-грамматическое учение о словосочетании. Он определил словосочетание как всякую смысловую и грамматическую связь двух полнозначных слов и провозгласил его центральной единицей синтаксиса, поставив предложение в зависимость от словосочетания: законченное словосочетание, включающее грамматические подлежащее и сказуемое, образует предложение, а незаконченное функционирует как его часть [3: 44]. М.Н. Петерсон, развивая идеи Фортунатова, предпринял первую попытку классификации словосочетаний в русском языке. Он расширил границы объекта до любых объединений полнозначных слов, включая целые простые и сложные предложения, и сформулировал задачи описательного и исторического синтаксиса словосочетаний [3: 49]. А.М. Пешковский, в свою очередь, еще более расширил понятие, включив в него вообще любые линейные отрезки речи, а в основу классификации положил количество предикативных центров, что окончательно стёрло границу между словосочетанием и предложением.

Реакцией на эту крайность стала концепция А.А. Шахматова, который возвратил предложению статус главной коммуникативной единицы, отражающей психологический акт мышления. Словосочетание же рассматривалось им исключительно как подчинительное соединение слов, служащее для распространения и уточнения членов предложения. Шахматов разграничил «законченные» словосочетания (фактически предикативные ядра предложений) и «незаконченные» (все остальные подчинительные группы) [3: 50]. Синтезирующую роль сыграл В.В. Виноградов. Он, с одной стороны, подчеркнул номинативную природу словосочетания, его близость к слову как к единице называния, а не сообщения; с другой – последовательно отграничил словосочетание от предложения по признаку отсутствия предикативности, модальности и интонации завершённости. Виноградовым была также разработана типология фразеологических сочетаний, показавшая переходные явления между свободным словосочетанием и лексикализованной единицей.

В тюркском языкознании первые наблюдения над сочетаниями слов относятся ещё к грамматике М.А. Казембека, однако его труд не ставил задачи специального анализа данной синтаксической конструкции [4: 8]. Систематическое же изучение словосочетаний в тюркских языках начинается лишь в 40-х годах XX века. основополагающую роль для башкирского языкознания сыграл Н.К. Дмитриев. В своей «Грамматике башкирского языка» он впервые чётко выделил две основные конструктивные единицы синтаксиса – словосочетание и предложение – и указал на их принципиальное различие: «Словосочетание не выражает никакой активности, а обозначает статические отношения между предметами. Из этого взаимного отношения нельзя сделать никакого логического вывода», тогда как предложение всегда сообщает о факте, действии, событии [2: 204]. Эта идея послужила прочным фундаментом для последующих исследований.

С 50-х годов XX века изучение словосочетаний в тюркологии приобретает широкий размах. Появляются специальные работы по отдельным языкам: казахскому (М.Б. Балакаев), татарскому (М.З. Закиев), азербайджанскому (Ю.М. Сеидов), каракалпакскому и турецкому (Н.А. Баскаков). Н.А. Баскаков, в частности, предложил делить словосочетания на две большие группы: свободные (легко разложимые, образующиеся в процессе речи) и устойчивые (лексикализованные, тяготеющие к словообразованию). Внутри свободных словосочетаний по типу синтаксической связи он выделял конструкции, построенные на примыкании, и изафетные конструкции, оформленные аффиксами принадлежности и падежа [1: 50].

В башкирском языкознании теория словосочетания получила дальнейшее развитие в трудах К.З. Ахмерова, Г.Г. Саитбатталова и Д.С. Тикеева. К.З. Ахмеров в монографии «Синтаксис простого предложения в башкирском языке» дал детальную характеристику способов выражения синтаксической связи в словосочетании. Он выделил четыре типа подчинительной связи: управление (башкарылыу), согласование (ярашыу), изафет (һөйкәләү) и примыкание (йәнәшәлек), подробно описав морфологические показатели каждого из них [6: 46].

Г.Г. Саитбатталов в своём фундаментальном труде по синтаксису простого предложения посвятил словосочетанию отдельную главу. Учёный классифицировал все словосочетания башкирского языка на две принципиально различные группы: 1) предикативные словосочетания, которые составляют структурную основу предложения и выражают сообщение о факте или событии (фактически это само предложение); 2) непредикативные словосочетания, служащие осложнёнными наименованиями предметов, признаков и обстоятельств и не обладающие способностью формировать сообщение [3: 49]. Важной заслугой Г.Г. Саитбатталова является также критический пересмотр некоторых категорий, механически перенесённых из русистики. В частности, он обосновал отсутствие в башкирском языке грамматического согласования как типа связи в непредикативных словосочетаниях (ввиду отсутствия категории рода), оставив данное явление исключительно за сферой отношений между подлежащим и сказуемым [3: 66].

Наиболее полное и систематическое описание башкирских словосочетаний представил Д.С. Тикеев в монографии «Словосочетания в башкирском языке». Автор подробно рассмотрел историю вопроса в тюркологии, способы и средства связи компонентов, лексико-семантическую сочетаемость слов [4: 27–30]. Основываясь на морфолого-синтаксическом принципе, он разработал детальную классификацию словосочетаний по частеречной принадлежности стержневого слова, выделив семь основных типов: глагольные, именные, адъективные, местоименные, нумеральные, адвербиальные и модальные словосочетания [4: 36, 43]. Каждый тип, в свою очередь, делится на подтипы в зависимости от того, какой частью речи выражен зависимый компонент и каким способом связи он присоединяется. Особое внимание исследователь уделил критериям отграничения словосочетания от смежных явлений – сложного слова, фразеологизма и предложения, а также проблеме определения минимального и максимального объёма словосочетания [4: 35, 39].

Вклад в изучение грамматического строя башкирского языка внёс и профессор М.В. Зайнуллин. В своих трудах автор детально анализирует морфологическую систему языка, включая категории времени, наклонения, а также структуру различных частей речи и их синтаксические функции [5].

Таким образом, пройдя путь от интуитивных замечаний до строго очерченной лингвистической теории, учение о словосочетании заняло прочное место в синтаксической науке. Современное башкирское языкознание, обобщив достижения предшественников, определяет словосочетание как образованную в соответствии с внутренними законами языка синтаксическую конструкцию, состоящую минимум из двух самостоятельных слов, связанных по смыслу и грамматически, выражающую определительные отношения и не обладающую признаками предикативности, модальности и коммуникативной завершенности.

Литература:

1. Баскаков Н.А. Словосочетания в тюркских языках. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 50 с.
2. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
3. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. I том. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 1999. – 351 бит.
4. Тикеев Д.С. Башҡорт теленең һүзбәйләнештәре. – Стәрлетамаҡ, 1992. – 126 бит.
5. Полякова Е.В. Научное наследие М.В. Зайнуллина в контексте лингвокультурологических исследований // Тюркские языки в Евразийском полиэтническом пространстве: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 110-111.
6. Әхмәр К. Башҡорт телендә ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө, 1958. – 263 бит.

ПРОЗВИЩА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МИРА ЛИЧНОСТИ

Изучение прозвищ представляет собой важный аспект, позволяющий глубже понять культурные, социальные и исторические процессы. Прозвища, как уникальные языковые единицы, отражают не только индивидуальные характеристики, но и коллективные ценности, традиции и мировосприятие. Они могут служить индикаторами социального статуса, профессиональной принадлежности или даже культурной идентичности.

Прозвища, эти неформальные имена, которые с детства сопровождают нас в кругу друзей, семьи и коллег, являются любопытным феноменом человеческой коммуникации, глубоко укоренённым в психологии развития личности. В эпоху, когда социальные взаимодействия всё больше переходят в виртуальное пространство, значение и влияние прозвищ становятся особенно актуальными, отражая как индивидуальность каждого человека, так и динамику групповых отношений.

С психологической точки зрения, прозвища представляют собой уникальный инструмент самопрезентации и социальной идентификации. Они не только служат средством упрощения общения, но и несут в себе множество психологических функций. Прозвища могут отражать черты характера, личные достижения, физические особенности или даже значимые события из жизни индивида. Это делает их своеобразным «языком» межличностных отношений, через который происходит непосредственное выражение симпатий, антипатий, уважения или даже иронии.

В данной статье будут рассмотрены вопросы образования прозвищ, где психологический фактор выбран как один из основных критериев.

Наряду с понятием «сознание» психологами рассматривается и понятие «бессознательное». Бессознательное – это психический процесс, где отсутствует субъективный контроль. К бессознательному относится все то, что не может относиться к осознанному [2: 342]. Отметим, что бессознательность в экспериментальном плане начал изучать австрийский психолог, психиатр, невропатолог, создатель психоанализа З.Фрейд. Он доказал, что действия, которым человек не отдает отчет, могут иметь осознанный характер [4: 177].

Развитие сознания и бессознания широко представлено в мифологии. Мифология (от греч. μῦθος – предание, сказание и λόγος – слово, понятие, учение) – форма социального сознания; способ понимания природной и социальной действительности, характерный для ранних этапов развития общества. Также стоит отметить, что на раннем этапе эволюции, где человек не может выделить себя из окружающего мира, идет очеловечивание природной среды и даже космоса [1: 758].

Сознание и бессознательное в мифологическом плане тщательно анализированы в трудах выдающегося психолога Э. Нойманна. В его работах освещаются аспекты развития сознания, которые повторяются в индивидуальном сознании и обществе в целом [3: 98].

Первый цикл мифа – это миф сотворения. А мифологическая стадия эволюции начинается с того, что Человеческое Эго полностью принадлежит бессознательному. Также вопросом начала является вопрос «Откуда?», даже точнее «Откуда я появился?», на который мифы о сотворении разных народов пытались найти свои ответы. Считается, что человечество на пути к самосознанию начинает задавать данные вопросы.

В данном бессознательном периоде произошли первые древние антропонимы, где отражается именно поклонение башкир тотемам как Волк, Медведь, Журавль и др. Бессознательная мудрость из глубин человеческой психологии в свою очередь привела к появлению прозвищ [1: 56].

В связи с этим, мы придерживаемся мнения А.Г. Шайхулова, изложенного в труде «Татарские и башкирские имена тюркского происхождения», и считаем, что первыми появились прозвища-посвящения (меморативы).

В прозвищах-меморативах отражаются древние верования башкир. Данную группу составляют прозвища, связанные с культом животных. Они хорошо сохранились в коллективных прозвищах, которые функционировали намного раньше индивидуальных. На сегодняшний день этимология коллективных прозвищ настолько искажена, что даже многие представители данных группировок сами не знают конкретное их происхождение и стараются внести свою смысловую нагрузку в данные онимы. По нашим наблюдениям, коллективные прозвища, связанные с культом неба, встречаются

очень редко. Нам остается предположить, что антропонимика, связанная с культом неба, достаточно разработанная, и такие прозвища уже перешли в категорию имен [1: 39].

Коллективные прозвища, связанные с явлениями природы, условно можно отнести к прозвищам-меморативам: Бурандар, Ямғырзар, Елбайзар и др.

К именам, связанным с верой в магическую силу слова, относятся отталкивающие имена со значениями бысрак «грязь», ғәриплек «уродство», ерәнес «вызывающее отвращение» [5: 11]. Очевидно, коллективные прозвища, связанные с такими понятиями, были даны в первую очередь с целью оградить именуемых от каких-либо злых духов: Каралар 'Черные', Ямандар 'Плохие', Этимгәндәр букв. 'Питавшиеся собачьим молоком', Бапактар 'Страшные', Сейзәр 'Незрелые' и др.

Согласно теории Э. Нойманна, после появления Героя человечество вступает в новую фазу поэтапного развития. Герой появляется тогда, когда человек начинает бороться с представителями флоры и фауны. В этот момент он начинает понимать, что можно не всегда их бояться и обожествлять, а можно и победить. В этом периоде появляются победители, которые становятся лидерами группы. А с появлением лидерства коллектив становится еще более индивидуализированным. Таким образом, в индивидуализированной группе члены могут дать друг другу оценку внешним и внутренним свойствам человека [3: 24]. Можно предположить, что в этот период появляются прозвища, описывающие внутренние и внешние особенности человека.

Анализ прозвищ и личных имен тюркского происхождения, употребляющихся у древних башкир и татар, показывает, что они в основном давались или в связи с особенностями физического развития, или исходя из физиологических и психологических особенностей ребенка [5: 15].

Прозвища-дескриптивы, по нашим подсчетам, превалируют над остальными группами. Наряду с прозвищами, описывающими внутренние и внешние особенности человека, к описательным относятся ситуативные, указывающие на социальное, возрастное положение и деятельность. Данное положение можно проследить на примере ситуативного прозвища Пиши, кызым 'Пиши, дочка'. Прозвище дано бабушке за то, что она в городе попросила продавца записать покупку в долг, как принято во многих деревнях. Человек, давший это прозвище, описывает именно данную ситуацию, дает свою оценку.

Прозвища-пожелания (дезидеративы) в основном существуют только в семейном кругу. В остальных социальных слоях данные прозвища встречаются крайне редко: Бәхетле бул 'Будь счастливым' – при разводе жене сказал так.

В своем исследовании по древнебашкирским и татарским именам А.Г. Шайхулов относит в данную группу имена, в основу которых заложены пожелания долгих лет жизни, здоровья ребенку, богатства, власти, счастья, ума, смелости, красоты и т.д. [5: 19].

Также нужно отметить, что на современном этапе, с появлением сети Интернет, создалась принципиально новая ситуация в системе антропонимии. Сегодня виртуальное общение получает все большее распространение, а современный человек в виртуальном пространстве стал немислим без сетевого имени, которое дало ему возможность создать себе образ, скрыв свое реальное «Я». В связи с этим можно рассматривать группу прозвищ, образованных от никнеймов [1: 75].

Таким образом, прозвище как носитель культурно-значимой информации меняется, шагая в ногу с человеком. Многие новшества, вводимые в обиход, находят отражение в прозвищах. Исследования в области прозвищ продолжают развиваться, открывая новые горизонты для понимания языковых и культурных особенностей народа. Актуальные исследования в этой области играют ключевую роль в сохранении и популяризации культурного наследия, а также в изучении динамики языковых изменений в современном обществе.

Литература:

1. Аширова Г. А., Абдуллина Г. Р. Прозвища в башкирском языке (лингвистический анализ): монография / Г. А. Аширова, Г. Р. Абдуллина; Министерство образования и науки РФ, Башкирский государственный университет. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – 163 с.
2. Большая психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 542 с.
3. Нойманн, Эрих. Происхождение и развитие сознания / Эрих Нойманн. – Рефл-бук, Ваклер, 1998. – 462 с.
4. Фрейд, Зигмунд. Основные психологические теории в психоанализе / пер. М. В. Вульф, А. А. Спектор. – М.: АСТ, 2006. – 400 с.
5. Шайхулов, А.Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. – Уфа: Изд-во БГУ, 1983. – 71 с.

Аширова Г.А.,
канд. филол. наук, ст. препод. УУНУТ,
г. Уфа, Россия
Амиргалина Г.Д.,
воспитатель детского сада № 277 г. Уфы,
г. Уфа, Россия

РАБОТА С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО КАК НЕРОДНОГО И ИНОСТРАННОГО: МЕТОД «УЧЕБНОГО ЧТЕНИЯ» Н. В. КУЛИБИНОЙ

В современной науке вопрос о целесообразности, объеме и способах изучения художественной литературы в курсе преподавания языка как неродного и иностранного является дискуссионным. Проблемы, возникающие при работе с художественными текстами, затрагиваются как отечественными, так и зарубежными специалистами. Особенные сложности возникают при чтении классических образцов национальной литературы, которая чаще всего сформировывалась более века назад и требует больших усилий для восстановления культурноисторического контекста, семантизации устаревшей лексики и т.п.: «Неоправданно большие усилия тратятся иностранным читателем при чтении классики на “ориентацию в месте и времени”, на понимание “внешних” характеристик ситуации. Лексикон русской классики уже существенно отличается от словаря современного русского языка: в нём много историзмов и архаизмов, устаревших стилистических оборотов и т.д.» [5: 217].

К сожалению, в практике преподавания иностранных языков анализу лингвистических трудностей художественного текста часто приходится уделять большее внимание, чем собственно литературным (текстовым, поэтическим) аспектам. Некоторые из путей преодоления трудностей, возникающих при чтении текста иностранцами, предлагает Н. В. Кулибина в ряде своих монографий, пособий и статей (см. «Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом», «Читаем стихи русских поэтов», «Зачем, что и как 15 читать на уроке? Художественный текст при изучении русского языка как иностранного», «Текст как ресурс обучения речевому общению на уроках русского языка как иностранного/неродного» и др.).

На занятии происходит слишком быстрый переход от комментирования непонятных иностранному читателю мест текста к анализу его структуры, «пониманию основного смысла (идеи) произведения, осознанию того, с какой целью оно написано». Н. В. Кулибина вместо такого подхода выдвигает концепцию «учебного чтения», которая помогает перенести навыки чтения на родном языке на русскую почву и «пройти путь» к восприятию (пониманию) того, что и почему сказано, а также сформировать и закрепить «навыки самостоятельного чтения художественной литературы» [3: 7]. Описывая свою методику, ученый отмечает: «В учебных целях единицей художественного текста может быть признан словесный образ» (о важности понятия образа говорилось выше). В таком понимании художественный текст представляет собой «совокупность словесных образов, каждый из которых играет определенную роль в создании смысла художественного произведения».

Каждый художественный текст требует индивидуального подхода в процессе обучения: в тексте выделяются «ключевые образы», на которые в первую очередь обращается внимание студентов: «На занятии работа над текстом строится как последовательное раскрытие смысла художественного произведения: от понимания значения языковых единиц, составляющих конкретный словесный образ, к восприятию ... образной сути и далее к постижению ... роли в создании смысла художественного произведения». В статье «Текст как ресурс обучения речевому общению на уроках русского языка как иностранного/неродного» выделяются следующие этапы анализа ключевых образов: «Работа над ключевым словесным образом на уроке складывается из нескольких моментов:

1. привлечения внимания обучаемых к ключевой текстовой единице;
2. определения её языкового значения;
3. выявления её частного текстового смысла;
4. воссоздания читательского представления, мотивированного словесным образом;
5. определения её роли как носителя фрагмента всего текстового смысла (через связи данной единицы с другими единицами текста)» [3, 25].

Ситуация в тексте, отмечает далее Н. В. Кулибина, не является статичной, а динамически разворачивается, составляется из последовательности «миниситуаций» [5: 223]. На занятии

преподавателем осуществляется выбор основных миниситуаций (компонентов общей ситуации текста): кто является субъектом/субъектами; какие события с ним/ними происходят (что субъекты делают), где происходит действие (место) и когда происходит действие (время) [5: 224].

Учебное чтение на занятии строится из привычных для методики этапов пред-, при- и послетекстовой работы:

- «цель предтекстовой работы – создать у учащихся заинтересованность в чтении предлагаемого поэтического текста, а также дать необходимые фоновые знания, в том числе устранить нежелательные стереотипные представления»;

- основным этапом является притекстовая работа (ее «цели и приемы» описаны выше);

- «послетекстовая работа содержит задания обобщающего и контролирующего характера, письменные задания и задания на перевод», является факультативной.

Резюмируя свой подход, Н. В. Кулибина выделяет в нем основные положения: «Методика использования художественного текста в практическом курсе русского языка требует ответа на три вопроса: зачем? что? и как? читать на уроке. Зачем? – цель: обучение пониманию текстов. Что? – текст должен быть таким, чтобы потенциальный читатель захотел и смог его прочесть. Как? – чтение иноязычного художественного текста строится по модели чтения текста носителем языка: от узнавания языковых значений (грамматических и лексических), распознавания частных смыслов текстовых единиц, установления внутритекстовых связей и воссоздания читательских представлений к формированию смысла текста, индивидуального для каждого читателя» [5: 230].

Позитивным моментом такого подхода является тенденция к мотивированию самостоятельного мышления студентов, в которой «роль преподавателя заключается в организации аудиторной и домашней работы учащихся над текстом, в ... управлении чтением учащихся, а не в толковании и комментировании, в том, чтобы задать “уместный вопрос” и тактично откорректировать читательские представления обучаемых».

Образовательные технологии, равно как и сама система образования, подвергаются изменениям, большое внимание направлено на ускорение и повышение эффективности изучения языков. Очевидно, что для ускорения процесса обучения методика обучения русского языку как неродному и иностранному должна быть скорректирована в сторону более интенсивного и последовательного использования принципа учета родного языка обучающихся.

Литература:

1. Астащенко Е. В. Роль русской детской литературы в преподавании РКИ (до уровня А2+) // Мировая словесность для детей и о детях : Материалы XXVIII Международной научно-практической конференции, Москва, 26-27 января 2021 года. Ярославль : ООО «Агентство “Литера”», 2021. С. 45–53.
2. Кулибина Н.В. Роль филологии в междисциплинарном интерактивном проекте “Уроки чтения – праздник, который всегда с тобой” // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-filologii-v-mezhdistsiplinarnom-interaktivnom-proekte-uroki-chteniya-prazdnik-kotoryy-vsegda-s-toboy> (дата обращения: 26.04.2025).
3. Кулибина Н.В. Изменение методической парадигмы преподавания русского языка как иностранного на рубеже веков // Труды Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы обучения профессиональному языку: нынешнее состояние и перспективы» (Алматы, Казахстан 9–10 ноября 2011 г.). Алматы, 2011. С. 34–38.
4. Кулибина Н.В. Образовательная среда по чтению русской художественной литературы: основной корпус уроков чтения и перспективные направления развития // МИРС. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-po-chteniyu-russkoy-hudozhestvennoy-literatury-osnovnoy-korpus-urokov-chteniya-i-perspektivnye-napravleniya> (дата обращения: 14.10.2025).
5. Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2001. 264 с.

© Аширова Г.А., Амиргалина Г.Д., 2026

ЗООМОРФИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Пожалуй, в мире нет языка, где бы отсутствовал зоонимный компонент.

Зооморфизмы несут важную информацию, транслируя ее через образы животных, отражают быт, историю, ценности и мировосприятие нации.

Особое место среди фразеологизмов занимают зооморфизмы — группа фразеологизмов с зоонимами. Зооморфизм (от греч. zoo — животное, morfe — форма) означает наделение людей качествами животных.

Зооморфизмы представляют собой одну из наиболее древних и универсальных тенденций метафоризации в языке. Животные всегда играли значительную роль в жизни людей: они обожествлялись или наоборот животным приписывали абсолютно человеческие добродетели или пороки. Животные были важнейшей частью разных ритуалов. По мнению многих лингвистов, и возник язык [1; 9]. Поэтому неудивительно, что образы животных прочно вошли в лексику и фразеологию.

Знание этнокультурных особенностей — это ключ к пониманию процесса формирования и закрепления в языке приобретенного предыдущими поколениями опыта. Можно выделить несколько основных и универсальных для немецкой и русской лингвокультур источников зооморфизмов:

Библейские тексты — образы агнца, змея, голубя;

Античная литература — латинские и древнегреческие тексты;

Басни Эзопа и Лафонтена — устойчивые образы лисы, волка, осла;

Народное творчество — сказки, пословицы, поговорки.

При детальном рассмотрении обнаруживается много похожего в сравниваемых лингвокультурах [2; 3]. Домашние животные являются универсальным источником образов. Людям свойственно подмечать особенности и сравнивать себя с теми животными, которые ближе. Пожалуй, что такие сравнения и обороты уходят своими корнями в глубокую древность. Какими же животными вдохновлялись и немцы и русские? Лошадь, корова, бык, кошка, собака, овца и так далее. Важно отметить разницу образов относительно гендерной принадлежности людей и животных соответственно.

Значительному числу фразеологизмов немецкого языка можно найти полные эквиваленты или частичное совпадение в русском языке:

немецкий	русский	значение
1. Wie Hund und Katze leben	1. Жить как кошка с собакой	1. Постоянно ссориться
2. Sich wie eine Schlange winden	2. Вертеться как уж (сема змеи сохранена)	2. Уклоняться от правды
3. Wie ein Affe besoffen	3. Напиться как свинья	3. Быть сильно пьяным
4. Ein Hasenherz haben	4. Иметь заячье сердце	4. Быть трусливым
5. Zwei Hasen töten	5. Убить двух зайцев	5. Достичь двух целей сразу

Поскольку животные, населяющие немецкие и русские леса в большинстве с воем одни и те же, нами была предпринята попытка выявить несколько животных, которые стали источником фразеологических оборотов с зоонимным компонентом только немецкой и только в русской лингвокультурах. Что интересно, рысь (der Luchs), хомяк (der Hamster), барсук (der Dachs), жаба (die Kröte) образы этих животных легли в основу интересных и ярких фразеологизмов в немецком языке и практически не встречаются в русской лингвокультуре.

1. Der Luchs (рысь) — умный хищник, обладающий отличным зрением, острым слухом и крайне острое животное.

Немцы подметили эти превосходные качества, которые и нашли отражение в таких фразеологизмах:

Augen haben wie ein Luchs — иметь глаза как у рыси, иметь острое зрение;

Ohren haben wie ein Luchs — иметь уши как у рыси, иметь острый слух;
 aufpassen wie ein Luchs — быть внимательным как рысь, быть всё время начеку.
 Выражение Augen wie ein Luchs haben означает «очень хорошо видеть, иметь острое зрение».

В русском языке аналогом можно считать выражение «глаз как у орла».

2. Der Dachs — барсук. Повадки этого животного отличаются осторожностью, преимущественно ночной образ жизни, зимняя спячка и любовь к глубоким неприметным снаружи норам, дали основания немецкому народу считать этого зверя исключительным «домоседом».

Поэтому людей, которые ведут замкнутый образ жизни, домоседов в немецкой лингвокультуре сравнивают с барсуком: immer zu Hause sein wie ein Dächschen (ugs.) — сидеть дома как барсук, сидеть дома сиднем;

kalthäusern wie ein Dachs im Loche (ugs.) — как барсук в холодной норе, сиднем сидеть дома.

Барсук не смотря на кажущуюся неуклюжесть, отчаянный боец: если на него нападают, он будет защищаться до последнего вздоха, и эту способность зверька отражают следующие фразеологизмы: sich wehren wie ein Dachs (ugs.) — отбиваться как барсук, ожесточённо обороняться;

er beißt um sich wie ein Dachs (ugs.) — кусаться как барсук.

Так же образ молодого животного стал частью антонимичной пары alter Hase (старый заяц) и junger Dachs (молодой барсук) как об опытном и знающем человеке с одной стороны и глупом, наивном, неопытном молодом человеке. Суть такова, что если заяц дожил до старости, это говорит о его хитрости и иных качествах, которые помогли ему в опасном мире дожить до старости. И молодой барсук, как любой молодой зверек, очень любопытный и способен попадать в неприятности.

3. Der Hamster — хомяк. Хомяку приписывают самые стереотипные добродетели немецкой культуры — запасливость и трудолюбие. Что находит своё отражение в пословицах: Dem fleißigen Hamster schadet der Winter nicht — трудолюбивому хомяку зима не страшна; Der Hamster gräbt sich nicht tiefer, als er den Frost erwartet — хомяк копает неглубже, чем того требует мороз (то есть человек не делает лишнего);

Er ist gierig/raffsüchtig wie ein Hamster — он жаден, ненасытен как хомяк.

Глагол hamstern («хомячить», запасать впрок) вошёл в активный разговорный немецкий язык и широко используется в современной речи — особенно в контексте ажиотажных закупок товаров (Hamsterkäufe — ажиотажные покупки).

В русском языке аналог выражения о жадности передаётся через другие образы: «жадный как Кощей», «скупой рыцарь» — без привязки к хомяку.

4. Die Kröte — жаба. Образ весьма популярный с выраженной отрицательной коннотацией:

eine Kröte schlucken — «проглотить жабу» (смириться с неприятным, стерпеть обиду);

eine freche/kleine Kröte — «маленькая дерзкая жаба» — о вредной, дерзкой девчонке;

ein paar Kröten — разговорное выражение, означающее «мелочь» (небольшая сумма денег).

В русской лингвокультуре, образ жабы концентрируется вокруг отталкивающей внешности, как правило речь идет о женщинах — «сухая жаба».

Специфические образы русского языка

В русском языке эмотивный фактор играет значительно большую роль, чем в немецком языке.

Леса России заселены ежами, зайцами, волками и медведями, реки наполнены раками и рыбами, а в хозяйстве человека издавна присутствовали свиньи, собаки, кошки, коровы и быки, курицы и петухи. Именно эти животные стали источниками уникальных русских зооморфизмов, не имеющих прямых аналогов в немецкой лингвокультуре.

1. Медведь. Медведь внешне кажется неуклюжим и неповоротливым. Этим объясняется значение большинства фразеологизмов с названием этого животного.

Фразеологизм	Значение	Аналог
1. Медведь на ухо наступил	1. Нет музыкального слуха	Отсутствует
2. Медвежьи объятья	2. Грубые, тяжёлые объятья	Отсутствует
3. Медвежий угол	3. Глухое, отдалённое место	Отсутствует

Интересный факт: Немецкий образ медведя (Bär) связан прежде всего с силой и голодом (Bärenhunger), тогда как в русском языке медведь — символ неуклюжести, народного быта и русской идентичности.

2. Петух. Петух стал устойчивой метафорой для обозначения задиристого, вздорного человека. В русском языке образ петуха исключительно богат и многозначен.

Выражения «красный петух», «пускать красного петуха» берут начало из наблюдений за огненным цветом петушиного гребня, который ассоциировался с пламенем пожара.

Фразеологизм	Значение	Аналог
1. Дать петуха	1. Сорвать голос при пении	Отсутствует
2. Петушиться / не петушиться	2. Задирается, вести себя вызывающе	Отсутствует
3. Жить как петух на насесте	3. Жить в праздности и довольстве	Отсутствует

Интересный факт: В немецком языке образ петуха (der Hahn) используется редко и преимущественно в контексте «хозяина положения» (Hahn im Korb sein — «быть единственным мужчиной среди женщин»), тогда как в русском петух — символ задиристости и народного быта.

3. Ёж. Леса заселены ежами — и этот маленький зверёк оставил заметный след в русской фразеологии. Образ ежа в русском языке связан с колкостью, замкнутостью и непредсказуемостью — и практически полностью отсутствует в немецкой фразеологии.

Фразеологизм	Значение	Аналог
1. Ежу понятно	1. Абсолютно очевидно, ясно всем	Отсутствует
2. Держать ежа в кармане	2. Быть прижимистым, скупым	Отсутствует
3. Как ёж — весь в иголках	3. О колком, неприятном человеке	Отсутствует

Интересный факт: В немецком языке ёж (der Igel) фигурирует в известной сказке братьев Гримм «Ханс Ёж» (Hans mein Igel), однако устойчивых фразеологизмов с этим животным в немецком языке практически нет.

4. Рак. В старину раков суеверные люди считали таинственными животными — отсюда богатство русских фразеологизмов с этим словом. Рак является исключительно русским зооморфическим образом, не имеющим аналогов в немецком языке.

Фразеологизм	Значение	Аналог
1. Показать, где раки зимуют	1. Жестоко наказать, преподать урок	Отсутствует
2. Красный как рак	2. Сильно покраснеть (от стыда, гнева, жара)	Частично: rot wie eine Tomate (досл.: красный, как помидор)
3. Когда рак на горе свистнет.	3. Никогда не случится	Частично: wenn Ostern und Weihnachten zusammenfallen (досл.: когда Пасха и Рождество совпадут)

Интересный факт: В немецком языке рак (der Krebs) практически не используется в фразеологии — лишь в медицинском контексте. Все смыслы, передаваемые русскими «раковыми» зооморфизмами, в немецком выражаются совершенно иными образами.

Образы животных присутствуют в сравниваемых лингвокультурах и выполняют похожие функции — характеризуют человека, внешность, характер, поступки. Таким образом, зооморфизмы являются не просто языковым явлением, но и зеркалом культуры: они отражают ценности, историю и мировосприятие каждого народа, указывая на наличие универсальных общечеловеческих ценностей и антиценностей.

Литература:

1. Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Хайруллина Р. Х., Скарнев Д. С. Отражение единства человека и природы в мифологической картине мира (на материале русских, тувинских и башкирских фольклорных текстов) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 664–680.

2. Воробьев В.В., Фаткуллина, Ф.Г., Кужугет Ш.Ю. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы, 2023, №. 4. С. 153-170.

3. Едко А.С. Немецкие фразеологизмы с компонентом-зоонимом // Сборник материалов конференции «Альтернант-2015». – Гродно, 2015.
4. Коршунова Н.Г., Солдаткина Р.В. Приёмы перевода немецких фразеологизмов на русский язык на примере зооморфизмов // КиберЛенинка. – 2021.
5. Макарова О.Ю., Родыгина Ж.А., Хасанова Р.Р. Особенности зооморфных фразеологизмов в немецком языке //. – 2018. – № 15.
6. Некоторые аспекты изучения и употребления фразеологизмов в немецком и русском языках // Молодой учёный. – 2016. – № 107.
7. Burger H. Phraseologie. Einführung am Beispiel des Deutschen. 4. Aufl. – Berlin, 2010.
8. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Mannheim: Duden-Verlag, 2008.
9. Khairullina Raisa Khanifovna, Fatkullina Fluza Gabdullinovna, So Qiang, Lin Ziyu. Taboo as a linguistic and cultural phenomenon // International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» 2020. pp.1969-1975 / https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10040/11850/article_10040_11850_pdf_100.pdf.

© Бастинович Е.В., 2026

УДК 811.111'373

Бердигулова А.Н.,

студент УУНУТ,

г. Уфа, Россия

Научный руководитель: Хисамова Д.Д.,

канд. филол. наук, доцент УУНУТ,

г. Уфа, Россия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сравнительное изучение лексических систем разноструктурных языков, таких как английский (германская группа) и башкирский (тюркская группа), представляет значительный интерес для современной лингвистики. Несмотря на генетическое и типологическое расстояние между этими языками, исследовательская практика выявляет как универсальные закономерности, так и уникальные национально– специфические черты в организации их словарного состава. Башкирский язык, принадлежащий к тюркской языковой семье, обладает богатым и уникальным лексическим запасом, в то время как английский язык – представитель германской группы индоевропейской семьи, широко распространен и заимствовал слова из множества языков мира. Как отмечается в работах Д.Н. Билаловой и Г.Р. Абдуллиной, интерпретация понятия «основа слова» в сопоставляемых языках в целом совпадает, однако полного соответствия характеристик основ не наблюдается. Это обусловлено различиями в типологическом строе: английский язык тяготеет к аналитизму, тогда как башкирский является агглютинативным языком с развитой аффиксальной системой.

Башкирский язык характеризуется богатым внутренним лексиконом, включающим слова, образованные от корней тюркской основы. Он содержит множество терминов, связанных с природой, бытом, традициями и религией башкирского народа. В лексиконе присутствуют слова, имеющие древние тюркские корни, а также заимствования из арабского, персидского, русского языков. Например:

Тәбиғәт (природа) – от тюркских корней

Китап (книга) – заимствование из арабского

Урал (река и название региона) – тюркского происхождения

Английский язык – язык заимствований, накапливающий слова из множества языковых источников. Основной его лексический запас состоит из коренных германских слов, а также многочисленных заимствований из латинского, французского, греческого, а также современных языков. Например:

Book (книга) – германское происхождение

Restaurant (ресторан) – заимствование из французского

Computer (компьютер) – заимствование из латинских и греческих корней

Сравнительный анализ лексико– семантических групп позволяет выявить как универсальные категории, так и лакуны в сопоставляемых языках. Например, сравнительное изучение фразеологизмов с названиями явлений природы в английском и башкирском языках демонстрирует, что такие единицы способны отражать широкий спектр явлений и отношений окружающего мира. В основе многих из них лежат ключевые природные образы, характерные для культуры и климата: для английского языка это прежде всего rain (дождь), а для башкирского – ел (ветер) .

Ветер (Wind / Ел) · Английский (Wind): · It's an ill wind that blows nobody good. – Плох тот ветер, который никому не приносит добра. (Аналог: «Нет худа без добра») . · To throw straws against the wind. – Кидать солому против ветра. (Тщетная борьба) . · To cast prudence to the winds. – Отбросить благоразумие на ветер. (Пуститься во все тяжкие) . · Башкирский (Ел): · Елгә ташлау (туззыру). – Бросать на ветер. (Говорить что– либо зря, попусту) . · Ел кыуыу. – Гоняться за ветром. (Бить баклуши, заниматься бесполезным делом) . · Аранан ел дә үтмәй (үтмәс, үтерлек түгел). – Между ними и ветер не пройдет. (Очень крепкая дружба – «не разлей вода») .

Непогода: Дождь, Буря, Гроза (Rain, Storm, Thunder) Обилие дождей в Великобритании сделало эту тему центральной в английской идиоматике. · Английский (Rain, Storm): · To be (caught) in the eye of the storm. – Оказаться в центре бури. (В эпицентре событий) . · To weather the storm. – Пережить бурю. (Справляться с трудностями) . · It's raining cats and dogs. – Льет как из ведра. (Сильный дождь) . · To save/put aside for a rainy day. – Откладывать на «дождливый день». (На черный день) .

Башкирский (Йәшен / Гром, Буран / Метель): · Аяз көндәге йәшен кеүек. – Как гром среди ясного неба. (Внезапно, как гром среди ясного неба) . · Буран уйнау (кубыу, сығыу). – Метель разыгралась. (Метать громы и молнии, сильно злиться) .

Солнце, Небо, Звезды (Sun, Sky, Stars) · Английский (Sun, Sky): · Make hay while the sun shines. – Коси сено, пока солнце светит. (Куй железо, пока горячо) . · Every cloud has a silver lining. – У любой тучи есть светлая полоса. (Нет худа без добра) . · Reach for the moon/stars. – Достать до луны/звезд. (Стремиться к великой цели) .

Башкирский (Кояш, Йондоз): · Сыкмаған кояшка йылыныу (кызыныу). – Греться под еще не взошедшим солнцем. (Верить в несбыточное). · Йондоз ханау. – Считать звезды. (Бить баклуши, бездельничать).

Одной из существенных характеристик башкирского языка, отличающих его от английского, является отсутствие грамматической категории рода. Как отмечается в исследованиях, значение пола в башкирском языке проявляется лексико– семантическими и словообразовательными средствами. Для конкретизации пола лица в башкирском языке используются слова– квалификаторы, содержащие гендерную семантику: катын 'женщина', ир 'мужчина', апай 'сестра, тётя', кыз 'девушка'. В исконной лексике отсутствует гендерная дифференциация по профессиональной принадлежности, что контрастирует с английским языком, где многие названия профессий имеют суффиксальные маркеры рода (– man, – woman, – er/– or для общего рода).

В обоих языках существует богатство синонимов и лексических вариантов, отражающих культурные особенности и исторические процессы.

Лексикология башкирского и английского языков демонстрирует богатство и разнообразие национальных языков. Башкирский язык сохраняет свою уникальную тюркскую

лексическую систему, опираясь на внутренние источники, тогда как английский язык – язык заимствований и глобальных коммуникаций. Изучение лексикологических особенностей позволяет лучше понять культурные и исторические особенности народов, а также способствует развитию межкультурных связей.

Сравнительная лексикология английского и башкирского языков представляет собой динамично развивающуюся область лингвистики. Основные направления исследований включают: словообразовательную структуру, лексико– семантические группы, гендерную репрезентацию, заимствования и терминологию. Общей чертой сопоставительных работ является стремление выявить как универсальные, так и идиоэтнические характеристики лексических систем, что имеет значение не только для теоретической лингвистики, но и для практики перевода, лексикографии и межкультурной коммуникации. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать когнитивно– ориентированные сопоставительные работы, а также изучение лексической семантики в дискурсивном аспекте.

Литература:

1. Билалова Д.Н. Особенности суффиксального словообразования в башкирском и английском языках // Мир науки, культуры, образования. № 2, 2013.
2. Билалова Д.Н., Абдуллина Г.Р. Comparative characteristics of word stems in the Bashkir and English languages // The Scientific Opinion, 2015.
3. Бикбов, М. А. Лексика английского языка / М. А. Бикбов. – Москва: Высшая школа, 2001. – 312 с.
4. Rafikova R.I. Semantics of phraseological units with names of natural phenomena in English, Bashkir and Chinese // 2025.
5. Loanwords and Code Switches in Bashkir: A Case Study of the Karaidel Dialect // Oriental Studies, 2023.
6. Сираева Р. Т. Репрезентация ментальной сферы в русской и английской фразеологической картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015.
7. Усманов Р. Ш. Канафина А. Р. Сопоставительный анализ предложных и послеложных конструкций как средств выражения пространственных отношений. Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. №11-1(89). С. 176-180.
8. Лексикология башкирского языка: учебное пособие / под ред. Р. Г. Гайсина. – Уфа: Башкирский университет, 2010. – 180 с.

© Бердигулова А.Н., 2026

УДК 37.013.2.

Бурханова К. Р.,
студент УУНУТ

Научный руководитель: **Хисамова Д.Д.**
канд. филол. наук, доцент УУНУТ

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

За последнее десятилетие наблюдается существенное усиление процессов цифровизации в сфере образования. Интернет-технологии, как и в ряде других областей, занимают ключевую позицию в организации учебного процесса, обеспечивая доступ к широкому спектру онлайн-ресурсов. Их применение способствует усилению мотивации и обогащению учебного процесса. В ряде случаев образовательные траектории реализуются преимущественно или исключительно в онлайн-формате, что актуализирует пересмотр дидактических моделей и инструментов педагогического взаимодействия.

На этом фоне особое значение приобретает интеграция систем искусственного интеллекта (ИИ), которые не заменяют роль педагога, но расширяют его профессиональные возможности в проектировании и сопровождении индивидуальных образовательных маршрутов. С приходом поколений Z и альфа на смену миллениалам возникла потребность в персонализации обучения. Современная педагогика считает, что индивидуальный подход в образовании повышает эффективность усвоения знаний. Искусственный интеллект способен анализировать уровень знаний ученика и индивидуально адаптировать учебный материал и задания к потребностям каждого ученика. Этим и обуславливается актуальность статьи.

Под искусственным интеллектом в контексте данной работы понимается совокупность компьютерных технологий и методов, моделирующих отдельные аспекты человеческих когнитивных процессов. В образовательной практике ИИ применяется для диагностики уровня подготовленности обучающихся, адаптации содержания и сложности учебных заданий, автоматизации рутинных педагогических задач, а также для предоставления оперативной и интерактивной обратной связи. Уже сегодня преподаватели и изучающие иностранные языки задействуют ИИ для генерации упражнений, создания адаптивных карточек для запоминания лексики, ускоренной проверки письменных работ и поддержки устной речи. К числу преимуществ подобных систем относятся доступность, простота использования, мгновенная обратная связь и высокий уровень интерактивности, зачастую недостижимый в традиционных условиях аудиторного взаимодействия. Таким образом, ИИ становится инструментом, обеспечивающим переход от массового образования к индивидуально-ориентированному, отвечая на вызовы времени и открывая новые возможности для педагогического дизайна. Данное исследование фокусируется на анализе этой именно взаимосвязи – между технологическими возможностями ИИ и антропоцентрической потребностью в персонализированном обучении.

Вслед за стремительным развитием технологий искусственного интеллекта расширилась и сфера связанных с ним исследований, включая вопросы практического применения. Эта тенденция активно затрагивает и область лингводидактики.

Наиболее значительные результаты в развитии навыка говорения были достигнуты в исследованиях, фокусирующихся на двух ключевых аспектах: коррекции произношения и практике спонтанной речи. Так, работа Лю и Хунга (2016) с тайваньскими студентами продемонстрировала, что применение ИИ для визуализации высоты тона (спектрограммы) эффективно корректирует произношение, уменьшая сглаженность интонационных паттернов. Позднее, в 2023 году, Казу и Кувветли развили это направление, создав ИИ-модель для изучающих турецкий язык, которая не только улучшала произношение гласных и согласных, но и способствовала долгосрочному запоминанию лексики.

Параллельно исследуется потенциал ИИ как собеседника. В эксперименте Дизона и Танга (2020) практика общения с голосовым помощником (Алекса) привела к расширению словарного запаса и повышению общего уровня языковой компетенции, обеспечив при этом высокую вовлеченность учащихся. Отдельный прорыв связан с персонализацией: исследование Шивакумара (2019) показало, что ИИ-тренер, адаптирующий программу под нужды каждого ученика, значительно повышает грамматическую точность и общее владение языком.

Широкое применение нашло использование нейросетевых проверок на грамматику. Исследование Дизона и Гейеда (2021) в сфере высшего образования показало, что учащиеся, использующие инструмент Grammarly на базе искусственного интеллекта, допускают меньше грамматических ошибок и используют больше лексических вариаций, чем учащиеся, которые этого не делают. Исследование Чона и соавторов (2021), проведённое с участием южнокорейских студентов колледжей, изучало использование машинного перевода в качестве справочного инструмента для письма на втором языке (L2). Было обнаружено, что использование Google Translate помогло менее опытным учащимся продемонстрировать уровень письменного мастерства, который незначительно отличался от уровня опытных учащихся. Также было обнаружено, что машинный перевод помог учащимся писать эссе с

большим количеством редко встречающихся, более сложных слов и более качественным синтаксисом.

Что касается обучения чтению, применение ИИ здесь пока не столь распространено, как, например, в развитии устной речи. Исследователи, работающие в этом направлении, часто фокусируются на решении ключевой задачи – системном расширении словарного запаса. Ярким примером является работа Чжэна и его коллег, изучавших усвоение лексики в иммерсивной среде массовой онлайн-игры World of Warcraft. Их данные подтвердили, что такая игровая практика не только позволяет естественным образом наращивать словарный запас и учиться понимать слова в живом контексте, но и принципиально меняет сам характер обучения, делая его динамичным и по-настоящему увлекательным.

Параллельно развивается и другое, не менее важное направление, в котором ИИ используется как инструмент педагогического дизайна, облегчающего труд преподавателя. В этом ключе показательное исследование Ким, где ИИ сначала проводил диагностику уровня студентов, а затем на основе этих данных автоматически генерировал персонализированный учебный курс. Таким образом, технология берёт на себя рутинную аналитику, освобождая педагогу время для творческой и методической работы.

Ещё одна область применения ИИ в области лингводидактики – развитие самоконтроля. Например, Хью и другие в своём исследовании добились того, что обучающиеся начали прояснять свои цели в изучении языка и разрабатывать свои методы постановки целей, в также повысили осведомлённость о стратегиях обучения в процессе постановки цели благодаря использованию чатботов в ELT для поддержки целей в обучении.

Наконец, в некоторых исследованиях ИИ используется для снижения уровня тревожности среди обучающихся. Чен, Кунг и др. (2022) сообщили, что тревожность снизилась при использовании инструмента автоматического распознавания речи на основе ИИ для тайваньских учащихся пятого класса. Кроме того, Чакмак (2022) и Чен, Кунг и др. (2022) обнаружили, что использование ИИ одновременно улучшило навыки учащихся и снизило тревожность.

В Российской Федерации наиболее популярными и доступными нейросетями для генерации текстов являются ChatGPT, YandexGPT и DeepSeek.

Для генерации любого контента чатботу нейросети необходимо дать промпт; запрос, с помощью которого ставится задача цифровой модели [Глазова, 2024]. При составлении промпта важно помнить, что искусственный интеллект иначе воспринимает контекст, а база данных, использованная для его обучения, ограничена. При этом синтаксис и грамматика не столь важны нейросети для понимания, как человеку.

Разрабатывая промпт, следует придерживаться коротких и чётких предложений, избегая большого количества деталей в одном предложении и сложных предложений. Использование глаголов в повелительном наклонении (сделай, сгенерируй, напиши и тд.) избыточно. Генеративные модели эффективнее реагируют на описательные характеристики вместо лишних команд. Однако излишняя детализация не всегда способствует получению ожидаемого результата. Нейросети лучше работают с лаконичными указаниями, особенно если необходимо создать общий образ. Кроме того, составление промпта на английском увеличивает вероятность получения более точного и детализированного результата, так как многие модели обучены преимущественно на английском языке. Нарушение правил грамматики так же часто может способствовать эффективности промпта, так как создаёт ключевые слова и фразы, которые модели легче распознавать и интерпретировать. Использование специальных символов так же может служить для уточнения деталей, выделения отдельных частей запроса или усиления акцента на выделенных элементах, в зависимости от модели.

Таким образом, примерами хороших промптов для генерации заданий по лексике и грамматике английского языка будут следующие:

1. Advanced English grammar exercise on modals (Complete the sentence with the correct modal verb of deduction and the verb in brackets). Modal verbs may/may not, must/must not, can/can't,

might/might not, could/couldn't must be present. Use words serendipity, quintessential, egregious, alleviate, ubiquitous, egregious in sentences. 5 sentences total.

2. Задание по английскому на заполнение пропусков для 7 класса. Тема предложений - экология. Пропущены слова habitat, predator, environmental issue, population, food chain, pollution, extinction, species. Вместе с ними предложены неверные ответы. Неверные ответы могут быть не из предложенного списка слов. Всего 4 варианта ответа. Всего 8 вопросов. Одно предложение=одно пропущенное слово.

3. Exercise for upper-intermediate english. Correct grammar mistake. Sentences on the topic "celebrities". Grammar: past simple and present perfect usage. 10 sentences total.

Современные нейросети способны создать упражнение, максимально схожее с написанным человеком. В качестве примера возьмём упражнение из учебника по английскому языку Solutions: Third Edition. Intermediate (Falla T. P. Davis. Oxford University Press, 2016)

*Complete the sentences with the correct form of **will** or **going to** and the verbs in brackets. Write which rule in the **Learn this!** box you are following.*

1. That train _____ (not stop) here - it's going too fast.
2. 'We _____ (spend) the weekend in Paris' 'Lucky you. You _____ (have) a great time!'
3. 'Help! I _____ (drop) one of these boxes.' 'Don't worry. I _____ (take) one for you'
4. I _____ (go) into town this afternoon. But I _____ (not be) late home, I promise.
5. '_____ (you / invite) Max to your party?' 'Yes, but he _____ (not come). He never goes to parties.'

Подобное упражнение можно сгенерировать с помощью следующего промпта:

Грамматическое упражнение по английскому языку (подставить will / going to и слова в скобках вместо пропусков) для уровня intermediate (8-9 класс). Всего 5 пунктов.

Ниже приведён результат, выданный нейросетью DeepSeek по указанному промпту.

*Выберите **will** или **be going to**. Раскройте скобки и поставьте глагол в правильную форму.*

1. Look at those dark clouds! I think it _____ (rain) soon.
2. I'm so tired. I _____ (make) a cup of coffee. Do you want one?
3. A: What are your plans for the weekend?
B: We _____ (visit) my grandparents. I've already bought the train tickets.
4. I hope the weather _____ (be) nice for our picnic tomorrow.
5. Be careful with that glass! You _____ (drop) it!

Сгенерированное нейронной сетью упражнение значительно проще составленного человеком. В нём отсутствует детализация и вариативность использования грамматической формы. Однако оно отвечает основным критериям эффективности школьного упражнения, так как соответствует речевым потребностям учащихся и их уровню знания языка. Таким образом, использование нейросети возможно для создания лексико-грамматических упражнений по английскому языку в рамках школьной программы.

Несмотря на очевидную пользу, которую ИИ может принести в области лингводидактики, он также имеет значительные недостатки.

Главной проблемой ИИ всё ещё является этическая. Вызывают опасение свободное использование данных, приватность и конфиденциальность личной информации, инклюзивность, предвзятость, стандартизация языка и защита рабочих мест учителей.

Более того, искусственный интеллект до сих пор является новой технологией. Без специальных методов дачи промпта модель может выдавать уверенный, но ошибочный ответ, так как прагматически связанные тексты часто зависят от контекста. Ранние генеративные модели склонны к заиканию и повторению одной и той же мысли. При этом даже современные модели иногда теряют общую нить повествования или логическую структуру, что приводит к однотипным, повторяющимся и «безжизненным» текстам. Также из-за обучения на данных, созданных людьми, нейросети могут усиливать социальные, гендерные и культурные стереотипы.

При всех перечисленных изъянах, по словам экспертов (доктор Марсин Опаски, доктор Нгуен Нгок Ву) ИИ ещё далёк от того, чтобы заменить человека полностью и до сих пор недостаточно совершенен даже для того, чтобы понимать жесты и мимику. «ИИ не заменит учителя, но заменит те задачи, которые забирают учителя у учеников», - говорит доктор Гумаванг Джати, старший преподаватель Университета Католика Парахьянгана.

Литература:

1. Алексеева Л. Г., Алексеев П. С. Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика. Язык промптов, или особенности формулирования запросов к генеративным нейросетям для создания изображений. <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-promptov-ili-osobennosti-formulirovaniya-zaprosov-k-generativnym-neyrosetyam-dlya-sozdaniya-izobrazheniy/viewer>.
2. Доценко Н. С. Мировой опыт применения искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков. <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-prepodavanii-inostrannyh-yazykov/viewer>.
3. Малышев И.О. Научный руководитель – А.А. Смирнов, доктор эконом. наук, профессор. Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика. <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sovremennyh-generativnyh-neyrosetey-otechestvennaya-i-zarubezhnaya-praktika/viewer>.
4. Сираева Р.Т. Общая характеристика концептов сферы ментальной деятельности // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. № 3-1. – С. 1570-1573 (С.1570).
5. Сираева Р.Т. Фразеологизмы со значением «интеллектуальные способности человека» в русском и английском языках // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 14-15.
6. Wei, J., et al. Chain-of-Thought Prompting Elicits Reasoning in Large Language Models // Advances in Neural Information Processing Systems. 2022.
7. Holtzman, A., et al. The curious case of neural text degeneration // Proceedings of the International Conference on Learning Representations (ICLR). 2020.
8. T. Schmidt, T. Strasser. Artificial Intelligence in Foreign Language Learning and Teaching: A CALL for Intelligent Practice // Anglistik: International Journal of English Studies. 2022. Vol. 33. Issue 1. P 165-184.
9. Edmett, A., Ichaporia, N., Crompton, H., & Crichton, R. (2024). Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future (Second edition). British Council. 82 p. <https://doi.org/10.57884/78EA-3C69>.

© Бурханова К.Р., 2026

УДК 821.352.3

Валиахметова Н.З.,
соискатель УУНУТ,
г.Уфа, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ПОЭЗИИ РАСИМЫ ИЛЬЯСОВОЙ

Образ женщины в любой лингвокультуре всегда был ярким, запоминающимся. В татарской поэзии первоначально раскрывалась ее обездоленная жизнь: ее насильно выдавали за нелюбимого, часто старого богатого человека. Униженная, оскорбленная женщина всегда вызывала жалость и сочувствие читателя. Было немного произведений о красоте женщины, девушки, что привлекало читателей мужского пола. Потом в поэзии появился образ женщины-труженицы, строителя новой жизни. Сильная духом и телом, целеустремленная, решительная женщина была образом женской поэзии.

Женщина – это начало жизни, основа бытия, вдохновения и любви. Она – мать, сестра, дочь, подруга, коллега, спутник жизни. Она – это великое чудо человечества, которое нельзя до конца понять и разгадать. Она может быть разной: сильной и слабой, уверенной и скромной, решительной и трусливой, страстной и нежной. Главное, что она всегда загадочна, терпелива и умна, вынослива и крепка духом.

В годы Великой отечественной войны появился образ, отражающий дух эпохи – женщина воин на поле боя и в тылу.

В последнее время поэтами стали сами женщины. Они пишут о жизни, о мире, любви, о своих чувствах.

Многие не уступают поэтам-мужчинам. Это связано тем, что женщина в обществе заняла равноправное положение, росла и растет социальная значимость ее статуса. Поэтому в современной литературе появляются талантливые поэтессы, которые думают о судьбе не только своих детей и семьи, но их волнует судьба и будущее человечества.

Высокообразованные женщины поднимают вопросы глобального значения: сохранение мира на земле, охрана природы, человеческих качеств, которые в последнее время меняются не в лучшую сторону. Женщина – поэт видит мир по-другому, замечает красоту мира по-иному, чувство любви, ответственности у нее заложены от природы. Она умеет любить, прощать, выдерживать все тяготы судьбы, в то же время остается нежной, заботливой, скромной [1;3;5].

В стихах Ильясовой Расимы Гимрановны есть все, что волнует современную женщину. Именно поэтому она понятна и близка современному читателю.

Анализ ее стихов начнем словами главного редактора газеты «Игенче» Чекмагушевского района Республики Башкортостан, лауреата премии имени Вазиха Исхакова, заслуженного журналиста РБ Амирханова Фаниса Фидановича. «Творчество Расимы Гимрановны, которое, как светлый ручеек, превратилось в бурную речку и влилось в огромное творческое море» [7]

На самом деле, ее творчество бежит, как хрустальный ручеек, ломая преграды. Даже пробивая камни, вперед, орошая пустыни и превращая их в цветущие сады, глоток чистой воды, выпитый читателем, очищает его душу, вливает живительную каплю и помогает жить.

...Әгәр чылтыр читимә булсам,

Чылтырап агар идем,

Кешеләрнең күңелләрен

Моңарга манар идем.

Әгәр таң чишмәсе булсам.

Ашкынып агар идем,

Тау-ташларны җимерерлек

Мин кәчләр табар идем.

Жәен, салкын суым белән

Сусауны басар идем.

Комлы чүлләрне сугарып,

Гөлбакча ясар идем.

(“Чишмә булсам”)

Рәсимә Гимрановна –мать четверых детей. Она дала всем высшее образование. Все работают в ответственных местах, имеют награды.

Материнство она считает своим большим счастьем:

Сезне табып, әни булдым,

Сезне багып, сабыр булдым,

Сине кәйләп, моңлы булдым,

Балаларым, сездән уңдым,

Мин бәхетле ана булдым.

Она-мать, которая всегда рядом с детьми, живет их заботами. Она участвовала ,и выступила от имени родителей на параде принятия военной присяги своего младшего сына и с гордостью пишет:

“Күңелем кабатлады мең кабат –
Минем улым бирэ хэрби ант!
Күкрәгенә кыскан автомат,
Бүгеннән ул булды чын солдат.
Тыныч йоклар солдат анасы:
Илне саклый газиз баласы.
 (“Хэрби ант”)

Она рядом , когда сын на вахте в далекой Сибири:

“Әникәем, хәлең ничек
Безне көткәнне беләм:
Ерактан, салкын Себердән,
Җибәрәм кайнар сәлам!
Әни , монда кары ап-ак,
Хәттә күзләр чагыла.
Матур булса да бу яклар,
Туган якны сагынам”.

(“Балам йөри кайларда?”)

Любовь к единственный дочери тоже находит место в ее стихах:

“*Нигә бүген кояш көлә?*
Кызым килгән, кызым килгән.
Әни бүген түргә менгән,
Матур күлмәген дә кигән.
Кызы керләр юып элгән...
Өе ямле!
Гуя, фәрештәләр кERGән.
 (“Кызым килгән”)

Женщина –мать способна пережить все тяготы и беды, которые выпадают на ее долю. ..она с достоинством пережила потерю сына. Свою боль утраты она переносит в свои стихи и песни:

Сагыш басты саф күңелне,
Син мәңгелек ярам,
Гөмерем газаплары
Акыллардан язам түгелме?
Кичер Әнкәй, кайталмасам,
Мине гафу ит!
Мин кайтырмын моңнар булып,
Көт, әнием, көт!
Күңелемдә чыңлап торган
Гармун тавышы
Таңнарымны гомерлеккә
Итте сагышлы...
 (“Таңдагы моң”)

Для поэтессы учительство –это призвание. Десятки стихотворений она посвятила школе, коллеге, своим учителям.

Укытучы –белем бирүче,
Укытучы- бала сөюче,
Укытучы=бар яктан да килгән,
Башкалардан күбрәк белүче!
Саф алтынга пычрак йокмый, диләр,

*Йокмый сиңа еллар тузаны,
Балаларның киләчәген уйлап,
Сизмисең дә гомер узганын.
("Укытучы")*

Любовь к своей матери у нее на особом месте. Это для нее самое святое слово, самый святой человек. Все, что есть хорошее в моей жизни, это заслуга матери, признается она в своих стихах.

*Әнкәй-миңа якты маяк,
Йөртә әнкәй акылы .
Әнкәйләрдә генә икән
Яшәүнең чын асылы.
Домашние, бесконечные женские заботы не ускользают от зоркого взгляда поэтессы:
Кирәк иртә торырга,
Сыер савып , куарга.
Тавыкка җим сибәргә,
Савыт-саба юарга.
Онытмаска тиешсең
Көзгегә күз салырга,
Шат елмаеп , иреңне
Эштән каршы алырга.
("Яшщъ асылы")*

Она учит в своих стихах женским секретам.

*Кулыңнан гөлләр тама, дип.
Гел мактап кына торсаң,
Тәмле ризыклар пешереп,
Сыйлы табыннар корсаң,
Ачуыңны эчкә йотып,
Ихлас елмаеп көлсәң,
Дөньядагы иң шәп хатын-
Син генә, әгәр белсәң
Ир-егетләренең эчендә
Җигүле ат бар диләр,
Хатын-кызың арбасында
Капчыклап ята серләр.
("Хатын-кыз серләре")*

Женщина всегда была музой для мужчины –поэта. А женщине- поэтессе предметом любви является мужчина. Для Расимы Гимрановны –это ее первая и единственная любовь всей ее жизни . Они прожили 50 счастливых лет. В ее стихах отражена большая чистая любовь, которую они сохранили до старости.

*Син-кояшым,
Ә мин- Җирең.
Синең тиреңдә мин әйләнәм,
Чиксез рәхмәтлемен язмышыма,
Сине миңа китереп бәйләгән.
("Син кояшым")*

Потерю своей половины, верного спутника жизни , она тоже переносит на бумагу .Она не потерялась, живет, питая свою жизнь любовью к нему:

*Башымны түбән имимен,
Яшәмим моңлы, зарлы,
Бәхетле булып яшимен-
Күңелем минем парлы.
("Күңелем минем парлы")*

Величие женщины автор воспекает в стихотворении “Хвалебная ода женщине”

Изге, бөек шәхес, диләр.

Бар да хатын-кыз затын:

Изгн ана, уңган эшче,

Тугры дус , гүзәл хатын.

Бу нәфис зат шундый кәчле .

Куллары һәрчак эшле.

Башкарып чыга бит алар

Ир-ат эшләгән эшнә.

Ватан-ана, җавап итеп,

Кешелеккә эндәшә:

Минем белән тик хатын-кыз

Тора ала янәшә!

Только Родина-мать может стоять рядом с женщиной! Поэтому Родину мы зовем матерью.

Листая книги стихов Расимы Ильясовой можно плакать, смеяться, задумываться о смысле жизни, о роли женщины в нашем обществе [6].

Иногда по философски осмысленно, по-учительски нравоучительно, как женщина ласково, нежно, порой лукаво и смешно она пишет о женщине-главное, о себе, о своих близких. Они очень понятны каждому – потому что они пережиты самой поэтессой, а не придуманные слова.

Литература:

1. Воробьев В.В., Фаткуллина, Ф.Г., Саитбатталов И.Р. Лингвокультурологический аспект перевода библейских текстов на тюркские языки (на материале русского, башкирского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы, 2023, №. 4. С. 61-69 DOI: 10.25178/nit.2023.4.4 / <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1271/1586> <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/60>.
2. Ильясова Р. Ворота молодости. Уфа, Книга-Принт, 2023.
3. Дубровская К.А., Фаткуллина Ф.Г. Идеал образа женщины в русской культурной традиции // Материалы IX Международной научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2023). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2023. С. 121-125.
4. Лингвокультурология: общая, сопоставительная, прикладная. Энциклопедический словарь / Составители В.В. Воробьев, Р.Х. Хайруллина, Ф.Г. Фаткуллина [текст] – Москва: Флинта. 2026 . – 172 с. ISBN 978-5-9765-5833-5.
5. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. – 127 с.
6. Фаткуллина Ф.Г., Дубровская К.А. Сопоставительный анализ паремий о женщинах в системе родственных отношений в русском и узбекском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2023. № 7. С. 2293-2298. <https://doi.org/10.30853/phil20230318>.
7. Ханмурзина Л. "Тәлгәш- тәлгәш фикерләрем" / Газета "Игенче", 25 апрель, 2025 г.

© Валиахметова Н.З., 2026

*Валиева А.А.,
студентка 5 курса ФБФВиЖ,
Исянгулова Г.А.,
д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БАШКИРСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

В условиях глобализации и активизации межкультурных контактов владение несколькими языками приобретает особую значимость как для личностного развития, так и для профессиональной самореализации. В этом аспекте изучение башкирского и турецкого языков имеет особую ценность, поскольку способствует сохранению национально-культурной идентичности, укреплению историко-культурных связей тюркских народов и расширению возможностей межкультурной коммуникации.

Освоение языка представляет собой многоаспектный процесс, охватывающий развитие лексических, грамматических, фонетических и коммуникативных навыков. В связи с этим одной из актуальных задач современной методики преподавания является выбор эффективных способов оценки уровня сформированности языковой компетенции обучающихся. Сегодня оценивание рассматривается не только как инструмент контроля знаний, но и как средство повышения учебной мотивации, развития автономности учащихся и стимулирования их речевой активности.

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении традиционных и инновационных подходов к оцениванию результатов обучения башкирскому и турецкому языкам, а также в определении их эффективности в процессе формирования коммуникативной компетенции.

Традиционные способы контроля сохраняют важное место в системе преподавания башкирского языка. К ним относятся письменные и устные контрольные работы, диктанты, тестовые задания, зачеты и экзамены. Данные формы позволяют оценивать усвоение грамматических структур, объем словарного запаса и уровень развития письменной речи. Контрольные и тестовые задания дают возможность регулярно отслеживать динамику освоения материала и выявлять пробелы в знаниях обучающихся [4, с. 80]. Стандартизированность подобных методов обеспечивает относительную объективность и позволяет сопоставлять результаты обучения.

Существенную роль играют и устные формы проверки знаний. Диалоги, монологические высказывания и беседы помогают оценить уровень сформированности устной речи, правильность произношения, логичность построения высказывания и речевую гибкость учащихся. Однако подобные способы контроля в большей степени зависят от субъективной оценки преподавателя, что может отражаться на итоговых результатах [2, с. 108].

К преимуществам традиционных методов можно отнести их структурированность, четкость критериев и возможность системного анализа учебных достижений. Такие формы контроля способствуют развитию дисциплины, ответственности и навыков самоорганизации, поскольку требуют выполнения заданий в установленный срок [5, с. 60–65]. Особенно эффективно они проявляют себя при проверке базовых языковых знаний, составляющих основу дальнейшего языкового развития.

Вместе с тем традиционные методы имеют и определенные ограничения. Они нередко вызывают у учащихся стресс, что может снижать объективность результатов. Кроме того, подобные формы контроля преимущественно ориентированы на воспроизведение знаний и не всегда позволяют оценить умение использовать язык в естественной коммуникативной среде. Учащиеся, успешно выполняющие тесты, зачастую испытывают трудности в спонтанном речевом взаимодействии.

В практике преподавания турецкого языка широко используется комплексный подход к оцениванию, объединяющий традиционные и альтернативные методы. На начальном этапе применяются диагностические задания, позволяющие определить исходный уровень подготовки обучающихся и учитывать их индивидуальные образовательные потребности [6, с. 180–182]. Такие задания могут включать письменные упражнения, устные интервью и задания на понимание текста.

Важным компонентом современного обучения выступает формативное оценивание, ориентированное на постоянный мониторинг развития языковых навыков. К его инструментам относятся текущие тесты, практические упражнения, домашние задания, мини-проекты. Регулярная обратная связь позволяет своевременно корректировать учебный процесс и способствует более осознанному усвоению материала [3, с. 33–36]. Особый интерес представляют альтернативные методы оценки, ориентированные на развитие коммуникативной компетенции, творческого потенциала и самостоятельности обучающихся. В отличие от традиционного контроля, здесь акцент переносится с объема усвоенных знаний на способность применять их в реальной практике.

Одним из наиболее результативных методов является проектная деятельность. При изучении башкирского языка обучающиеся могут выполнять проекты, связанные с историей, культурой и традициями Башкортостана. Подобная работа включает поиск и анализ информации, подготовку устных или письменных выступлений и защиту проекта на изучаемом языке. Аналогичный подход применяется и при обучении турецкому языку, например, в формате виртуальных экскурсий по городам Турции или исследований, посвященных истории Османской империи [1].

Значимое место в системе альтернативного оценивания занимает проверка устной речи посредством дискуссий, ролевых игр, презентаций и моделирования коммуникативных ситуаций. Такие формы позволяют более полно оценить уровень владения разговорной речью, логичность аргументации и способность учащихся выражать и обосновывать собственную позицию. Дополнительные возможности открывает использование цифровых и мультимедийных технологий. Работа с видеоматериалами, аудиотекстами, интерактивными заданиями и аутентичными культурными ресурсами способствует развитию навыков аудирования, расширению словарного запаса и повышению мотивации к изучению языка.

Таким образом, наиболее эффективным представляется сочетание традиционных и альтернативных подходов к оцениванию. Классические формы контроля обеспечивают прочную языковую базу, тогда как инновационные методы развивают коммуникативную гибкость, самостоятельность и способность применять знания в практической деятельности.

Комплексный подход к оценке языковой подготовки способствует повышению качества образования, усилению мотивации обучающихся и формированию полноценной коммуникативной компетенции. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением возможностей цифровых платформ, технологий искусственного интеллекта и адаптивных систем обучения в совершенствовании процедур языкового оценивания.

Литература:

1. Валиева А.А., Исянгулова Г.А. Традиционные и альтернативные методы оценивания усвоения языка (на примере изучения башкирского и турецкого языков) // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Гаруна Гаджикурбановича Буржунова, известного специалиста по методике преподавания русского языка в национальной школе. – Махачкала: ДГПУ им. Р. Гамзатова, 18 декабря 2025 года. – С. 205-210.
2. Габитова З.М. Формирование универсальной учебной деятельности на уроках башкирского языка. – Уфа: Изд-во ИРО РБ, 2013. – 108 с.

3. Пирожкова А.О., Кубединова Э.Д. Традиционные методы обучения иностранному языку в общеобразовательной школе // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 6-2 (12). – С. 33–36.

4. Саяхова З.И. Современные средства оценивания результатов обучения: учебно-методический комплекс для студентов 3-го курса факультета башкирской филологии. – Sterlitaamak: Sterlitaamakskaya gos. pedagogicheskaya akad. im. Zaynab Biishevoy, 2009. – 80 с.

5. Сперанская Н.И., Яцевич О.Е. К вопросу об оценивании знаний студентов в вузе: отметка, оценка, рейтинг, мониторинг // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. № 5 (193). – С. 60–65.

6. Хабибуллина Э.К. Методологические основы преподавания турецкого языка на занятиях по лингвострановедению // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 6 (48), часть I. – С. 180–182.

© Валиева А.А., Исянгулова Г.А., 2026

УДК 37.06

Ван Сюецзяо

*канд. филол., наук,
преподаватель Шэньянского инженерного института,
г. Шэньян, Китай*

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Введение

С 2022 года геополитическая ситуация в России претерпела фундаментальные изменения. Санкционное давление со стороны западных стран, разрыв или существенное ослабление экономических и образовательных связей с Европой, а также активный поворот внешней политики в сторону Азии — все эти факторы сформировали новый общественный запрос. Одним из наиболее ярких проявлений этой трансформации стал беспрецедентный рост интереса к китайскому языку. Цель настоящей статьи — на основе эмпирических данных представить целостную картину состояния, проблем и тенденций развития китайского языка в России в современных условиях.

Состояние: взрывной рост спроса

Согласно данным российских СМИ и образовательных платформ, в 2023 году спрос на изучение китайского языка в России вырос на 600% [3]. К 2024 году китайский язык занял второе место по популярности среди иностранных языков, уступая только английскому. В 2025 году число вакансий, требующих знания китайского, превысило 13 000, что в 1,6 раза больше показателя 2022 года [1; 7].

Спрос на репетиторов китайского языка в среднем по стране вырос более чем на 70%, а в отдельных регионах (Владивосток) — на 350% [7]. Около 200 российских университетов предлагают курсы китайского языка, число школьников, изучающих китайский, ежегодно увеличивается на 8–10%. В Дальневосточном федеральном университете число студентов Института Конфуция в 2023 году выросло на 50% по сравнению с предыдущим годом (Красная весна, 2022).

Знание китайского языка перестало быть узкоспециализированным навыком. Оно требуется инженерам, бухгалтерам, логистам, автомеханикам, специалистам туристической отрасли. Наиболее высокий спрос фиксируется в логистике, производстве, финансах и туризме [2; 5].

Причины роста

Экономический фактор

В 2023 году товарооборот между Россией и Китаем достиг рекордных 245 млрд долларов. Китай стал крупнейшим торговым партнёром России, что напрямую стимулировало спрос на специалистов со знанием китайского языка.

Образовательная миграция

Закрытие европейских университетов для российских студентов привело к резкому росту интереса к китайским вузам. В 2024 году в Китае обучалось более 16 000 российских студентов, а количество заявок на поступление выросло в три раза.

Культурный фактор.

Распространение китайской культуры (кино, боевые искусства, традиционная медицина, празднование Нового года) повышает мотивацию к изучению языка.

Политический дискурс

Ряд российских политиков публично называют английский «языком врага», что способствует переориентации общественных настроений в пользу китайского языка.

Проблемы

Несмотря на высокий спрос, система преподавания китайского языка в России сталкивается с серьёзными проблемами.

Дефицит преподавателей.

Спрос значительно превышает предложение. За год стоимость одного академического часа выросла с 800–900 до 1500–2000 рублей (Новые Известия, 2023). В некоторых университетах, включая МГУ, студенты оставались без занятий по китайскому языку в течение месяца.

Качество преподавания

Высокий спрос привлёк на рынок множество непрофессиональных преподавателей. Отсутствие единых стандартов приводит к низкой доле студентов, достигающих уровня HSK 4 и выше.

Устаревшие учебные материалы

Существующие учебники ориентированы на классическую письменную культуру и не содержат современной лексики, интернет-языка и деловой коммуникации.

Региональное неравенство

Основные ресурсы сосредоточены в Москве, Санкт-Петербурге и на Дальнем Востоке. В регионах, особенно в сельской местности, систематическое преподавание китайского языка отсутствует.

Пути решения

Кадровая политика

Необходимо расширение приёма на педагогические специальности китайского языка, привлечение носителей языка из Китая с упрощением визовых процедур, создание онлайн-платформ для повышения квалификации местных преподавателей.

Модернизация учебных материалов

Совместная с китайскими партнёрами разработка современных учебников, внедрение стандартизированных экзаменов (HSK, YCT, BCT), использование технологий искусственного интеллекта для персонализированного обучения.

Дистанционное образование

Онлайн-курсы, MOOCs и удалённое репетиторство позволяют охватить отдалённые регионы. Целесообразно создание общегосударственного бесплатного банка учебных ресурсов.

Международное сотрудничество

Полноценное использование потенциала институтов Конфуция, взаимное признание кредитов и совместные дипломы, краткосрочные стажировки в Китае, стипендиальные программы для подготовки местных преподавателей.

Тенденции развития

Интеграция в школьное образование

С включением китайского языка в ЕГЭ ожидается его широкое распространение в качестве первого или второго иностранного языка в школах.

Профессионализация

Наибольшим спросом будут пользоваться курсы профессионального китайского языка в логистике, инженерии, медицине и туризме. Вырастет потребность в корпоративном обучении.

Технологизация

Искусственный интеллект, системы распознавания речи и виртуальная реальность повысят эффективность обучения и частично компенсируют дефицит преподавателей.

Образовательная интеграция

К 2030 году число студентов по обмену между Россией и Китаем может достигнуть 100 000 человек. Примером служит Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Статус второго иностранного языка

При сохранении текущих тенденций китайский язык в течение десяти лет может вытеснить немецкий и французский как самый изучаемый второй иностранный язык в России.

Заключение

Непростые внешнеполитические условия в современном мире парадоксальным образом стали мощным катализатором развития китайского языка в России. Этот феномен не является временным конъюнктурным всплеском, а отражает глубинный структурный сдвиг — «поворот на Восток» российского общества и экономики [3; 8]. Для преодоления существующих проблем, прежде всего дефицита преподавателей и региональной неравномерности, необходимо системное российско-китайское сотрудничество в области образовательной политики, подготовки кадров и разработки учебных материалов. В долгосрочной перспективе преподавание китайского языка в России станет неотъемлемой частью гуманитарного фундамента стратегического партнёрства двух стран.

Литература:

1. Барабаева Е. Китайская грамота: спрос на язык Поднебесной в России стремительно растёт // Парламентская газета. – 20.04.2025. – URL: <https://www.pnp.ru/social/kitayskaya-gramota-spros-na-yazyk-podnebesnoy-v-rossii-stremitelno-rastet.html>.
2. Ван Сюецзяо, Фаткуллина Ф.Г. Концепт «здоровье / «健康» как лингвокультурный феномен: монография / Ван Сюецзяо, Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: Уфимский университет, 2025. – 174 с.
3. Граждане стали учить китайский язык // Коммерсантъ FM. – 24.08.2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6174608>.
4. На Дальнем Востоке стали активно учить китайский язык // Красная весна (по материалам Синьхуа). – 03.12.2022. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/02d98909>.
5. Ни Сыюй, Фаткуллина Ф.Г. Русский язык – мост к мировой культуре // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века: материалы V Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (г. Уфа, УГНТУ 24 октября 2024 г.). – Уфа: УГНТУ, 2024. С.174-178.
6. Русские массово учат китайский язык как будущий государственный // Колокол России. – URL: <https://kolokolrussia.ru/evraziya/russkie-massovo-uchat-kitayskiy-yazyk-kak-buduschiy-gosudarstvennyy>.
7. Сираева Р. Т. Особенности изучения ментальных концептов во фразеологии // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3 С. 1042-1045.
8. Скудаева А. Языковой ажиотаж: почему россияне устроили охоту на репетиторов по китайскому // Новые Известия. – 09.11.2023. – URL: <https://newizv.ru/news/2023-11-09/yazykovoy-azhiotazh-pochemu-rossiyane-ustroili-ohotu-na-repetitorov-po-kitayskomu-423209>.
9. Сильное подспорье: почему у россиян растёт спрос на изучение китайского языка // Вечерняя Москва. – 12.10.2025. – URL: <https://vfokuse.mail.ru/news/68275864-silnoe-podspore-pochemu-u-rossiyan-rastet-spros-na-izuchenie-kitayskogo-yazyka>.

© Ван Сюецзяо, 2026

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДЕТСКИХ БЛОГАХ

Для выявления официально–идеологической картины желаемых ценностных ориентаций, которая предлагается ребенку в англоязычном мире, мы остановимся на дискурсе индивидуализма и самореализации..

Дискурс индивидуализма и самореализации в медиаканалах строится на нескольких наиболее частотных лексемах и речевых формулах, включающих местоимения *you; your; yourself* (*You can choose! / You decide / You are special! / You can do it! / You did it! / You can choose! / Your way / Follow your dream / Be the hero of your story / Use your voice / Be yourself* и т.п.). Акцент делается на личном выборе и активности, поощрении настойчивости и личных достижений (*Never give in! / Try again!*), исследований и любознательности (*Discover the world of... / Let's explore...*), на уникальных личных способностях (*What do YOU think? / Be the hero of your story*), эмоциональной саморефлексии (*Your feelings matter*). Важным нюансом является то, что на официальных платформах (особенно PBS, Sesame Street, BBC) ценности индивидуализма почти всегда сбалансированы ценностями сотрудничества, эмпатии и помощи сообществу (*Let's do it together / Help your friend / teamwork*), что указывает на продвижении модели ответственного индивидуализма, где личные таланты и уверенность служат не только для самореализации, но и для вклада в общее дело и уважения к другим [2; 3]. Этот дискурс нельзя назвать эгоцентричным, он, скорее, персоналистский, с акцентом на развитие уверенной, мыслящей личности, способной к пониманию Другого.

В подтверждение вышесказанного приведем анализ некоторых дискурсивных фрагментов.

Рассмотрим для начала песню-девиз канала Sesame Street: *There is nobody else in the whole wide world exactly, exactly like me. I can do most anything if I just make up my mind to.* (Во всём мире нет никого другого, в точности такого, как я. Я могу сделать почти всё что угодно, если только захочу) (здесь и далее перевод мой (Г.И.)). Текст песни прямо утверждает уникальность личности как аксиому. Самореализация связана не с талантом, а с волей (*make up my mind*), что делает успех доступным выбором любого ребёнка.

Девиз школы PBS Kids, Hero Elementary *Not all heroes wear capes. Your superpower is your curiosity.* (Не все герои носят плащи. Ваша суперсила – это ваше любопытство) лишает героизм физической силы или еще каких-либо ее внешних атрибутов. Источник силы и основы для самореализации локализуется внутри личности, в её познавательном импульсе.

Легендарная заставка и слоган передачи «Mister Rogers' Neighborhood» *I like you just the way you are* (Ты мне нравишься именно такой, какой ты есть) очень ярко отражает краеугольный камень американской детской педагогики: безусловное принятие индивидуальности.

Платформа «The Kid Should See This» строит дискурс вокруг идеи внутренней активности ребенка. В промо-материалах и сопроводительных текстах систематически воспроизводятся формулировки, провозглашающие наличие у каждого ребенка собственных удивительных идей (*the world is full of amazing ideas, and you have them too*), которые представляют контент как инструмент для разжигания любопытства (*to spark your curiosity*) и задают вопрос о том, что ребенок создаст сегодня (*what will YOU create today?*). Обращение строится на личном местоимении *you* и притяжательном *your*, подчеркивающими индивидуальность и творческую самостоятельность зрителя [1;5].

В сюжете о выборе хобби (BBC CBeebies, The Let's Go Club) самореализация представлена в дискурсе как внутреннее ориентирование на личную радость. Используемая здесь метафора карты, которую предстоит исследовать самому ребенку (*It's your map to*

explore), подчеркивает, что конечная цель не бывает заданной заранее и кем-то другим. Выбор направления определяется твоим собственным интересом. Самореализация представлена в дискурсе как внутреннее ориентирование на личную радость (*happy heart*), не нуждающееся во внешнем одобрении.

Прагматичная история и критическое мышление

Отражение доминанты прагматичной истории и критического мышления в исследуемом дискурсе строится на следующих наиболее частотных лексемах и речевых формулах: *the real story / the true story; Think like a detective/historian/scientist/engineer! / cause / effect / primary sources*. Дискурс фокусируется на пересмотре мифов и стереотипов (*What's the real story? / History isn't just about kings and battles / Let's look at it from another point of view / True or false: ...? / That's not the whole picture!*), на фактах, доказательствах и процессе (*How do we know that / Prove it! / Let's investigate / The scientific method / Gather the data / What's the evidence? / Let's test it!*), на связи прошлого с настоящим и личным опытом (*How does this connect to you? / What would YOU do? / Why does this matter today? / This invention changed everything / Can you spot this in your neighborhood?*), на разборе сложных явлений (*How does this work? / Let's break it down / What was the cause, what was the effect? / It's complicated, but we can understand it / step by step*). Продвигается также этическая рефлексия (*But what did other people think at the time? / Was that fair? / There are two sides to every story / We have to remember this part too / Imagine how they felt*). По сути анализируемый дискурс подает историю и вообще любую информацию как инструмент для понимания мира. Он учит ребенка задавать неудобные вопросы, искать доказательства, видеть сложность и связывать знания с практической жизнью и формирует критическое мышление, чтобы у человека был инструмент личной независимости суждений [4;6].

Например, в одном из скетчей *Horrible Histories* (сезон 1–5, BBC/CBBC, 2009–2013) находим следующее рассуждение: *Victorian child in a coal mine? – It builds character! ... A Viking wife left to manage the farm? – Stop complaining, at least you're not on a longboat with Bjorn. It's all about perspective.* (Викторианский ребёнок на угольной шахте? – Это воспитывает характер! ... Жена викинга, оставленная управлять фермой? – Хватит жаловаться, ты хотя бы не на драккаре (корабль викингов) с Бьёрном (легендарный скандинавский герой). Всё дело, в какой перспективе это рассматривать). В этом фрагменте чёрный юмор и анахроничный формат реалити-шоу заставляют дистанцироваться от романтизации прошлого и принять то, что оценка ситуации всегда зависит от конкретных, часто суровых, условий эпохи.

Эти краткие формулировки содержат ключевую для англоязычного детского контента ценностную установку: признание множественности путей развития и безусловное внимание к голосу другого.

Литература:

1. Базжина Т.В. Как дети формируют языковую рефлексию взрослых // Проблемы онтолингвистики-2012: материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А.Н. Гвоздева (24-26 апреля 2012 г., Санкт-Петербург). – СПб.: Златоуст, 2012. – С. 461-464.
2. Белендир С.Ф., Фаткуллина Ф. Г. Лингвокультурные трансформации ценностей в современной коммуникативной реальности // Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию обучения иностранных учащихся русскому языку в Уфимском государственном нефтяном техническом университете. (23 октября 2025 года)/ под общ. ред. А.К. Сулеймановой. – Уфа: УНПЦ «Изд-во УГНТУ», 2025. С.22-26.
3. Фаткуллина Ф.Г., Зарипова Э.М. Языковое манипулирование базовыми ценностями современного общества в цифровой медиасреде // Мир науки, культуры, образования, Горно-Алтайск, № 3 (82). С.387-388.
4. Фаткуллина Ф.Г. Цифровая коммуникативная реальность: состояние и

перспективы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6 s, 2024. С. 154-162.

5. Шахнарович А.М., Графова Т.А. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 99-114.

6. Fatkullina, F.G., & Dastamuz, S. (2024). Linguistic-culturological characteristics of a conflicting linguistic personality in modern Internet discourse. Russian Language Studies, 22(3), 451–464.

© Габдрахманова И.Ю., 2026

УДК 811.512

*Гайнуллина Г.У.,
канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

МОДАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Модальность является одним из основных признаков предложения. «Модальность в любом её проявлении – это, прежде всего, выражение отношения говорящего к реальности» [5: 207]. В языкознании обычно принято выделять два основных типа модальных значений: объективно-модальных и субъективно-модальных. Если объективно-модальное значение выражает характер отношения, сообщаемого к действительности, то субъектно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому. Некоторые лингвисты выделяют третий тип модальных отношений – отношение между действием и его носителем.

В.В. Виноградов грамматические, лексико-грамматические и лексические средства, выражающие модальность, рассматривает в тесной связи с предложением, то есть утверждает, что модальность – это категория синтаксиса, один из главных грамматических свойств предложения [1: 53].

В тюркологии модальность в таком же плане рассматривается в работах А.Н. Кононова, А. Ализаде, Ф.Р. Зейналова и др. На материале башкирского языка модальный конституент предложения М.В. Зайнуллиным впервые был квалифицирован как функционально-семантическая категория. Модальность им подразделяется, прежде всего, на два противопоставленных семантических типа: 1) модальность действительности или реальности; 2) модальность недействительности или нереальности. «В свою очередь, модальность недействительности, – пишет ученый, – распадается на следующие семантические виды: а) модальность необходимости, долженствования, б) модальность возможности и невозможности, в) побудительная модальность, г) желательная модальность; д) модальность намерения, е) предположительная модальность» [2: 31].

В татарском языкознании проблемы модальности были изучены М.З. Закиевым, Д.Г. Тумашевой, Р.Г. Сибагатовым, Р.Г. Миннихметовым и другими. М.З. Закиев по-своему разграничивает понятия предикативности и модальности, он также анализирует средства их выражения. Ученый в круг модальных значений включает и эмоциональную оценку говорящего [6: 395].

Объективно-модальное значение при этом тесно связывается с формами простого предложения. «Формы простого предложения – это его изменения, осуществляемые такими грамматическими средствами, которые специально предназначены для выражения объективно-модальных значений – синтаксических времен и наклонений» [4: 98]. Наклонение – это модальность, выраженная формами глагола [6: 242].

В лингвистике принято делить наклонение на два типа: 1) реальное наклонение, или по-другому синтаксический индикатив; 2) ирреальное наклонение. «В тюркских языках

наклонение и время выражается синкретичной формой» [6: 395]. Каждое время в татарском языке имеет очевидную и неочевидную формы.

Нам приходится специально заниматься изучением модального оформления трансформированных эллиптических предложений. Данные конструкции – это семантически полные (достаточные по смыслу независимо от конситуации) предложения, которые характеризуются разорванностью грамматических связей и для которых структура неполного предложения стала структурно-синтаксической моделью. В трансформированных эллиптических конструкциях отсутствует глагольное сказуемое, поэтому в этих предложениях наклонение выражается при помощи вспомогательных глаголов. В рассматриваемых нами конструкциях реальная модальность выражается тремя формами настоящего, шестью формами прошедшего, тремя формами будущего времени. Например, *Сайлаган кэлэше дә пар килгән гаиләдән* (М. Әмир). *Әвен янында жыелыш була* (М. Әмир). *Верещагин кайда икән, Шумилин?* (Г. Әпсәләмов). – *Миңа анда егерме жиде яшь иде* (Р. Мөхәммәдьярова). *Ә хатларның төрлесе була иде* (Ә. Маликов). *Сүз почета булмаган* (Ә. Атнабай). *Бөтен хезмәт халык өчен булды. Гаеп үзәндә булган икән* (Ф. Сафин). *Шул сурәте кайда булды икән аның?* (Ә. Фәйзи). – *Иртәгә жыл көнчыгыштан булачак. Су төбәндә бер тап булыр, тап эчәндә кеше булыр* (Р. Мингалим). *Бөтен авылның теләндә ул гына булачак икән* (Ә. Фәйзи).

В синтаксисе татарского языка пишется о двенадцати ирреальных наклонениях. Но из них только четыре названы в морфологии настоящими наклонениями: сослагательное, условное, желательное, побудительное. Эти наклонения в трансформированных эллиптических предложениях передаются при помощи вспомогательного глагола *бул-*. Но в каждом отдельном случае этот вспомогательный глагол имеет конкретную форму. Если условное наклонение выражается формой *булса*, то побудительное при помощи *бул* и *булсын*. Например, *Кояш кайгысымы, үз кояшың янда булмаса* (М. Вафин). *Пассажирлар арасында врач яисә фельдшер булса, тизлек белән дүртенче вагонга килүен үтенәбез. Беләкләрең хәзрәте Галинеке төсле булсын* (Ә. Фәйзи). Кроме этих четырех наклонений, в татарском языке выделяются еще восемь наклонений: предположительное, повелительное, долженствовательное, притворное наклонения, наклонения намерения, возможности, сожаления и удивления. Средством выражения этих наклонений в рассматриваемых нами конструкциях, в основном, служит вспомогательный глагол *бул-*. Но наряду с ним могут участвовать и другие вспомогательные глаголы. Например, повелительное наклонение выражается при помощи *булырга ярый*, а долженствовательное наклонение – *булырга тиеш*. Например: *Асияга авылда булырга ярый. Канәгатьнең уйлавынча, ил буйлап хал белеп йөрүче Хозыр Ильяс нәкъ менә шушы Газиз бабасы кебек булырга тиеш иде* (А. Халим).

Как мы уже отметили, наклонение является средством выражения объективной модальности. Но нельзя не отметить: что рассмотренные нами последние восемь форм наклонения в основном выражают различные эмоции, чувства. Например, удивление, сожаление, ирония, неуверенность и т.д. Тем самым они приближаются к субъективной модальности.

В трансформированных эллиптических предложениях предикат по оформлению объективно-модальных значений не отличается от обычного именного сказуемого, хотя предиктируемый член в этих предложениях выступает не только в основном, но и в косвенных падежах, с послелогами. Рассматриваемые нами предложения могут иметь полную парадигму объективно-модальных форм, характерных для именного типа предложений.

В татарском языке разнообразны также субъективно-модальные характеристики предиктируемого члена трансформированных эллиптических предложений. К субъективно-модальным значениям относятся те значения, в которых заключено отношение говорящего к тому, о чем он сообщает. Одна и та же действительность говорящим может быть представлена как такая, которая вызывает разное его эмоциональное отношение, с разных сторон оценивается. Субъективно-модальные значения выражаются самыми разнообразными языковыми средствами: вводными словами, обращениями, сочетаниями знаменательных слов

с частицами, с междометиями, интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, повторением слов, порядком слов, а также разнообразными комбинациями этих средств.

При помощи вводных слов в трансформированных эллиптических предложениях выражаются разнообразные модальные значения: уверенность, неуверенность, сравнение, противопоставление, эмоциональное отношение. Например, *Бу өзелү, бу ераклашу, әлбәттә, тыштан гына, тышкы куренештән генә* (Г. Ибраһимов). *Күрәсең, хикмәт монда бер Ләйлә җанымда гына түгел* (Ә. Еники). В татарском языке встречаются обращения, которые по своей семантике очень похожи на вводные слова. Эти обращения выражают эмоционально-экспрессивную оценку говорящего. Например, *Ул, ачык авыз, кайда икән? Кайда соң син, бахет дигәнең?*

Междометия в составе трансформированных эллиптических конструкций выражают удивление, восхищение, страх, неприязнь. Например, *Йә, кызкай ни хәлдә?* (Н. Гыйматдинова). *Ай-хай, көч үзәңдә!* (Ә. Фәйзи).

Частицы в разных сочетаниях с теми или другими членами предложений выражают различные субъективно-модальные значения: удивление, сомнение, значение положительной или отрицательной оценки, значение отрицания, значение эмоционального окрашенного подчеркивания и усиления и другие. Например, *Педагог белеме ич сіндә* (Н. Гыйматдинова). *Уәт кемдә икән яшьлек!* (М. Кәримов). *Чучканың ачык күзендә тик мәчет манарасы* (М. Вафин).

Различные аффиксы в составе слова могут выражать удивление, уверенность и неуверенность. Например, *Модадамыни хикмәт, кызым* (Н. Гыйматдинова). *Ул башка дөнья кешеседер кебек* (Ф. Сафин).

Следует отметить, что универсальным средством выражения субъективно-модальных значений является интонация. Человек при помощи интонации может передать все свои эмоции, чувства, желания.

В татарском языке встречаются различные комбинации субъективно-модальных средств в составе предиката трансформированных эллиптических предложений: *Инде кала менә күз алдында гына иде* (Г. Ибраһимов). *Бу тавыш, бу моң бары тик Симетбашта гына* (М. Мәһдиев). *Орлыгы Бохарда түгел ләбаса* (Г. Ибраһимов).

Рассматриваемые нами предложения по своему модальному оформлению не отличаются от других простых предложений. Трансформированные эллиптические конструкции благодаря такому модальному оформлению становятся самостоятельными, самодостаточными предикативными единицами. На материале модального оформления данных конструкций ещё раз подтверждается вывод о разноуровневом, многоаспектном характере средств, выражающих модальные отношения.

Литература:

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных слов в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975.
2. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория: на материале башкирского языка. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986.
3. Зайнуллин М.В. Хәзерге башкорт телендә модаллек категорияһы. – Өфө: Башкорт университеты нәшрияте, 1975.
4. Русская грамматика. В 2-х томах. Т. II. – М.: Наука, 1980.
5. Сибгатов Р.Г. Теория предикативности. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984.
6. Татар грамматикасы. 3 томда. Т. III. – Казан: Фикер, М.: Инсан, 1999.

МОЛЧАНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Категория вежливости относится к числу важнейших категорий речевого поведения, поскольку через нее регулируются коммуникативная дистанция, допустимая степень прямоты и способы выражения отношения к собеседнику. В рамках лингвокультурного подхода вежливость понимается не только как набор этикетных формул, но и как система культурно обусловленных способов организации общения. Одним из таких способов выступает молчание [1; 4].

Методологически статья опирается на лингвокультурологический и прагматический подходы. В качестве основных методов используются интерпретативный анализ, сопоставление русской и китайской коммуникативных моделей, а также контекстный анализ типовых деловых ситуаций.

В китайской деловой культуре молчание значительно чаще, чем в русской, связано с уважением к собеседнику и стремлением не разрушить гармонию прямым возражением. В работах по российско-китайской бизнес-коммуникации отмечается, что китайская сторона тяготеет к более непрямым и сдержанным формам взаимодействия, тогда как российская деловая среда в большей степени допускает открытое обсуждение и прямое выражение позиции [5]. Поэтому одна и та же пауза в переговорах может интерпретироваться по-разному. Для китайского партнера молчание после предложения нередко является знаком обдумывания или вежливого смягчения ответа, а для российского партнера такая пауза может восприниматься как неопределенность, отсутствие интереса или скрытое несогласие.

В китайской коммуникации после обсуждения предложения может последовать пауза, а затем фраза 这个问题需要时间研究 — (Zhègè wèntí xūyào shíjiān yánjiū) — «Этот вопрос требует времени для изучения». Формально это не отказ, но в ряде переговорных ситуаций такая формула маркирует осторожное дистанцирование от предложения. Другой распространенный вариант — 我们需要内部确认 — (Wǒmen xūyào nèibù quèrèn) — «Этот вопрос нам нужно еще дополнительно обсудить внутри компании». Здесь молчание перед ответом и сама формулировка позволяют не говорить прямое «нет», сохранив лицо обеих сторон. В ситуации, когда собеседнику дают слово, возможна реплика 您先说, 我们听听您的想法 — (Nín xiān shuō, wǒmen tīng tīng nín de xiǎngfǎ) — «Сначала выскажитесь вы, мы хотели бы услышать вашу позицию», после которой внимательная пауза выполняет функцию уважительного слушания, а не коммуникативного сбоя. Выражение 这个时间安排可能有点紧 — (Zhègè shíjiān ānpái kěnéng yǒudiǎn jǐn) — «Этот график, возможно, немного напряженный» в деловой обстановке часто означает не просто замечание о времени, а косвенное несогласие с предложенными сроками. Подобные примеры не являются случайными: они отражают устойчивую для китайской бизнес-коммуникации связь между косвенностью, вежливостью и сохранением гармонии [6].

В русской деловой коммуникации молчание также может быть вежливым, но диапазон его интерпретаций иной. Пауза может означать, что собеседник внимательно слушает, обдумывает услышанное или сознательно не перебивает партнера. Однако слишком длительное молчание в российской коммуникативной модели гораздо быстрее начинает восприниматься как напряжение, сомнение, скрытая критическая оценка или отсутствие готовности к сотрудничеству. Поэтому там, где китайская сторона считает уместным выдержать паузу, российская сторона чаще стремится заполнить ее уточнением, аргументом или прямым вопросом. Именно здесь и возникает типичный межкультурный сбой: китайская стратегия вежливого самоограничения может быть прочитана как уклонение, а российская

стратегия быстрого прояснения — как давление. Такой вывод согласуется с исследованиями, где для китайской коммуникации подчеркиваются непрямота и ритуализованная вежливость, а для российско-китайского делового общения — повышенная чувствительность к различиям в кодах интерпретации [3].

С прагматической точки зрения молчание в деловом взаимодействии нельзя понимать одинаково во всех культурах. Современные исследования показывают, что оно может поддерживать гармоничные отношения, помогать избегать конфронтации, маркировать выжидание, а в иных случаях — даже сигнализировать разрыв контакта [2]. В китайском деловом контексте на первый план чаще выходят функции тактичности, самоконтроля и сохранения лица. В российском — функции оценки, дистанцирования и ожидания более определенной позиции. Следовательно, молчание в русской и китайской бизнес-коммуникации является не просто отсутствием слов, а особым механизмом организации общения, смысл которого задается культурой. Таким образом, молчание действительно выступает формой репрезентации вежливости, поскольку позволяет выражать отношение к адресату без прямой вербализации. В китайской деловой культуре оно значительно теснее связано с конфуцианским принципом гармонизации общения 和谐 (héxié), сохранением лица 面子 (miànzi) и косвенным управлением конфликтом - «растворением» противоречий 化解 (huàjié). В российской деловой культуре молчание менее стабильно как знак вежливости и чаще нуждается в дополнительной интерпретации. Именно поэтому в российско-китайских переговорах молчание становится зоной повышенного риска: его неверное прочтение способно породить недопонимание даже тогда, когда слова сами по себе выбраны корректно.

Литература:

1. Игнатенко, А. В. Особенности межкультурной коммуникации между деловыми сообществами России и Китая / А. В. Игнатенко, П. С. Чуриков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 2. – С. 39–46. – DOI 10.17308/lic/1680-5755/2024/2/39-46.
2. Кауфман, Д. Р. Теория молчания / Д. Р. Кауфман; пер. с англ. А. Липова // Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных. – 2022. – № 4 (43). – С. 65–73.
3. Корнеева, Л. И. Анализ специфики российско-китайской деловой коммуникации и ее влияние на обучение деловому китайскому языку с учетом перевода деловой корреспонденции / Л. И. Корнеева, Лиин Чжан, Ю Хань // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 2. – С. 185–192.
4. Морозкина Е.А., Фаткулина Ф.Г. Стилистические особенности языка региональных СМИ // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. 2015. С. 374-376.
5. Pangsy-Kania, S. Business etiquette: the heritage of Chinese culture in trade negotiations / S. Pangsy-Kania, M. Orłowska // Gdansk Journal of East Asian Studies. – 2024. – Issue 25. – P. 120–134. – DOI 10.4467/23538724GS.24.008.19869.
6. Wu, B. ‘Yet his silence said volumes’: a pragmatic analysis of conversational silence in rapport management / B. Wu, M. Afzaal, D. A. El-Dakhs // Cogent Arts & Humanities. – 2025. – Vol. 12, No. 1. – Article 2451490. – DOI 10.1080/23311983.2025.2451490.

© Галеева Р.Р., 2026

ИМПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

Деловая коммуникация в китайском языковом пространстве строится не только на стандартных формулах речевого этикета, но и на скрытых механизмах согласования позиции, смягчения оценки и регулирования дистанции.

Методология настоящего анализа опирается на прагмалингвистический и лингвокультурологический подходы. В работе используются методы контекстуального, интерпретативного и сопоставительного анализа. Материалом послужили современные исследования китайской вежливости, работы о феномене *moqi* (默契) как ‘взаимопонимании без слов’, исследования имплицитной и эксплицитной оценки в китайском дискурсе, а также публикации по письменному деловому общению на китайском языке и по русско-китайской межкультурной коммуникации. Имплицитность в данной статье понимается как способ выражения смысла, при котором коммуникативное намерение не формулируется прямо, а выводится адресатом из буквального содержания, контекста, статуса участников и прагматических ожиданий. Именно такое различие буквального и подразумеваемого значения подробно описано в работе K. Wang, L. Zhou и S. Zhang [6].

Как показывает Rong Chen, китайская вежливость основана на уместности поведения в конкретной ситуации, поддержании гармонии и учете ролевых отношений между участниками общения [4]. В деловой сфере это приводит к тому, что косвенность становится не признаком неясности, а нормативным способом вежливого взаимодействия. Важную роль играет и понятие *moqi* (默契), которое Xiao-Ping Chen и Benjamin Cole определяют как разделяемое понимание без прямой вербализации [5]. Для бизнес-коммуникации это означает, что часть значимых смыслов передается через намек, смягчение, самоограничение или недосказанность, а высокая коммуникативная компетентность проявляется в способности распознать эти сигналы без вынуждения партнера к чрезмерной прямоте. В русскоязычных работах по сопоставлению русской и китайской вежливости также подчеркивается, что китайское коммуникативное поведение в большей степени ориентировано на косвенность, статусную маркированность и избегание прямого конфликта [1].

Важно показать, как имплицитная вежливость функционирует на уровне типовых формул. Ниже приводятся не случайные, а модельные примеры, составленные по повторяющимся паттернам, описанным в исследованиях китайской вежливости, деловой переписки и стратегий извинения. Формула 如果方便的话, 请您明天下午前回复 = (Rúguǒ fāngbiàn dehuà, qǐng nín míngtiān xià wǔqián huífù) — ‘Если вам удобно, пожалуйста, ответьте до завтрашнего дня после обеда’ — выражает просьбу не напрямую, а через смягчающую оговорку ‘Если вам удобно’ = 如果方便的话, уменьшающую давление на адресата. Высказывание 这个问题我们可以再研究一下 = (Zhègè wèntí wǒmen kěyǐ zài yánjiū yíxià) — ‘Этот вопрос мы можем еще дополнительно изучить’ — во многих деловых ситуациях имплицитно передает несогласие или отсрочку решения без прямого «нет». Формула 目前条件还不太成熟 = (Mùqián tiáojiàn hái bù tài chéngshú) — ‘На данный момент условия еще не вполне созрели’ — используется как вежливое завуалированное отклонение предложения. Выражение 给您添麻烦了, 我们会尽快改进 = (Gěi nín tiān máfanle, wǒmen huì jǐnkuài gǎijìn) — ‘Простите за доставленные неудобства, мы постараемся как можно скорее все исправить’ — сочетает самоуничижение, признание неудобства для адресата и обещание коррекции.

Наконец, фраза 希望以后有更合适的合作机会 = (Xīwàng yǐhòu yǒu gèng héshì de hézuò jīhuì) — ‘Надеемся, что в будущем появится более подходящая возможность для сотрудничества’ — представляет собой типичный способ вежливого отказа без закрытия отношений. Во всех этих случаях прямой речевой акт ослабляется, а смысл переносится в зону прагматического вывода, что и образует имплицитную форму вежливости [2].

В исследовании Kun Yang анализируются публичные письма-извинения китайских стримеров прямых продаж в электронной коммерции. Автор показывает, что одного прямого маркера извинения недостаточно для восстановления доверия. Эффект достигается сочетанием явного извинения с так называемыми «supportive moves»: объяснением ситуации, принятием ответственности, обещанием исправления, выражением эмпатии и демонстрацией добросовестности. [7] В данном случае имплицитность проявляется в том, что реальная вежливость и убедительность создаются не одной эксплицитной формулой ‘извините’, а совокупностью косвенных сигналов искренности и надежности.

С практической точки зрения имплицитные формы вежливости выполняют в китайской бизнес-коммуникации регулятивную функцию. Они помогают согласовывать позиции без открытого обострения разногласий, смягчают распоряжения и замечания, позволяют отклонить предложение без публичной ‘утраты лица’ (面子 mianzi) и поддерживают деловую атмосферу в переписке и переговорах [3]. Именно поэтому в методике обучения письменному деловому китайскому языку большое внимание стоит уделять не только грамматической правильности, но и выбору таких формулировок, которые соответствуют ожиданиям адресата и культурной модели вежливого взаимодействия. Таким образом, имплицитные формы вежливости в современной китайской бизнес-коммуникации следует рассматривать как устойчивый и функционально значимый механизм организации делового общения.

Литература:

1. Левченко, В. А. Организация обучения письменному деловому общению на китайском языке в профессиональной подготовке бакалавров-лингвистов / В. А. Левченко // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2024. – № 1 (151). – С. 100–107.
2. Мулдарова, Н. А. Категория вежливости в русской и китайской культурах при реализации речеповеденческих тактик «разрешение» и «отказ» / Н. А. Мулдарова // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2023. – № 9 (135). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.135.14.
3. Е, Ц. Межкультурная русско-китайская бизнес-коммуникация: лингвистические и культурные аспекты / Ц. Е // *Человек. Культура. Образование*. – 2023. – № 1 (47). – С. 26–37.
4. Chen, R. *Chinese Politeness: Diachrony, Variation, and Universals in Politeness Theory*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – 218 p.
5. Chen, X.-P. Achieving Mutual Understanding Without Saying a Word: The Conceptualization of *Moqi* and a Nomological Network / X.-P. Chen, B. M. Cole // *Management and Organization Review*. – 2023. – Vol. 19, No. 1. – P. 3–31.
6. Wang, K. Explicit and implicit (im)politeness: A corpus-based study of the Chinese formulaic expression “Ni ke zhen + X” / K. Wang, L. Zhou, S. Zhang // *Lingua*. – 2023. – Vol. 291. – Art. 103560.
7. Yang, K. How to Rebuild Trust Through Apology: Evidence from Public Apology Letters / K. Yang // *Journal of Pragmatics*. – 2024. – Vol. 224. – P. 36–45.

© Галеева Р.Р., Фаткулина Ф.Г., 2026

Галиуллина Т.М.,
магистрант УУНУТ,
Научный руководитель: Фаткуллина Ф.Г.,
д. филол. наук, проф., УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ПОНЯТИЕ ИНФЛЮЕНСЕРСКОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Инфлюенсер, в отличие от традиционного лидера общественного мнения, действует в качественно иной коммуникативной среде. Ефанов предлагает следующее определение: инфлюенсер — это «особый тип лидера общественного мнения — самостоятельный медиум, распространяющий свое непосредственное влияние в интернете (преимущественно в социальных медиа) через прямой канал коммуникации с использованием новой тактики позиционирования (интеграция приватного и публичного)». Ключевым отличием здесь выступает отсутствие посредников — инфлюенсер взаимодействует с аудиторией напрямую, что принципиально меняет характер коммуникации [1].

Зарубежные исследователи также отмечают неоднозначность термина «инфлюенсер». В работе М. Lamrous подчеркивается, что это «один из наиболее неясных терминов» в современном цифровом медиаландшафте. Автор ставит под сомнение правомерность применения этого понятия ко всем пользователям социальных медиа, имеющим подписчиков, и предлагает различать собственно инфлюенсеров (как агентов влияния на общественное мнение) и контент-креаторов (как производителей контента, не обязательно обладающих лидерскими качествами). Эта дискуссия имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку позволяет более точно очертить границы анализируемого явления [7;11].

Л.С. Самсонова предлагает рассматривать инфлюенсера как лингвокультурный типаж (ЛКТ) — «узнаваемый образ представителя определенной культуры, совокупность характеристик которого позволяет говорить о его особом статусе в интернет- и медиaprостранстве» [4]. Такой подход представляется особенно продуктивным для лингвистического исследования, поскольку фокусируется на речевых характеристиках инфлюенсера, вербальных и невербальных средствах самопрезентации. Значимость данного ЛКТ, по мнению Самсоновой, объясняется его «непосредственной связью с культурой и высокой актуальностью для общества нашего времени».

Обобщая различные подходы, можно выделить следующие сущностные характеристики инфлюенсера:

Характеристика	Содержание
Среда функционирования	Интернет, преимущественно социальные медиа
Канал коммуникации	Прямой, без посредников
Тактика позиционирования	Интеграция приватного и публичного
Характер влияния	Непосредственное воздействие на целевую аудиторию
Функции	Продвижение идей (идеологических, потребительских), трансляция норм и ценностей
Статус	Лингвокультурный типаж, медиум

Под инфлюенсером понимается активный пользователь социальных медиа, систематически создающий контент и обладающий способностью оказывать влияние на установки, мнения и поведение своей аудитории посредством прямого, персонализированного канала коммуникации, интегрирующего публичное и приватное.

Понятие «дискурс» относится к числу наиболее сложных и многозначных в современной лингвистике [3;5]. Согласно определению Н.Д. Арутюновой, дискурс — это «связанный текст, включающий все экстралингвистические факторы — прагматические, социокультурные, психологические и другие». Дискурс понимается как «речь, рассматриваемая как социальное действие с определенной целью, как компонент, который участвует во взаимодействии людей».

Т. ван Дейк определяет дискурс как «существенную составляющую социокультурного взаимодействия, характерные черты которого — интересы, цели и стили». Ключевая идея, объединяющая эти подходы, заключается в том, что дискурс не сводится к тексту как таковому, но включает в себя ситуацию общения, социальный контекст, участников коммуникации и их цели.

Возникновение интернета привело к формированию новых типов дискурса [11]. Как отмечает А.Р. Шубина, в научной литературе отсутствует единое понимание этих феноменов, что порождает терминологическую вариативность. Наиболее распространенными обозначениями являются: «компьютерный дискурс», «электронный дискурс», «интернет-дискурс», «сетевой дискурс», «виртуальный дискурс».

Анализ конститутивных свойств этих типов дискурса позволяет выделить их общие характеристики:

1. Опосредованность техническим устройством (компьютер, смартфон, планшет);
2. Дистантность коммуникации;
3. Креолизованность (мультиmodalность) текста;
4. Наличие гипертекста;

Виртуальная языковая личность как участник дискурса;

Анонимность (факультативно);

Устно-письменная реализация речи;

Наличие особых семиотических систем (эмодзи, аватары, ники и пр.) .

А.Н. Глущенко определяет интернет-дискурс как «речевую ситуацию (текст), погруженный в ситуацию общения в пределах пространства всемирной паутины». При этом подчеркивается, что данное определение является обобщенным, а ветвь лингвистической науки, изучающая интернет-коммуникацию, находится в стадии активного развития.

На пересечении рассмотренных понятий находится инфлюенсерский дискурс — специфическая разновидность интернет-дискурса, порождаемая и воспроизводимая инфлюенсерами в процессе коммуникации с их аудиторией. Как отмечают П. Гарсес-Конехос Блитвич и А. Георгакопулу, несмотря на ключевую роль языка в конструировании и трансляции идентичности инфлюенсера, «дискурсивно-аналитические и прагматические исследования этой тематики отстают от ее развития в других социальных науках» [9] .

В сборнике «Influencer Discourse: Affective Relations and Identities» (2024) выделяются ключевые направления анализа инфлюенсерского дискурса:

Аффективные отношения между инфлюенсерами и аудиторией;

Дилеммы и компромиссы (например, поддержание аутентичности при продвижении брендов);

Жанровое разнообразие инфлюенсерского контента;

Мультиmodalность как конститутивный признак .

Под инфлюенсерским дискурсом понимается совокупность вербальных, визуальных и мультиmodalных текстов, продуцируемых инфлюенсерами в социальных медиа, рассматриваемая в единстве с экстралингвистическими факторами: особенностями цифровой коммуникативной среды, социальными ролями участников, их целями и стратегиями, а также характером аффективных и интеракционных отношений с аудиторией.

Проведенный анализ позволяет заключить, что понятия «инфлюенсер» и «дискурс» являются сложными, многомерными и требующими операционализации применительно к конкретному исследованию. Инфлюенсер предстает как особый лингвокультурный типаж и медиаагент, функционирующий в пространстве социальных медиа и реализующий

специфические коммуникативные стратегии. Инфлюенсерский дискурс, в свою очередь, представляет собой разновидность интернет-дискурса, обладающую рядом конститутивных признаков: мультимодальностью, аффективностью, гибридностью (интеграция приватного и публичного), ориентацией на построение парасоциальных отношений с аудиторией.

Сопоставительное исследование инфлюенсерского дискурса в русском и английском языках открывает перспективное направление для выявления как универсальных характеристик этого феномена, так и культурно-специфических особенностей его языковой реализации.

Литература:

1. Ефанов, А. А. Инфлюенсер как особый тип лидера общественного мнения / А. А. Ефанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 767–774.
2. Глущенко, А. Н. Интернет-дискурс, его статус во Всемирной паутине и влияние на повседневную жизнь / А. Н. Глущенко // Молодой ученый. – 2015. – № 8 (88). – С. 1107–1109.
3. Подлесная М.И., Фаткуллина Ф.Г. Понятие тактики и стратегии в структуре дискурса // Казанская наука, 2025, №. 7. С.514-517.
4. Самсонова, Л. С. Речевой портрет лингвокультурного типажа «инфлюенсер» / Л. С. Самсонова // Язык – текст – дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. (г. Самара, 20–21 марта 2024 г.). – Самара: [САМАРАМА], 2024. – С. 86–90.
5. Сираева Р. Т. Репрезентация ментальной сферы в русской и английской фразеологической картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015.
6. Фаткуллина Ф.Г. Цифровая коммуникативная реальность: состояние и перспективы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6 s, 2024. С. 154-162. DOI 10.20339/PhS.6s-24.154
7. Шубина, А. Р. Термины цифровой коммуникации / А. Р. Шубина // Исследования молодых ученых: материалы XXIV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2021 г.). – Казань: Молодой ученый, 2021. – С. 63–70.
8. Lamrous, M. A Critical Study of the Term «Influencers» in the Digital Communication Environment / M. Lamrous // Afak for Sciences. – 2024. – Vol. 9, No. 4. – P. 383–399.
9. Garcés-Conejos Blitvich, P. Influencer Discourse: Affective Relations and Identities / P. Garcés-Conejos Blitvich, A. Georgakopoulou (eds.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2024. – 356 p.
10. Garcés-Conejos Blitvich, P. Affect, Hate and Relationality in the Discourse of, with and about Influencers: Introduction / P. Garcés-Conejos Blitvich, A. Georgakopoulou // Influencer Discourse: Affective Relations and Identities. – Amsterdam: John Benjamins, 2024. – P. 1–18.
11. Gunkel, S. T. The Emergence and Role of the Influencer in Online Marketing Campaigns: A Multimodal Discourse Analysis: Thesis / S. T. Gunkel. – Cape Town: University of the Western Cape, 2023. – URL: <https://uwcscholar.uwc.ac.za/items/7ee33099-624d-40eb-9675-1c24ba757e6c>.
12. Fatkullina, F.G., & Dastamuz, S. (2024). Linguistic-culturological characteristics of a conflicting linguistic personality in modern Internet discourse. Russian Language Studies, 22(3), 451–464. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-451-464>.
13. Selvi, A. F. Teachers as Influencers and Personal Brands on Instagram: Double-Tapping Language Ideologies in the Attention Economy / A. F. Selvi // Applied Linguistics. – 2025. – Vol. ahead-of-print. – DOI: 10.1093/applin/amaf039.

© Галиуллина Т.М., 2026

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В эпоху цифровизации социальные сети являются особым коммуникативным пространством, в котором образуются новые формы речевого поведения. Язык в Интернете подвергается различным лингвистическим изменениям. В отличие от традиционных СМИ, в социальных сетях пользователи не придерживаются правилам письменной формы речи и пунктуации. В сетевом пространстве можно проследить трансформацию языковых норм на разных уровнях: синтаксическом, лексическом, морфологическом и фонетическом. Пользователи социальных сетей в своей речи отражают актуальные проблемы и тенденции современного общества [4].

Цель предлагаемой статьи – выявить особенности речевого поведения и найти различия в русскоязычном и англоязычном сегментах интернет-пространства.

Исследование языка в интернет-пространстве привлекает многих отечественных (Е.Н. Галичкина, Г.Н. Трофимова) и зарубежных (D. Crystal, S. Nowson и другие) лингвистов.

Тсследователь Н.А. Ахренова определяет интернет лингвистику как «направление в языкознании, занимающееся изучением особенностей функционирования и развития естественного и человеческого языка в глобальном интернет-пространстве, изучением лингвистического поведения виртуальной языковой личности в ходе коммуникации на естественном языке в электронной (цифровой) среде [1: 25].

Т.В. Юдина считает, что коммуникация носит анонимный характер, поскольку участниками коммуникации становятся люди, которые лично не знакомы между собой [6]

К базовым характеристикам интернет-коммуникации Л.Ю. Щипицина выделяет следующее: электронная форма существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность/асинхронность, вариативность количества и эксплицированности коммуникантов [5: 59]

Рассмотрим примеры из публикаций русскоязычных социальных сетей, демонстрирующие особенности речевого поведения пользователей в социальных сетях.

1. *«С бести раздаём стиль»* – яркий пример современного выражения в социальных сетях: слово «бести» – сленговое сокращение с английского *bestie* в значении «лучшая подруга». В контексте придаёт эмоциональную и дружескую атмосферу. В выражении *раздаём стиль* используется глагол в разговорном значении «представлять, производить впечатление».

2. *«Мы здесь, чтобы играть по-крупному, так давайте биохакнем наши тела»* – мотивационное высказывание с элементами сленга и жаргона. Фразеологизм *«играем по-крупному»* подразумевает о решительности действия и способствует формированию готовности к физической активности. Неологизм *«биохакнем»*, заимствованное от английского *biohack*, относится к сленгу в сфере спорта. Конструкция *давайте + глагол* вовлекает людей и создаёт эффект единства

3. В контексте *«номер на подиуме с розами был просто разнос!!!»* слово *разнос* является сленгом в значении «поразительно» для выражения высокой оценки. Частица *просто* усиливает экспрессивность предложения.

4. Фраза *«это просто бомба!»* – пример использования яркого и эмоционального сленгового выражения. Метафора *«бомба»* с элементами гиперболы подчёркивает восторг и восхищение.

5. В «Ну и кринж!» – эмоционально окрашенное сленговое выражение с отрицательной коннотацией. Слово *кринж* образовано от английского «*cringe*» в значении «испытывать неловкость за действия другого человека».

В рамках анализа приведём примеры из англоязычных публикаций для выявления языковых сходств и различий:

1. *The best time! LOML!* – эмоциональное высказывание с использованием интернет-сленга и акронима LOML для создания неформальной обстановки и более живого общения.
2. *Have you ever seen me look more demure?* Сленг *demure* считается новым трендовым словом в значении «скромный» или «сдержанный». Этот феномен акцентирует внимание на простоте и заменяет тенденцию яркости и экстравагантности.
3. *Yassss* 🍌 - сленговое выражение, которое обозначает восторг и энтузиазм. Удлинение S указывает на эмоциональность экспрессивность.
4. *LET'S BRING BACK THE YOLO ERA!* В социальных сетях вновь растёт популярность использования акронима YOLO (you only live once) в значении «получать удовольствие прямо сейчас». Этот сленг передаёт всю философию жизни.
5. В выражении «*she been a baddie*» используется сленг *baddie*, который произошёл от слова *bad*, но с положительной коннотацией «привлекательная, стильная и уверенная девушка».

Интернет-платформы являются ключевым источником для отслеживания языковых изменений в речи. В эпоху цифровизации неологизмы, сленги и акронимы массово внедряются в языковую среду. В русском языке активно заимствуются англоязычные сленги и неологизмы, а в английском языке – акронимы и сленговые образования.

Таким образом, социальные сети создают новые модели коммуникации. Язык – отражение развития цифровых технологий и формирования общественных ценностей [2; 3]. Трансформация речевого поведения обусловлена не деградацией, а адаптацией к новым реалиям, которые отражают социокультурные проблемы и тенденции.

Литература:

1. Ахренова Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С.22-26.
2. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 3. С. 57-66.
3. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. – 127 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Цифровая коммуникативная реальность: состояние и перспективы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6 s, 2024. С. 154-162. DOI 10.20339/PhS.6s-24.154.
5. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа [Текст] / Л. Ю. Щипицина. – Москва: Красанд, 2010. – 296 с.
6. Юдина Т.В. Универсальные и специфические характеристики Интернета как формы коммуникации // Язык средств массовой информации. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С.654-658

© Ганеева Л.В., 2026

Ганеева Л.В.,
аспирант УУНУТ,
Фаткуллина Ф.Г.,
д. филол. наук, проф., УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛИМЕНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В эпоху цифровизации социальные сети оказывают огромное влияние и меняют способы взаимодействия и языковые нормы общения [2]. Каждый человек владеет своим аккаунтом, в котором может общаться, выкладывать контент, участвовать в обсуждениях и узнавать новости. Один из способов коммуникации – комментарии. В них можно проследить не только злободневные проблемы общества, но и комплименты, которые задают позитивный настрой.

В данной статье исследуются языковые особенности комплиментов в социальных сетях на русском и английском языках.

Цель статьи – выявление лексических и грамматических особенностей комплиментов на материале русского и английского языков.

В интернет-пространстве люди выражают симпатию не только с помощью эмодзи или клика «лайк», но и через текст. Комплимент в комментариях подчёркивает детали контента и акцентирует внимание на отличительные особенности.

Дж. Холмс определяет комплимент как «речевой акт, который эксплицитно или имплицитно приписывает кому-либо другому, не говорящему, как правило, адресату что-либо «хорошее» [4, 465-466].

Т.Ф. Ефремова считает, что «комплимент – приятные, лестные слова, сказанные в чей-либо адрес» [1].

Пользователи социальных сетей не только ограничиваются реакциями, но и оставляют текстовые ответы под постом. Они демонстрируют и разделяют ценности, создают атмосферу доверия, повышают вовлечённость [3].

Наиболее распространённым лексическим средством для выражения восхищения в русском языке являются следующие эпитеты: *яркая* личность; *шикарная*, просто невероятно *шикарная*; красота *невероятная*; *красивая* 🍷; *роскошная* ✨; *потрясающая!*; милые девочки; какая *сладкая* модница в английском языке: *so pretty*; *beautiful angel* 🍷; *gorgeous girl*; *perfect* 💎; *amazing!*; *admirable*. Эпитеты дополняются эмодзи для выражения и усиления эмоционального посыла.

Также часто встречаются усилители: вы *очень* красивая, *безумно*, *просто*, *какая красота*; *просто* сама прелесть; *so good*, *really*, *absolutely* gorgeous, *extremely*, *very* pretty; *literally*. С помощью них увеличивается эмоциональность высказывания и экспрессивность воздействия.

Использование огромного количества разговорной и сленговой лексики в русском языке: *пушка*; *бомба*; ну *крашуха*; *omnad*. В английском языке: *Omgg*; *stunning*; *iconic*, *yasss*, *queen*, *lord.*; make up and hair is just *slay*; *update*; *bestie*; *baddie*. Сленг акцентирует внимание, создаёт ощущение непринуждённой атмосферы и оживляет контент.

Пользователи социальных сетей также используют сравнение: *shine bright like a diamond*;

В английском языке часто встречаются гиперболы: «*She looks like she's aging backwards*». Автор преувеличивает реальный факт и отмечает, что человек с возрастом только молодеет.

В социальных сетях часто встречаются грамматически неправильные формы слов. Например, слово ***baddest*** считается неправильной, превосходная степень слова *bad – worst*. В социальных сетях приобретает положительную коннотацию в значении «крутой», «превосходный». Можно отметить языковую игру и изменение смысла слова: от отрицательного значения до восхищения.

В русском языке часто встречаются уменьшительно-ласкательные формы слов: *лапуля; куколка; малышка*; ну что за *сладусик; крутышка; ну пупсень! Ну вупсень!; чикуля*. Они смягчают тон общения, делают взаимодействие более неформальным и создают доверительные отношения.

В русском языке часто встречаются метафоры: да она у вас *звезда интернета*. Автор комментария подразумевает уникальную личность и создаёт яркий образ, который легко сохраняется в памяти. «*Эталон красоты*» - метафора с элементами гиперболы отражает представление великолепия и привлекательности.

Комплименты в социальных сетях служат для выражения восхищения, сравнения или изложения мнения. Пользователи русскоязычных, так и англоязычных интернет-платформ используют сленг, неформальные высказывания, чтобы отнести себя к определённой группе. Следует отметить, что с каждым годом развернутые текстовые ответы под постами становятся короче: пользователи привыкают быстро пролистывать контент и не тратить время на чтение длинных сообщений. Для сохранения эмоциональности и экспрессивности пользователи заменяют развёрнутые тексты лаконичными и краткими формулировками, но сохраняют смысл восхищения или одобрения.

Литература:

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. – Москва: АСТ, 2006. – 376 с.
2. Фаткуллина Ф.Г., Шайхулова А. Лингвокультурные характеристики языковой личности в дискурсивных практиках интернета // Мир науки, культуры, образования, № 1 (104) 2024. С. 580-583. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-580-583.
3. Fatkullina, F.G., & Dastamuz, S. (2024). Linguistic-culturological characteristics of a conflicting linguistic personality in modern Internet discourse. Russian Language Studies, 22(3), 451–464. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-451-464>.
4. Holmes, J. Compliments and Compliment Responses in New Zealand English / J. Holmes // Anthropological Linguistics. – 1987. – №28. – P. 465-466.

© Ганеева Л.В., Фаткуллина Ф.Г., 2026

УДК 821.512.141.09

Гареева Г.Н.,
д.ф.н., проф. УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПРОЗЫ

В башкирской литературе повествовательным жанрам принадлежит особое место, потому что на этапных периодах развития проза занимала ведущее место и в своих крупных произведениях – повестях и романах запечатлевала ее вершинные достижения, имела тесную связь с действительностью, более глубоко и полно отображала ее проблемы.

В повестях 80-х г.г. – Б.Рафикова «Ветры верховые» (1981), Н.Мусина «Невестка из глубинки» (1981), «Чертово колесо» (1982), «Тропа человека» (1985), Т.Тагирова «Буранные дни» (1982), Г.Хисамова «Неизвестный человек» (1986), Т.Кильмухаметова «Жизнь одна» (1989) и др. наболевшие проблемы в социальной, экономической, духовной областях жизни

общества, обличение негативных явлений «застойного периода», разваливающих страну, освещались на фоне изменения человеческого характера с критических позиций, более глубоко. Жизнедеятельность героев, их нравственные искания, духовные устремления усилили в прозе драматизм, философичность.

Экологическая культура народа, формирующая восприятие мира человеком с точки зрения национального менталитета, проблемы духовной экологии в башкирской прозе в 80-х гг. вышли на первый план. Проблемы, связанные со способностью вооруженного научными достижениями современника правильно оценить природные богатства в период технической цивилизации, что показывает его гражданские, человеческие качества, социальные и общественные устремления, эстетический вкус, степень созревания как личности, национальное лицо, в повестях Н.Гаитбаева «Буран» (1982), М.Буракаевой «Родник» (1980), «Колыбель» (1989), З.Ахметьяновой «Заморозки» (1989), С.Шарипова «Дубовый столб» (1995) освещаются в сурово реалистических красках, с публицистической остротой. В них во главу угла ставятся проблемы сохранения духовных ценностей, бережного отношения к окружающему миру, что приобретает сегодня значение глобального масштаба, основаны на философской концепции единства человека и природы.

Во второй половине 80-х гг. в связи с обострением негативных явлений во всех областях жизни общества и, прежде всего, в нравственно-духовной, проявилась тенденция, подтолкнувшая писателей к поискам новых, эстетически более действенных приемов отражения действительности, к использованию различных жанрово-стилевых начал и возможностей. Этапной в этом отношении стала повесть «Помилование» (1986), которая дала мощный толчок к рождению целого направления – условно-метафорического. Военные реалии в повести рисуются в сурово реалистическом стиле, любовь Зуха и Марии-Терезы передана в романтических красках, обличение равнодушия к человеческой судьбе – в остро публицистическом тоне [2; 3].

Повести 1990-2000-х гг. – «Беда» (1993), «Таня-Танхылу» (1996), «Чужак» (1997), «Кочка» (2000), «Враги любви» (2001), «Импотент» (2002), «Побег» (2004) Р.Камала, «Двое мужчин и женщина» (1996) Н.Мусина, «Выборы» (1999) Х.Тапакова, «Актриса» (1996) Р.Туйгуна и др. основаны на нескольких типах конфликтов, придающих сюжету острую динамику. Им присуще детальное раскрытие причин зарождения внутреннего конфликта в душе героя из-за усиления жизненных противоречий, освещение общественно-социального конфликта, переросшего в нравственно-психологический. Повести глубоко раскрывают духовные поиски героев, пытающихся высвободиться от давления удушающей атмосферы застойного периода, мучительно ищущих смысл своего существования.

В повестях Н.Мусина «Шкура зверя» (1991), С.Шарипова «Сват» (1990), «Встретились вчера» (1998), Т.Гиниятуллина «Непогодь» (1999), «Одиноким дом в тумане» (2003), Р.Камала «Уставший человек» (2002), «Две судьбы» (2002), «Враги любви» (2005), Н.Игизьяновой «Сезон непогоды» (1998), «Командировка» (2000), «Предназначение» (2003), «Шахматы» (2007), Р.Баимова «Заблуждение» (2007) поднимаются острые социальные, нравственные проблемы сложной сегодняшней жизни, резко обрисовываются различия между социальными слоями бедных и богатых, противоречия между материальным и духовным, с глубоким психологизмом показывается душевное смятение честного труженика в пору торжества алчности, пороков. В повести Х.Тапакова «Выборы» (2000), А.Аминова «Танкист» (2003) показано обесценивание пожилых людей, проливавших кровь в ожесточенных битвах за независимость родины, восстановивших разрушенное хозяйство после войны, всю свою жизнь честно трудившихся во благо страны. В этих повестях прием контраста помогает ярко, объемно раскрыть важные общественные, социальные проблемы, острые противоречия между обществом и личностью, наиболее выпукло проявившиеся в последние десятилетия в условиях резкой социальной дифференциации народа.

В целом ряде башкирских повестей развитие сюжета строится на внутреннем психологическом конфликте героя, его недовольстве собой. В повестях Ш.Янбаева «Тесемки» (1998), Т.Гиниятуллина «Ворота» (2005), Г.Гиззатуллиной «Обитель души» (2003),

«Превращение в бабочку» (2004), Ф.Акбулатовой «Прислушиваясь в тишину» (1999) психологический конфликт дает толчок напряженному развитию сюжета, способствует глубокому отображению эмоциональных чувств, особого настроения героев.

Поворотные, полные трагедии исторические периоды жизни народа на протяжении всего XX в., губительное влияние социально-общественных явлений на судьбу человека в повестях Б.Рафикова «Араб» (1996), Ф.Акбулатовой «Вкус меда – на шиповнике» (2003) изображены в стиле сурового реализма и крылатого романтизма с элементами детектива и приключений. В повести Ф.Акбулатовой обобщенные образы борцов за свободу своего народа Шаймурата и Файрузы раскрыты в романтическом плане, их характеры, трагические судьбы отображены с философской глубиной и психологизмом.

В повести Э.Агзамы «Уголок рая» (2002) в реалистических и сатирических красках с едким сарказмом освещаются царящие в 90-е годы в обществе негативные явления. Характеристики персонажей, их портретные описания, имена, речевые особенности, подтекст, символика – все это выполняет функцию разоблачения морального облика современного общества.

Повести Б.Рафикова «Лоулла» (1981), «Последний праздник Сукайлы» (1984), «Азаматы Вселенной» (1988), Ф.Исхаковой «Вернусь на рассвете» (1991), «Лунный танец снежинок» (2003), романы Н.Гаитбаева «Черный ящик» (1990), «Капкан» (1993), Ф.Исхаковой «Человек-отражение» (1996) свидетельствуют о дальнейшем успешном освещении в башкирской прозе научно-фантастической темы.

К ярким образцам условно-метафористической прозы относятся повести Р.Султангареева «Люди» (1999), А.Аминева «Снежный человек» (1996), «Китайгород» (2001), «Танкист» (2003), «Камень Усмана» (2005), «В одном ковчеге» (2010). Повести А.Хакима «Ящик Пандоры» (2000), «Ворота вселенной» (2002), Р.Камала «Любовь дьявола» (2004) полностью построены на иносказании, на символическом подтексте раскрытия сути современного общества. В этих произведениях миф и социально-историческая реальность создают единую картину мира.

В романах 80-х г.г. – Б.Рафикова «Седой ковыль» (1980) и Ф.Исангулова «Пригожие дни» (1983) во главу угла ставятся нравственные проблемы, освещение важных вопросов, касающихся духовных потребностей народа, что стало новаторством в башкирской литературе. Обогащение принципов отражения действительности, отказ от панорамного повествования, переход на компактную динамичную форму социально-аналитического, психологического изображения привели к положительным результатам в области жанрово-стилевых исканий. Тема сохранения духовных ценностей обусловила использование новых изобразительных возможностей, активное обращение к устному народному творчеству, к приемам обобщения с символическим значением. Углубление психологизма позволило писателям выявить незаметные на первый взгляд национальные истоки, выразить в характерах и в течение событий черты, присущие всему человечеству [1].

Художественное решение злободневной проблемы «Человек и природа» в башкирских романах стало более емким, весомым в социально-психологическом, нравственно-содержательном аспектах. Превращение в общественно-социальную проблему хищнического отношения к богатствам родной земли, духовной деформации современников приводит к возникновению острого конфликта в романах Н.Мусина «Вечный лес» (2-я книга), «Выходи на дорогу с рассветом» (1988), «Последняя борть» (1995), Р.Султангареева «Земля, на которой мы живем» (1988). В них многопланово показывается взаимосвязь природного и человеческого мира, раскрываются драматические коллизии в этих взаимоотношениях, показывается разрушение природного мира как следствие издержек цивилизации.

Данное идейно-художественное направление в башкирской прозе, связанное с актуальными проблемами времени, с изображением положительной или наоборот пагубной для окружающего мира деятельности современников, в 90-е г.г. наполнялось освещением громких политических событий, получивших широкий общественно-социальный резонанс, с явно выраженным критическим пафосом, в принципах сурового реализма. Если в предыдущие

периоды частичный отказ от соцреализма и от его главных принципов отражения действительности проявлялся лишь в отдельных произведениях и в творчестве отдельных писателей, то в последние десятилетия XX в. в башкирской прозе – в романах Д.Булякова «Пришелец» (1988), «Жизнь дается однажды» (1993), «Взорванный ад» (1995) – наблюдается полный отказ от приукрашивания жизни, идеализации героев, ведется интенсивный поиск смысла жизни, критериев добра и зла, поднимаются вопросы норм социального и нравственного поведения, духовных ценностей, тем самым проявляются черты неореализма, поднимающего назревшие острые социальные и этические проблемы, связанные с положением дел в обществе и государстве в целом. В них вопросы отношения человека к земле, природе поднимаются до уровня общечеловеческих проблем, контрастный план служит выпуклому показу противоречивых процессов в широкой общественной среде, негативных тенденций в масштабах страны, разрушительных ошибок в хозяйствовании, поспешия духовных притязаний человека, изображению деятельности истинных борцов за интересы народа и лживых демократов.

В 80–90-х г.г. в литературе произошли довольно большие изменения и в создании образа руководителя. В романе Ф.Исангулова «Пригожие дни», Б.Рафикова «Седой ковыль» смысл всей своей деятельности связывающие только с получением материальной выгоды «экономист до корней волос» Загитов, Абдуллин и другие подобные им руководители представлены как прагматичные, духовно бедные. Председатель колхоза Нуриханов из романа Д.Булякова «Пришелец» изображен карьеристом, готовым ради выполнения ошибочных государственных планов нанести губительный вред природе, родной земле, народу.

В романах Н.Мусина «Вечный лес», «Выходи на дорогу с рассветом» показана мафиозная группа чиновников, руководствующаяся принципами кумовства, взяточничества, использующая богатства леса ради личного обогащения. В повестях Р.Камала «Беда», З.Ахметьяновой «Заморозки», Т. Гиниятуллина «Непогодь», в романах Д.Булякова «Жизнь дается однажды», «Взорванный ад» обличаются руководители, ставящие личные интересы, амбиции выше общественных. В противовес отрицательным героям-руководителям воссозданы образы Ахметшина (Н.Мусин «Выходи с рассветом на дорогу»), Бикбаева (Р.Султангареев «Земля, на которой живем»), Яубасарова, Аргынбаева, Курмантаева (Д.Буляков «Пришелец», «Жизнь дается однажды», «Взорванный ад»). Они изображены личностями с твердыми жизненными позициями, с ярко выраженным национальным менталитетом. Граждански активным героям Яубасарову, Аргынбаеву, Курмантаеву свойственны интенсивная работа сознания, обостренное чувство справедливости, нравственно-философский поиск путей выхода из кризисного состояния общества.

Таким образом, на фоне смены общественно-экономических формаций в 90-х г.г. в психологии отдельной личности и целого народа произошли большие изменения, изменились взгляды на мир, на общество, на свое место в жизни, что привело к изменению пафоса, пересмотру концепций в литературе. Наполнились новым содержанием принципы художественного отображения действительности, метод соцреализма уступил место неореализму (суровому реализму, «реализму без берегов»). Писатели стали чаще обращаться к публицистике, активнее использовать популярный в 60-х г.г. жанр общественно-публицистического романа. Р.Султангареев, Д.Буляков, Н.Мусин и др. в своих романах философски обобщали смысл бытия, мироустройства, чувство патриотизма, гражданские устремления, духовные потребности героев изображались в тесном переплетении с философскими обобщениями, психологическому анализу подвергалось мощное воздействие на героя духа эпохи.

Романы С.Шарипова «Голубой катер» (2008), Ф.Акбулатовой «Незаконченная книга» (2011) характеризуются глубоким социально-психологическим анализом явлений сегодняшней жизни, раскрытием острых социальных противоречий в обществе, реалистически достоверной обрисовкой образов современников.

Литература:

1. Гареева Г.Н. Основные идейно-художественные направления башкирской прозы второй половины XX в. Принципы отражения действительности: научная монография / Г.Н. Гареева. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 132 с.
2. Калямова Р.И. Воспитание мужества и стойкости: роль литературных образов в формировании личности / Р.И. Калямова, Е.В. Полякова // Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики: сборник статей Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 357-360.
3. Перечнева Д.С. Трансформация эмоционального состояния личности как результат влияния военных событий // Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики: сборник статей Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 489-494.

© Гареева Г.Н., 2026

УДК 811.111

Гафурова А.А.,
Студент 4 курса ИГСН УУНиТ,
г. Уфа, Россия
Научный руководитель: Фаткуллина Ф.Г.,
д. филол. наук, проф., УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ВИДЕОИГР

Понятие дискурса в современной лингвистике рассматривается как комплексное коммуникативное явление, затрагивающее как текст, так и контекст его функционирования. В рамках медиадискурса видеоигры занимают особое место, поскольку представляют собой специфическую форму цифровой коммуникации, сочетающую вербальные и невербальные элементы. Первые видеоигры появились ещё в середине XX века: они отличались низким разрешением, пиксельной графикой, минимальным количеством текста и простым управлением, сводившимся к нажатию нескольких кнопок. Стремительное развитие индустрия получила в XXI веке, вместе с совершенствованием технологий сами игры стали значительно сложнее, что, в свою очередь, привело к возникновению исследовательского интереса к их изучению [1; 2]. С точки зрения лингвистики одной из первых работ, полностью посвящённых языку видеоигр, стала монография британского лингвиста Астрид Энсслин *The Language of Gaming* выпущенная еще в 2012 году, в которой были систематизированы ключевые подходы к анализу игрового дискурса.

Astrid Ensslin подчеркивала, что видеоигры следует рассматривать как “многоуровневые коммуникативные объекты”, включающие различные типы взаимодействия и социальных акторов [4: 225]. Под акторами в данном случае понимаются участники дискурса, вовлеченные в процесс создания, распространения и интерпретации игрового контента. К ним относятся разработчики, игроки, локализаторы, а также представители игровых медиа и онлайн-сообществ. М. Харлашкин также отмечал, что дискурс видеоигр формируется не только в пределах игрового текста, но и за его пределами – в игровых сообществах, форумах и стриминговых платформах [3: 93].

Одной из ключевых характеристик дискурса видеоигр является его интерактивность. Как отмечает Janina Wildfeuer, структура дискурса видеоигр может изменяться в зависимости от действий пользователя, что делает его динамичным и многовариантным [6: 29]. В отличие от традиционных медиатекстов (например, газетной статьи, телевизионного репортажа или

художественного фильма), где адресат выступает преимущественно как пассивный реципиент, в видеоиграх пользователь активно участвует в формировании дискурса. Игрок влияет на развитие сюжета (выбирая одну из нескольких веток диалога или принимая моральные решения, например, спасти одного персонажа ценой гибели другого), последовательность событий (проходя уровни в произвольном порядке или возвращаясь к ранее посещённым локациям) и даже на языковую реализацию отдельных элементов (выбирая имя главного героя, название отряда или фразы, которые произносит персонаж в заранее заданных ситуациях). Это приводит к вариативности и нелинейности дискурса, что является его принципиальным отличием от линейных текстов, в которых последовательность элементов жёстко зафиксирована автором и не зависит от действий получателя.

Не менее важной характеристикой является мультимодальность. Как отмечает Sayakhova D. и Fatkullina F., видеоигры функционируют как сложные семиотические системы, в которых смысл формируется за счет взаимодействия нескольких каналов: вербального (тексты, диалоги, интерфейсные сообщения), визуального (графика, дизайн персонажей и игрового мира), аудиального (музыка, звуковые эффекты, озвучка) и кинетического (анимация, движение объектов) [5: 531]. В отличие от традиционных текстов, где смысл преимущественно передается языковыми средствами, в видеоиграх он возникает на пересечении различных модальностей. Например, эмоциональное состояние персонажа может передаваться не только через реплики, но и через визуальные детали (мимика, освещение сцены) и аудиальные средства (интонация, музыкальное сопровождение). Таким образом, один и тот же фрагмент игрового дискурса представляет собой результат синтеза нескольких знаковых систем. Следовательно, анализ видеоигр требует учета не только языковых, но и технических и визуальных компонентов, поскольку именно их сочетание формирует целостное восприятие игрового опыта.

Гибридный характер дискурса видеоигр проявляется в сочетании различных типов дискурса. В игровых текстах можно выделить элементы художественного (сюжет, персонажи), разговорного (диалоги), технического (инструкции) и юридического дискурса (пользовательские соглашения). Такое разнообразие обусловлено спецификой видеоигр как продукта, находящегося на пересечении искусства и технологии.

Кроме того, важной особенностью является наличие различных уровней дискурсивного взаимодействия. С одной стороны, это внутриигровая коммуникация (диалоги персонажей, интерфейсные сообщения), с другой – внешняя коммуникация (обсуждения в сообществах, стриминг, гайды). Дискурс видеоигр включает множество акторов: игроков, разработчиков, локализаторов и представителей медиа, что значительно усложняет его структуру.

Функционально внутриигровые тексты также неоднородны и выполняют различные коммуникативные задачи в зависимости от контекста использования. В рамках игрового дискурса можно выделить несколько основных функций. Нарративная функция связана с развитием сюжета и формированием игрового мира. Она реализуется через описания, кадры сцены и повествовательные фрагменты, которые создают историю и погружают игрока в игровой контекст. Диалогическая функция проявляется во взаимодействии персонажей, а также в коммуникации между игроком и игровыми персонажами. Диалоги могут быть как линейными, так и вариативными, предоставляя игроку возможность выбора реплик, что усиливает интерактивный характер дискурса. Инструктивная функция направлена на организацию действий игрока и управление игровым процессом. Она реализуется через подсказки, обучающие сообщения, интерфейсные элементы и системные уведомления. Таким образом, внутриигровые тексты представляют собой функционально разнообразную систему, где каждый тип текста выполняет свою роль в формировании игрового опыта.

Рассмотренные особенности дискурса видеоигр напрямую влияют на процесс их перевода и локализации, перевод в данной сфере выходит за рамки чисто языковой трансформации и включает адаптацию всего продукта к культурному и техническому контексту. В этом случае используется понятие “локализация”, которое охватывает не только перевод текста, но и адаптацию интерфейса, визуальных элементов и игровых механик.

Среди ключевых трудностей перевода видеоигр можно выделить мультимодальность, необходимость синхронизации текста с аудиовизуальными элементами, а также явление «непрерывной локализации», связанное с постоянным обновлением игровых продуктов. Как отмечают Sayakhova D. и Fatkullina F., данные особенности обусловлены сложной структурой видеоигр как мультимедийных и интерактивных систем [5: 529].

Мультимодальность создает дополнительные ограничения для переводчика, поскольку текст не существует изолированно, а тесно связан с визуальным рядом и звуковым сопровождением. Перевод должен учитывать длину реплик, их соответствие анимации персонажей, а также стилистическое единство с визуальной средой. Например, слишком длинная переводная реплика может не совпасть с длительностью озвучки или не поместиться в интерфейсном окне. Необходимость синхронизации текста с аудиовизуальными элементами особенно актуальна при локализации озвученных диалогов. Переводчику требуется учитывать тайминг реплик, движение губ персонажей (lip-sync), а также интонационные особенности оригинала. Это ограничивает свободу перевода и требует компромисса между точностью и техническими требованиями. Особую сложность представляет явление «непрерывной локализации» (continuous localization), при котором перевод осуществляется параллельно с разработкой и последующими обновлениями игры. В отличие от традиционных текстов, видеоигры часто получают регулярные обновления, дополнения и исправления, что требует постоянного пересмотра и адаптации уже переведенного материала. Это может приводить к несогласованности терминологии и стилистики, если процесс локализации не организован должным образом. Эти факторы требуют от переводчика не только лингвистических, но и технических знаний.

Дискурс видеоигр представляет собой сложное, многокомпонентное явление, характеризующееся интерактивностью, мультимодальностью и гибридной природой. Его изучение позволяет глубже понять особенности современной цифровой коммуникации и способствует развитию теории и практики перевода.

Литература:

1. Фаткуллина Ф.Г, Бахтина Ю. Понятие временной дистанции в переводе // Мир науки, культуры, образования, 2022. № 3 (94). С. 359-DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-359-361.
2. Фаткуллина Ф.Г. Синхронный интернет-дискурс // Теоретические и практические проблемы современной гуманитарной науки. Материалы X Международной научно-практической конференции (Уфа, 19 апреля 2024). – Уфа: РИЦ УУНИТ, 2024. С.172-174.
3. Харлашкин М. Н. Особенности дискурса видеоигр // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 92–98. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-92-98.
4. Ensslin A., Balteiro I. Approaches to videogame discourse: Lexis, interaction and multimodality. New York: Bloomsbury Academic, 2021. 319 p.
5. Sayakhova D. K., Fatkullina F. G. Discourse and technical features of videogames localization [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/347392799_Discourse_And_Technical_Features_Of_Videogames_Localization (дата обращения: 02.04.2026).
6. Wildfeuer J. The Discourse Structure of Video Games: A Multimodal Discourse Semantics Approach to Game Tutorials [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/356814378_The_Discourse_Structure_of_Video_Games_A_Multimodal_Discourse_Semantics_Approach_to_Game_Tutorials (дата обращения: 02.04.2026).

© Гафурова А.А., 2026

*Гирфанова Г.Р.,
студент УУНУТ,*

г. Уфа, Россия

*Научный руководитель: Хисамова Д.Д.,
к-т филол. наук, доцент УУНУТ,*

г. Уфа, Россия

ЛЕКСИКОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ: ЗАИМСТВОВАНИЯ

Лексикология как раздел языкознания изучает слово во всём многообразии его форм, значений и связей. Сравнение лексических систем башкирского и английского языков представляет особый интерес, поскольку эти языки принадлежат к разным языковым семьям – тюркской и германской. Оба языка обладают разным грамматическим строем, однако демонстрируют универсальные закономерности организации словарного состава. Прежде всего, это касается происхождения и структуры лексики. Английский язык, как подробно описано в работах Г.Б. Антрушиной, О.В. Афанасьевой и Н.Н. Морозовой, обладает трёхслойной этимологической структурой: исконные германские слова, скандинавские заимствования эпохи викингов и мощнейший пласт романской лексики, поступившей из французского и латинского языков [1]. Заимствование латинской лексики, как отмечает В.Д. Аракин, связывают с тремя ключевыми событиями в истории народа: римским господством (I-V вв. н.э.), введением христианства в Англии (VI-VII вв.) и развитием культуры в эпоху Возрождения (XV-XVI вв.) [2], когда французский долгое время был государственным языком Англии. Башкирский язык имеет иную пропорцию: в его словарном составе, помимо исконно тюркской лексики (около 60%), выделяют три основные группы заимствований – арабизмы, фарсизмы и русизмы. С распространением ислама XV века в язык проникла арабская и персидская лексика, преимущественно в сферах религии, науки, литературы и искусства [9], а в период Российской империи и СССР сильное влияние на язык оказал русский, что детально проанализировано в работе Р.Н. Терегуловой «Русские заимствования в башкирском языке» (1957). Таким образом, оба языка активно впитывали иноязычную лексику, но при этом в английском языке заимствования вытеснили исконную лексику из многих сфер (наука, право, культура), тогда как в башкирском языке основа осталась тюркской, а заимствования адаптируются под законы сингармонизма и агглютинации.

Заимствования в языках являются прямым отражением культурных, социальных и технологических контактов. В условиях глобализации англоязычные элементы активно проникают в башкирский язык, особенно в профессиональные сферы. Прямые исторические контакты между башкирским и английским языками до XX века были ограничены. Основным каналом проникновения англицизмов в башкирский язык стал русский язык, который долгое время выполнял функцию языка межнационального общения [4]. В советский и постсоветский периоды русская лексика активно пополнялась англицизмами (в связи с индустриализацией, научно-техническим прогрессом), и уже через русский язык эти единицы переходили в башкирский [6: 973]. Таким образом, заимствования часто проходили два этапа адаптации: сначала в русском, затем в башкирском языке.

В профессиональной сфере башкирского языка англицизмы занимают заметное место. Наиболее интенсивно заимствования происходят в области информационных технологий, экономики, медицины и инженерии. В IT-сфере активно используются термины *компьютер* (computer), *программа* (program), *сервер*, *интернет*, *хакер*. В экономической лексике закрепляются *маркетинг* (marketing), *менеджер* (manager), *бизнес*, *инвестиция*, *финанс*. Медицинская терминология пополняется словами *сканер*, *коронавирус*, *вакцинация* (от vaccination), а в сфере инженерии и новых технологий – *робот*, *дрон*, *драйвер* (driver). По

наблюдению Т.М. Гарипова и В.Х. Мустафина, англицизмы в башкирском часто служат маркерами профессиональной принадлежности и статуса, поскольку многие научные достижения публикуются на английском языке [4: 85].

Фонетическая адаптация является ключевым условием интеграции заимствованного слова в язык-реципиент. В башкирском языке этот процесс включает замену отсутствующих фонем, упрощение согласных кластеров, редукцию дифтонгов и сдвиг ударения. Например, английские межзубные фриктивы [θ] и [ð], отсутствующие в башкирской системе, последовательно заменяются на [с], [т], [д] или [з]: так, английское *think* в башкирской речи может звучать как синк или тинк. Звук [v] иногда переходит в [w] или [b]. Дифтонги (например, [ei], [aʊ]) редуцируются до монофтонгов: *компьютер* из английского *computer* произносится с ударением на третий слог [ком-пью-тер] и более твердым конечным [р]. Сложные согласные кластеры упрощаются с помощью вставки гласных или редукции: *драйвер* адаптируется как [драй-вёр].

Сравнительный звуковой анализ показывает, что фонетическая система башкирского языка оказывает системное влияние на звучание англицизмов. Если в английском языке заимствования (например, из французского *gouvernement* - *government*) сохраняют большую близость к оригиналу, то в башкирском трансформации более заметны. Слово *компьютер* (*computer*) в башкирском имеет ударение на третьем слоге и твердый финальный [р]; при склонении добавляется суффикс -зың: компьютерзың характеристикаһы (характеристика компьютера). Термин *менеджер* (*manager*) адаптируется через замену [dʒ] на [ж] или [з]: [мэ-не-жер] или [мэ-не-зер]; множественное число образуется как менеджерзар, родительный падеж – менеджерзың. В сфере экономики слово маркетинг (*marketing*) произносится с упрощением конечного согласного и выраженным [р] - [маркэ-тинг], ударение на втором слоге; возможны формы маркетингтар, маркетингтың. В медицинском контексте *вакцина* (*vaccine*) приобретает ударение на втором слоге: [вак-сй-на], что типично для башкирской ритмики; пример использования – вакцинаның йоғонтоһо (воздействие вакцины). Слово *интернет* практически не меняется в произношении, но грамматически обрабатывается по местным стандартам: интернетка тоташыу (подключение к интернету). Технический термин *драйвер* (*driver*) адаптируется за счёт замены финального [r] на более мягкое завершение и склоняется как драйверзар, драйверзың. Как видно из примеров, англицизмы сохраняют узнаваемость корня, но приобретают башкирские аффиксы и подчиняются правилам сингармонизма.

Владение башкирским языком создаёт как положительный перенос, так и интерференционные ошибки при изучении английского произношения. Отсутствие в башкирском межзубных [θ], [ð] и дифтонгов, а также фиксированное ударение приводят к типичным затруднениям. Учащиеся-башкиры часто заменяют [θ] на [с] или [т] (например, *think* - синк), а дифтонги редуцируют до монофтонгов (*go* - го). Интонационные модели английского языка (с переменным ударением и сложными контурами) упрощаются под влиянием более равномерной башкирской фонетики. Это требует создания специализированных фонетических тренажёров и учебных материалов, ориентированных на башкироязычную аудиторию.

Глобализация ускоряет приток англицизмов в башкирский язык через интернет, СМИ и международные контакты [3]. Этот процесс естественен, но порождает задачу сохранения языковой идентичности. Перспективы исследований связаны с созданием корпусов заимствованной лексики, разработкой нормативных словарей (с указанием фонетических вариантов) и внедрением междисциплинарного подхода.

Проведённый анализ показал, что английские заимствования в башкирском языке проходят сложный путь через русский (язык-посредник) и активно адаптируются на фонетическом и морфологическом уровнях. Замена отсутствующих фонем, упрощение дифтонгов, сдвиг ударения и присоединение башкирских аффиксов обеспечивают полноценную интеграцию лексем. Сравнительный звуковой анализ выявил двунаправленное

взаимодействие: башкирский язык видоизменяет звучание англицизмов, а английская лексика обогащает башкирскую профессиональную терминологию.

Литература:

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: учеб. пособие для студентов – М.: Дрофа, 2001. – 288 с.
2. Аракин В.Д. История английского языка: учеб. пособие. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 272 с.
3. Бекишева Е. В., Дудецкая С. Г. Социолингвистические аспекты заимствования в общеупотребительном языке и в терминологии // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolingvisticheskie-aspekty-zaimstvovaniya-v-obsheupotrebitelnom-yazyke-i-v-terminologii> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Гарипов Т.М., Мустафин В.Х. Из наблюдений над русскими заимствованиями дореволюционного периода в башкирском языке // Ученые записки Башк. гос. ун-та. Вып. 23. Серия филол. наук. № 10. – Уфа: БГУ, 1968. – С. 83-95.
5. Ишбулатова Х. Д. Башкорт теленең тормош-көнкуреш лексикаһы. – Өфө, 2002. – 156 бит.
6. Ишкильдина Л.К. Заимствования и кодовые переключения в башкирском языке (на примере караидельского говора) / Oriental Studies. – 2023. – С. 971-982. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-971-982> (дата обращения: 10.05.2026).
7. Кейекбаев Ж.Ф. Гилми хезмәттәр йыйынтығы һәм һайланма әсәрҙәр. II том. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. – Өфө: Китап, 2014. – 260 бит.
8. Сираева Р.Т. Фразеологизмы со значением "интеллектуальные способности человека" в русском и английском языках // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 14-15.
9. Хизбуллина Д.И. Сопоставительная лексикология английского и башкирского языков. Теория номинации: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2006. – 82 с.
10. Экба З.Н. Арабские и персидские заимствования в башкирском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.06. – Москва, 1997. – 214 с.
11. Ягафарова Г.Н. Башкирская лексикология в 1990-2011 гг./ Урал-Алтай: через века в будущее. – Уфа, 2012. – с. 351-361.

© Гирфанова Г.Р., 2026

УДК 81`33

Дабаева Г.Р.
*редактор УПД, УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

Полякова Е.В.
*канд. филол. наук, УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

КОНТАМИНАЦИЯ КАК ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В НЕЙМИНГЕ

В условиях современного мира, где брендинг и реклама играют всё более значимую роль, нейминг становится настоящим искусством. На этом фоне окказиональное словообразование привлекает внимание специалистов и любителей языка как захватывающий и необычный метод, позволяющий создавать оригинальные и запоминающиеся наименования. Их использование в нейминге не только привлекает внимание потребителей, но и создает уникальный имидж бренда, позволяя ему выделяться на фоне конкурентов.

В своей работе мы акцентируем внимание на контаминации как способе окказионального словообразования при нейминге. Исследование окказионального словообразования в нейминге становится всё более актуальным. Это происходит, потому что, во-первых, с развитием технологий и глобализацией происходит смешение языков и культур, это в свою очередь открывает новые возможности для творческого подхода к созданию неймов. Во-вторых, компании должны постоянно обновляться и адаптироваться под изменяющиеся требования потребителей. Уникальные названия становятся инструментом для достижения этих целей.

В период пандемии COVID-19 нейминг стал для многих брендов не только инструментом привлечения внимания, но и способом выражения социальной ответственности. Компании активно использовали временные названия, чтобы призвать к соблюдению мер безопасности и продемонстрировать солидарность с обществом. Так, газета «Ведомости» временно изменила своё название на «Вседомой», акцентируя внимание на необходимости соблюдения режима самоизоляции. Аналогичным образом, мобильный оператор МТС использовал временное название сети «BUD'DOMA», чтобы подчеркнуть важность пребывания дома на время эпидемии. Эти примеры иллюстрируют, как в условиях глобального кризиса компании интегрируют актуальные социальные смыслы в свои коммуникационные стратегии, используя нейминг как средство воздействия на общественное сознание [8, 11-13].

Целью статьи является анализ наименований компаний с точки зрения окказионального словообразования, а именно анализ неймов, созданных с помощью контаминации.

При написании статьи были использованы как общенаучные (анализ, синтез, обобщение), так и лингвистические (структурно-семантический, контекстуальный, семантический анализы, типологический метод, метод логического сопоставления) методы исследования.

Основные проблемы использования окказиональных слов были рассмотрены такими учеными, как Н.Г. Бабенко, В.В. Лопатин, Н.М. Шанский, Ю.Н. Пацула, Д.Д. Муравьева, Т.Ю. Щуклина. Если говорить об изучении неймов, то здесь мы обратились к работам О.С. Иссерс, Д.Э. Лутфуллаевой.

«Нейминг, naming – процесс разработки названия бренда для компании, товара или услуги, его задачей является создание уникального имени с учетом ряда разнообразных методик: словообразования; позиционирования; психолингвистики; рекламо-пригодности; анализа возможность регистрации названия в качестве товарного знака» [1, с. 195].

В процессе создания имени для бренда/продукта в первую очередь стоит учитывать целевую аудиторию, потому как успех нейма будет зависеть от того, насколько он будет привлекателен для потребителей [3]. Рекламное имя должно содержать коммерческое послание, которое будет актуально и понятно для целевой аудитории. В любом высококачественном информационном продукте прослеживается интенсивное использование приемов эмоционального воздействия [6, с. 497].

Для того чтобы рассчитывать на позитивное восприятие бренд-неймов аудиторией, их создателям необходимо владеть устойчивыми знаниями в области фоносемантики, графологии и психолингвистики.

Главная задача любого названия – идентифицировать. Большинство неймов прямо либо ассоциативно идентифицируют категорию предлагаемых услуг [5]. Здесь именно уникальность является ключевым атрибутом нейма. Также необходимо учитывать ряд других факторов – эмоциональную и смысловую составляющую слова и по возможности использовать все возможности семантики для того, чтобы привлечь внимание и запомниться покупателю.

Сегодня теоретическое изучение нейминга происходит в двух областях – маркетинге и лингвистике. Но важно отметить, что исследований нейминга в лингвистическом аспекте в разы меньше.

Создание неймов в нейминговой лингвистике требует особой деятельности и творческого подхода. «Каждое название, разработанное согласно лингвистическим нормам, должно помогать повысить конкурентоспособность торговых, производственных объектов,

продукции, а также должно способствовать их развитию, популяризации и широкому распространению» [4, с. 47].

Разметим, что любое название компании выполняет не только номинативную функцию, а также информативную, коммуникативную и функцию оказания речевого воздействия на потребителя.

Понятие «окказионализм» впервые употребила Н.И. Фельдман в своей статье «Окказиональные слова и лексикография» в 1957 году [7, с. 151].

Окказионализм в самом общем виде понимается как слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях определенного контекста.

Контаминация – «соединение двух узуальных слов, которые порождают третье – окказиональное. От междусловного наложения этот прием отличается тем, что часть одного слова устраняется, т. е. не входит в окказионализм, но остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма (дымократия (дым+демократия), демократура (демократия+диктатура), профанакторий (профанация+профилакторий)» [10, с. 15].

Термин «контаминация» впервые был употреблен немецким учёным Г. Паулем в 1960 году. Контаминация является уникальным способом окказионального словообразования, при котором два и/или более мотивирующих слова объединяются в одну лексему [2, с. 38]. Отметим, что в российской лингвистике вместе с термином «контаминация» используются и другие слова: «междусловное наложение, междусловное совмещение, телескопия, амальгамация», «блендинг» и прочее [9, с. 101].

В своей статье мы рассмотрим 10 неймов, созданных с помощью контаминации, а также составим словообразовательные цепи.

Кофедоги ← кофе + хот-доги. Создано с помощью усечения второй основы.

Печенежность ← печенье + нежность. Создано с помощью усечения первой основы.

Тургениев ← Тургенев + гений. Создано с помощью усечения первой основы.

Эпильсинка ← эмилепсия + апельсинка. Создано с помощью усечения обеих основ.

Бельёж ← бельё + ёж. Создано без усечения основ. Конец первой и начало второй основы фонетически совпадают, и одинаковые компоненты накладываются друг на друга.

Кебабник ← кебаб + бабник. Создано без усечения основ.

Дверсаче ← дверь + версаче. Создано с помощью усечения второй основы.

Шашлаоке ← шашлык + караоке. Создано с помощью усечения обеих основ.

Тюремок ← тюрьма + теремок. Создано с помощью усечения обеих основ.

Канцтоварищ ← канцтовар + товарищ. Создано без усечения основ.

Усечение той или иной основы происходит в связи с требованием эстетичности и удобства произношения рекламной единицы. Наиболее распространенными являются формы с одной усеченной основой.

В большинстве контаминированных единиц две основы в составе производного слова равноправны, следуют друг за другом: печенежность – печенье + нежность; пловерма – плов + шаверма. Реже используется контаминация-включение – в середину слова вставляется элемент второго слова (Импивотрица – императрица + пиво). Такая структура требует больше времени для дешифровки, так как одна из основ дробится, и рекламное имя приобретает необычную, непривычную для носителя языка форму.

Говоря о названии брендов, мы не можем не говорить о специфичности юмора, который используют авторы для создания своих неймов. Нам встречались примеры с использованием чёрного юмора (например, тюремек). Важно учитывать, что кому-то это может и нравиться, но зачастую это вызывает неприятные ассоциации и, вероятно, портит имидж продавца в лице потенциальных потребителей. Именно поэтому важно соблюдать баланс между юмором и адекватностью.

В данной статье нами были проанализированы 10 неймов с точки зрения окказионального словообразования, а именно контаминации. Перед этим нами были рассмотрены основные научные труды исследователей окказионализмов – Р.Ю. Намитокова, Т.В. Попова, И.С. Улуханов. Также мы говорили о создании благоприятного образа компании с помощью

нейминга. Используя всё богатство русского словообразования, бренды формируют у аудитории положительные ассоциации, что в свою очередь способствует улучшению восприятия продукта.

Литература:

1. Булатова А.В. Нейминг и городская среда // Культурологические чтения 2016: мат-лы междунар. научно-практ. конф. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 194-198.
2. Дабаева Г.Р. Активные процессы в современном русском словообразовании // Диалог идей: мат-лы II Всерос. научно-практ. конф. молодых ученых и студентов. – Уфа: УУНиТ, 2025. С. 36-39.
3. Дабаева Г.Р. Окказиональное словообразование как приём языковой игры в нейминге компаний, занимающихся общественным питанием // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века: мат-лы V Междунар. научно-практ. конф. – Уфа: УГНТУ, 2024. – С. 89-94.
4. Лутфуллаева Д.Э., Сапарниязова М. Нейминговая технология: функции информативности, коммуникативной результативности и речевого воздействия неймов // Вестник науки и образования. № 11 (89). Ч. 3. 2020. С. 46-51.
5. Полякова Е.В. Способы номинации в русском языке функциональной группы с локативным значением // Наука. Образование. Практика: мат-лы III Всерос. научно-практ. конф. – Уфа: Башкирский ГАУ, 2025. – С. 213-216.
6. Садыкова Н.А. Функционально-семантические и лексические особенности заголовков в газетном дискурсе на примере газет «Уфимские», «Оренбургские» и «Пермские губернские ведомости» во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 496-501.
7. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. №5, 1957. С. 63-71.
8. Фаткуллина Ф. Г. Словообразовательные модели неологизмов коронавирусной эпохи // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 174-178.
9. Шаповаленко Е.В. Словообразовательная контаминация как средство создания лингвокультурных типажей // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2025. № 05 (121). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/slovoobrazovatel'naya-kontaminatsiya-kak-sredstvo-sozdaniya-lingvokulturnykh-tipazhej.html> (Дата обращения: 30.09.2025).
10. Щуклина Т.Ю. Истоки возникновения неологизмов. Неологизмы, созданные на базе ресурсов русского языка: учеб.-метод. пос. Казань: Казанский федеральный университет, 2023. 53 с.
11. Akhmetyanova N. State and legal regulation of the flow of media information about coronavirus infection COVID-19 // Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference "Current problems of social and labour relations" (ISPC-CPSLR 2021): proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, 16–17 декабря 2021 года. Vol. 646. – Amsterdam: Atlantis Press, 2022. – P. 10-13.
12. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200320/1568873689.html> (дата обращения 20.03.2026).
13. МТС. URL: <https://media.mts.ru/internet/186525> (дата обращения 20.03.2026).

© Дабаева Г.Р., Полякова Е.В., 2026

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ 吧 В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория модальности является универсалией, занимающей центральное место в современном языкознании, а ее исследование представляет собой важную научную задачу, которая включает всестороннее изучение семантики и прагматики рассматриваемого языка. Межкультурная коммуникация требует глубокого понимания прагматического потенциала существующих модальных лексем и тонкостей их употребления, поскольку модальные выражения – это важный инструмент выстраивания социальных отношений [9]. Изучением модальности занимались многие отечественные и зарубежные ученые. Как отмечает Г.Я. Солганик, «под модальностью в синтаксисе понимают грамматико-синтаксический признак, выражающий отношение высказывания к действительности и отношение говорящего к содержанию высказывания» [4, 8]. Из данного определения следует, что модальность обладает дуальной природой, которая заключается и в актуализации пропозиционного содержания, и в выражении личностной позиции говорящего. В традиционном языкознании принято выделять объективную и субъективную модальности [6; 7]. В настоящее время существует развитая система классификации субъективной модальности, которая кодирует отношение говорящего к окружающей действительности. В основу сформулированных концепций легли разные подходы к изучению модальности как языкового явления. Широкое распространение получил подход А.В. Бондарко, который рассматривает модальность как совокупность функционально-семантических полей, выражающих разнообразные значения [1, 59].

Исследованием модальности занимались и многие китайские ученые, такие как Тань Аошуан, Ци Хуян, Пэн Личжэнь, Чжу Гуаньмин, Вэн Солинь и другие. В китайском языке категория модальности реализуется широким набором лексических средств: модальными глаголами, модальными наречиями, модальными прилагательными и модальными частицами. Последние являются весьма специфическими элементами категории модальности, поскольку выражаемое ими модальное значение сильно зависит от контекста и зачастую не поддается перефразированию. Системные подходы к исследованию модальных частиц заложили такие ученые, как Ван Ли, Люй Шусян, Чжу Дэси и Тань Аошуан. Тань Аошуан в своей монографии использует термин «фразовые модальные частицы» и рассматривает особенности их употребления с точки зрения синтаксического подхода, выявляя различные коммуникативные типы предложений [5, 130]. В отечественной синологии исследованием модальных частиц китайского языка занимались такие ученые, как А.А. Драгунов, В.И. Горелов, Е.В. Кравченко, С.А. Симатова и другие. Как отмечают перечисленные авторы, наиболее распространенными модальными частицами являются частицы 吗, 呢, 了 и 吧 [3].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает модальная частица 吧, поскольку, в отличие от других лексических единиц, встречается в повествовательных, вопросительных и побудительных предложениях, выражая целый спектр разнообразных модальных значений, которые образуются в результате композиционного сложения семантики, синтаксиса, просодии и ситуационного контекста. Как пишет Ци Хуян (齐沪扬), модальная частица 吧 в современном варианте написания представляет собой довольно молодую лексическую единицу, которая появилась в китайском языке в XX веке, и является преемницей исторически более ранней частицы 罢, датируемой Цинской эпохой. Первоначально лексема 罢 восходила к глаголу 罢休 в значении «заканчивать, завершать» и употреблялась в предикативном

значении. Частотная позиция в конце предложения послужила толчком к процессу грамматикализации данной лексической единицы и превращении ее в фразовую частицу. [6, 92].

В современном китайском языке модальная частица 吧 может выражать целый спектр разнообразных значений, к которым можно отнести смягченное предложение, вежливую просьбу, слабый императив или поощрение, предварительное соглашение, сомнение или предположение. Так, в модели смягченного предложения 吧 выступает в роли маркера переговоров (1), (2):

(1) 我们休息一下吧。

(2) 这件事情再老吕考虑吧。

В повелительном наклонении 吧 преобразует приказ в вежливую форму обращения, нивелируя прямую команду до просьбы (3), (4):

(3) 给我一杯水吧。

(4) 别着急，慢慢说吧。

Кроме того, модальная частица 吧 может выражать поощрение, мягкое побуждение к выполнению действия с оттенком уверенности в положительном результате (5), (6):

(5) 试试吧，说不定能成功。

(6) 你喜欢就买吧，这条裙子真的很漂亮。

В повествовательных предложениях 吧 выступает маркером уступки, раздумий, предварительного согласия (7), (8):

(7) 好吧，告诉我你的计划。

(8) 行吧，我再想一想。

В ряде вопросительных и повествовательных предложений модальная частица 吧 может выражать неуверенность говорящего, подразумевая необходимость подтверждения или опровержения высказанной мысли (9), (10):

(9) 你不会生气吧？

(10) 他 dagai 已经走了吧。

Таким образом, перечисленные модели демонстрируют тот факт, что прагматический потенциал модальной частицы 吧, главным образом, лежит в плоскости смягчения интонации, а также служит маркером открытости к социальному контакту. Исследование модальной частицы 吧 имеет важное значение в практике межкультурной коммуникации, а понимание семантических оттенков модальных значений способствует решению задач в рамках перевода и преподавания китайского языка как иностранного.

Литература:

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.
2. Кравченко Е. В. Классификации модальных частиц современного китайского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. №2. С. 10–14.
3. Симатова С. А. Частицы как способ выражения модальности в китайском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 11: Востоковедение, африканистика. 2014. Вып. 4. С. 23–36.

4. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса: монография. М.: Флинта; Наука, 2010. 136 с.
5. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Московский гос. ун-т; Ин-т стран Азии и Африки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
6. Фаткуллина Ф.Г., Ван Сюецзяо, Концепт «здоровье / 健康» как лингвокультурный феномен: монография / Ван Сюецзяо, Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: Уфимский университет, 2025. – 174 с.
7. Фаткуллина Ф.Г. Сопоставительная лингвокультурология: Учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ УУНУТ, 2023. – 104 с.
8. 齐沪扬.语气词与语气系统.合肥:安徽教育出版社, 2002. 323 页。
9. Fatkullina F.G., Kazantseva E.A., Valiakhmetova E.K., Suleimanova A.K., Anokhina S.Z. SEMANTIC SYNERGY OF THE NOUN AND THE VERB // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8. № 9. С. 353-360.

© Давлетбаева А.Ф., 2026

УДК 81'33

Дивеева Г.Р.,
аспирант УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ

Как и любой тип общения, экономический дискурс, имеет свои цели и выполняет ряд взаимосвязанных функций, которые определяют его коммуникативную специфику. К целям экономического дискурса относят освещение событий в экономической жизни общества, информирование о состоянии экономики, формирование определённого отношения к экономическим изменениям и побуждение к действиям, создание экономических теорий, а также исследование направлений развития экономики и уровня жизни населения [3, 44; 4; 5].

К числу основных функций экономического дискурса прежде всего относится информирующая функция, которая отвечает за передачу актуальных экономических данных, прогнозов, аналитических оценок и экспертных заключений. Но есть, конечно же, и другие. Так, К.В. Шамраева обосновывает, что экономический дискурс устанавливает и регулирует отношения людей «в процессе производства и обмена товаров», воплощает в языковой форме «действия по анализу, планированию, контролю и регулированию экономических процессов», дифференцирует экономические субъекты и создаёт языковую реальность «поля экономики и её интерпретацию с целью манипуляции сознанием [8]. Примерно к тому же выводу приходит А.П. Хазраткулов, показывающий, что функции экономического дискурса неразрывно связаны с «интенциональной базой» и включают в себя установление и регулирование отношений между экономическими субъектами, вербализацию процессов анализа и планирования, дифференциацию участников коммуникации, а также манипуляцию сознанием [7]. Обе точки зрения сходятся в том, что помимо информирующей, ключевыми функциями экономического дискурса являются регулятивная, воздействующая и имиджевая. Этот минимальный набор в конкретных случаях может дополняться другими функциями. Так, Н.Н. Буланова дополняет функциональный портрет экономического дискурса такими функциями, как развлекательная, маркетинговая, идейная, причем в зависимости от конкретных коммуникативных задач, эти функции могут быть комбинированы в дискурсе в любом соотношении [1].

Функции экономического дискурса реализуются в рамках определенных его характеристик. Привязанность к институту экономики дает экономическому дискурсу признак институциональности, которая проявляется в нем как связь с деятельностью

экономических институтов (центральных банков, финансовых организаций, рейтинговых агентств) и закреплённость за определёнными социальными ролями [6; 7;]. Также он характеризуется высокой степенью терминологичности за счёт использования специализированной лексики, профессионального жаргона и клишированных конструкций [9]. Для экономического дискурса характерны документальность и опора на статистику, поскольку он апеллирует к количественным данным, графикам и индексам как средствам обоснования высказывания, а также жанровая регламентированность, т.е. существование устойчивых жанровых форм (пресс-релиз, прогноз, аналитический обзор, отчет), каждая из которых диктует свои композиционные и стилистические нормы. В последние годы все чаще говорят о гибридности экономического дискурса, т.е. об активном взаимодействии с другими типами дискурса (политическим, юридическим, медийным и другими), приводящее к появлению смешанных жанровых образований [2].

Литература:

1. Буланова Т.В. Лингвистическое исследование экономического дискурса (на материале англоязычной прессы) // <https://scipress.ru/philology/articles/lingvisticheskoe-issledovanie-ekonomicheskogo-diskursa-na-materiale-angloyazychnoj-pressy.html> (дата обращения 26.04.2026).
2. Габец А.А. Местоимение как параметр прагмалингвистической связности англоязычного экономического дискурса // Вопросы современной лингвистики, 2023, № 4, С.33-41.
3. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета, 2014, № 6, С.42-36.
4. Фаткуллина Ф.Г. Сопоставительная лингвокультурология: Учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ УУНИТ, 2023. – 104 с.
5. Фаткуллина Ф.Г., Сафина Р.И. Категория отрицания как общенаучный феномен // Мир науки, культуры, образования, 2022. № 2 (93). С.354-356.
6. Фаткуллина Ф.Г. Понятие и сущность термина «категория» в языкознании и других науках // Теоретические и практические проблемы современной гуманитарной науки. Материалы IX Международной научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2023). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2023. С. 149-150.
7. Хазраткулов А.П. Экономический дискурс в координатах институционального профессионального дискурса: основные признаки, функции и типы // Вестник Пятигорского государственного университета, 2019, № 1, С.187-190.
8. Шамраева К.В. Сложноструктурированный институциональный экономический дискурс как лингвокогнитивный феномен // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2011, № 4, С. 209-215.
9. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Mensah D., Fatkullina F.G. THE PECULIARITIES OF TRANSLATIONS OF OFFICIAL BUSINESS PLANS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN // Opcion. 2019. T. 35. № Special Issue 23. С. 433-447.

© Дивеева Г.Р., 2026

Дивеева Г.Р.
аспирант УУНУТ

г. Уфа, Россия:

Фаткуллина Ф.Г.

д. филол. наук, проф., УУНУТ,

г. Уфа, Россия

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Для анализа коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе применяется ряд конкретных методов и мы начнем описание методологического аппарата с сопоставительного метода. Этот метод является общенаучным, и применяется не только в лингвистике, но для данного исследования он является центральным, поскольку работа построена на системном сравнении разноразличных дискурсов. Конкретно в лингвистике сопоставительный метод определяется как исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности; он направлен в первую очередь на выявление различий между двумя сравниваемыми языками и поэтому называется также контрастивным [1]. Сопоставительный анализ «опирается на не единичные или случайные факты, а исходит из системы противопоставлений категорий и рядов своего и чужого, т. е. из фактов, закономерных и органичных для данных языков» [4, 280]. Сопоставительному анализу «могут быть подвергнуты элементы разных систем, удовлетворяющие критерию сопоставимости. Это могут быть элементы, выполняющие в своей системе одинаковую лингвистическую функцию» [2, 10–14]. Детальная методология сопоставления языков и отдельных языковых явлений, включающая описание целей и задач сопоставления, возможных видов сопоставления, сопоставительных методов и приёмов, разработана в воронежской школе сопоставительных исследований под руководством И.А. Стернина.

Базовым методом для любых дискурсивных исследований является дискурс-анализ. Он исследует дискурс как единство коммуникации (динамического процесса языкового взаимодействия) и текста (продукта коммуникации) [1]. Уникальность этого метода состоит в том, что он позволяет проследить пути и результаты конструирования реальности с помощью языка, что связывает в одном исследовании язык и общество его носителей и таким образом делает возможным его применение за рамками чистой лингвистики (когнитивистика, социо- и психолингвистика, прагматика). С помощью методов этого анализа (анализ по ключевым словам, анализ частотности, коллокационный анализ и др.) можно исследовать структуру дискурса (жанровая принадлежность, композиция), его таксономию (классификация по стратам) и связь с более мелкими языковыми уровнями (выбор лексико-грамматических средств) [Там же].

Для исследования экономического дискурса значимы все три аспекта, и выбор конкретного вида дискурс-анализа мы сделали в пользу критического дискурс-анализа (КДА). Этот вид дискурс-анализа является объяснительным и интерпретативным методом, направленным на выявление лингвистических механизмов социальных процессов и явлений. Его междисциплинарность, интертекстуальность и открытость для широкого круга факторов, оказывающих влияние на текст, делают его незаменимым инструментом современной науки. Процедура критического дискурс-анализа не является унифицированной и в зависимости от целей исследования и характера эмпирического материала исследователь может опираться на диалектико-реляционный подход Н. Фэрклоу, социокогнитивный подход Т. ван Дейка или дискурсивно-исторический подход Р. Водак и М. Рейзигль. Наиболее релевантным, на наш взгляд, является дискурсивно-исторический подход (ДИА), поскольку он ориентирован на анализ текстов, продуцируемых социальными институтами, и предлагает четкий набор дискурсивных стратегий, которые могут быть выявлены на конкретном языковом материале.

При анализе дискурсивных стратегий применяется прагмалингвистический анализ, позволяющий реконструировать интенциональную структуру текста и выявить, какие коммуникативные намерения (информирование, убеждение, прогнозирование, легитимация решений, формирование ожиданий и т.д.) реализуются через конкретные стратегии [4]. В рамках дискурсивно-исторического подхода выделяются пять стратегий, которые необходимо выявить в эмпирической базе:

- стратегия номинации, целью которой является дискурсивное конструирование экономических акторов, процессов, событий (наименования, метафоры, дейксис);
- стратегия предикации, цель которой состоит в дискурсивной оценке этих объектов (атрибутивные конструкции, прилагательные, оценочные существительные);
- стратегия аргументации, направленная на обоснование или оспаривание притязаний на истинность (Топосы, причинно-следственные связи, ссылки на авторитеты);
- стратегия перспективизации для выражения вовлеченности / дистанцированности говорящего (дейксис, прямая/косвенная речь, цитирование, метафоры);
- стратегия интенсификации / митигации, используемая для усиления или смягчения иллокутивной силы высказывания (бустеры, хеджи).

Каждая стратегия реализуется через набор речевых тактик (например, тактика ссылки на авторитет, тактика дистанцирования, тактика смягчения критики) и коммуникативных ходов – минимальных единиц, определяющих последовательность речевых действий [3, 114; 5].

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры. М.: Издательство: Издательская группа "Прогресс", 1990, С.5-12.
2. Ильясова Р.С., Гасанова Е.С. К вопросу о значении сопоставительного метода в лингвистике // Мир науки, культуры, образования, 2022, С.365-366.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи Изд. 9, доп. 2024. 320 с.
4. Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Русский язык в нац. школе. 1962. № 5. С. 23-33.
5. Фаткуллина Ф.Г. Коммуникативные характеристики брендинга как фактора продвижения имиджа региона // III всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Наука. Образование. Профессия» 12 марта 2024 г. – Уфа: БГАУ, 2024. С.57-60
6. Фаткуллина Ф.Г. Понятие и сущность термина «категория» в языкознании и других науках // Теоретические и практические проблемы современной гуманитарной науки. Материалы IX Международной научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2023). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2023. С. 149-150.

© Дивеева Г.Р., Фаткуллина Ф.Г., 2026

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТОНИМОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Экономическая деятельность общества в современном мире является неотъемлемой составляющей быта большинства людей по всему миру. На сегодняшний день особый интерес в лингвистике вызывает языковая локализация наименований брендов в условиях глобализации рынка товаров и услуг. Производство стремится к расширению круга потребителей любыми доступными способами, включая выход на международную арену, где неизбежно сталкивается с проблемой языкового масштаба, касающейся сложности в понимании базовой информации о товаре или услуге. В данном вопросе на помощь производителю приходит языковая локализация.

В экономическом плане под локализацией следует понимать адаптацию продукта, приложения или документа в соответствии с языковыми, культурными и прочими особенностями конкретного целевого рынка [6;7]. Необходимость адаптировать перевод под реалии определенной языковой группы стала актуальной в период активной технологизации и становления интернет-культуры, то есть приблизительно в конце XX века. Главное отличие локализации от перевода заключается в особой роли культурного компонента, используемого в первом процессе как основа для трансформации оригинального текста, в то время как задача перевода отразить исходную форму текста максимально приближенного в принимающем языке.

Здесь же отметим, что рассматриваемому процессу характерна двухэтапное разделение. Прежде чем исходный текст становится локализованным, происходит обратный процесс – интернационализация, то есть упрощение текста в соответствии с наиболее широким языковым и культурным ореолом [3: 556]. Такой подход обусловлен спецификой оригинального языкового содержания, которое может усложнить сам процесс локализации.

Рассматривая проблемы данного явления, можно условно разделить таковые на лингвистические, культурологические и технические [4: 14]. Если технические охватывают способы напрямую связаны с прикладной составляющей локализации, то есть со способами осуществления адаптации с использованием технических средств и инструментов, к примеру электронные носители информации, то первые две проблемы составляют ту область деятельности, которая связывает производителя, компанию и бренд непосредственно с потенциальным покупателем, привлекая его внимание за счет грамотно использованной стратегии локализации. Если лингвистическая проблема касается переводческой деятельности, то культурологическая отвечает за релевантность подобранного перевода в условиях конкретной языковой и экономической группы. Рассмотрим эти два компонента на примере прагматонимов.

Прагматоним простыми словами определяется как наименование товара, марки бренда. Особенность прагматонимов выражена отношением «как к отдельному элементу ряда, так и ко всей серии в целом» [2: 1]. Ключевым элементов в выборе актуального наименования является позиционирование бренда на рынке. Поддержание образа обуславливает стратегии маркетингового текста, разрабатываемого для дальнейшего использования. По уровню информативности о товаре можно выделить следующие категории прагматонимов: идентифицирующий, условно-символический, символический [1: 2]. Языковая локализация вносит некоторые коррективы в такую классификацию, поскольку адаптированный

прагматоним может иметь аналогичную с исходным наименованием степень информативности, но также он может преобразоваться и перейти в иную категорию. К примеру, англоязычный косметический бренд “МАС”, относится к идентифицирующему виду прагматонимов, поскольку является сокращенной формой выражения Make-up Art Cosmetics. Локализация «魅可» (mèikè, ‘навык оболыщения’) на китайском языке уже не имеет идентичного информативного содержания, поскольку адаптация наименования произошла за счет фонетического сходства. Усложняет процесс определения источник локализации. Вышеупомянутый пример локализации происходит от общественной потребности, не имея под собой официально подтвержденного источника. Другим примером служит пара Chanel – 香奈儿(), где локализации прагматонима так же происходит через фонетическую адаптацию, однако в данном случае оба прагматонима относятся к одной категории, так как изначальное наименование является прямым использованием имени собственного.

Проблематика локализации прагматонимов определяется их сложносоставной формой. В процессе адаптации наименования бренда важно учитывать не только культурные реалии принимающего языка, но и содержание исходной формы текста, целевую аудиторию бренда и его позиционирование. Грамотное использование маркетинговых стратегий обеспечивает наиболее успешную локализацию, однако с лингвистической точки зрения вопрос о преобразовании оригинального имени бренда остается неясным.

Литература:

1. Ермакова Л. Р. К вопросу об употреблении прагматонимов в рекламных текстах, Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. Белгород, научные ведомости, 2015. №24 (221). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-upotreblenii-pragmatonimov-v-reklamnyh-tekstah> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Исангузина И. И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) // г. Уфа, Вестник Башкирск. ун-та. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatonimy-v-onomasticheskom-prostranstve-semanticheskij-lingvokulturologicheskij-i-sintaksicheskij-aspekty-na-primere-nazvaniy> (дата обращения: 14.04.2026).
3. Легенько А. Н. Языковая локализация как вид переводческой деятельности // Вестник науки. 2023. №5 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lokalizatsiya-kak-vid-perevodcheskoj-deyatelnosti> (дата обращения: 14.04.2026).
4. Сдобников, В. В. Российское переводоведение в XXI веке. Проблемы и перспективы: монография, Москва: ФЛИНТА, 2024, URL: <https://e.lanbook.com/book/413984> (дата обращения: 14.04.2026)
5. Фаткуллина Ф.Г., Зарипова Э.М. Языковое манипулирование базовыми ценностями современного общества в цифровой медиасреде // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 387-388.
6. Richard Ishida, Susan K. Miller, “Localization vs. Internationalization”, W3C, 2005, [Электронный ресурс]: URL: <https://www.w3.org/International/questions/qa-i18n.en> (Дата обращения 14.04.2026)
7. Liliya R. Sakaeva, Marat A. Yahin, Fliuza G. Fatkullina, Roman E. Shkilev. Specifics of advertising text in the green economy as the main unit of marketing communications in Russian and English // «Sustainable Cooperation for the Creation of Green Supply Chains Based on Environmental Technologies and Responsible Innovations, Sustainable Civil Infrastructures, Springer. - 2024. Глава 18. Pp.151-159

© Доронина Ю.А., 2026

ТЫ/ВЫ, YOU И СЕН/СІЗ: МЕСТОИМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Каждый день, начиная разговор, мы совершаем выбор, часто не осознавая его сложности. Мы решаем, как обратиться к собеседнику: на «ты» или на «вы», по имени или по имени-отчеству, использовать ли нейтральное *you* или подчеркнуть уважение грамматическими средствами. Этот выбор – не просто вопрос грамматики, а тонкий социальный маркер, способный за секунду обозначить статусные отношения, степень близости и даже эмоциональный фон общения.

В центре нашего внимания находится местоименная система вежливости – тот лингвистический механизм, который с помощью местоимений второго лица кодирует социальную дистанцию и иерархию. В разных языках этот механизм устроен принципиально по-разному, отражая культурные ценности и исторические пути развития народов.

В данной статье мы сопоставим три языка, представляющие три различные модели:

1. Русский язык с его классической бинарной оппозицией *ты* (неформальное, интимное) и *Вы* (формальное, дистантное). Эта система, унаследованная из праиндоевропейской эпохи, в русском языке сохранила высокую степень значимости и продолжает активно регулировать повседневное общение.

2. Английский язык, который, напротив, утратил различие между формальным и неформальным обращением. Современное местоимение *you* – результат любопытной языковой эволюции, где старое «вежливое» *you* полностью вытеснило «интимное» *thou*. Сегодня англоговорящие люди вынуждены использовать другие средства (лексические, интонационные, синтаксические) для выражения уважения или фамильярности.

3. Казахский язык, принадлежащий к тюркской семье, демонстрирует более сложную, многоуровневую систему. Помимо базовой оппозиции *сен* (неформальное, для младших и равных) и *сіз* (формальное, для старших и уважаемых), здесь существует также множественное *сендер* и гипервежливое *сіздер*, а выбор местоимения тесно связан с категорией принадлежности и возрастной иерархией, что отражает традиционные ценности казахского общества – уважение к старшим и коллективизм.

Основоположниками теории местоименной вежливости по праву считаются Роджер Браун и Альберт Гилман, которые в своей знаковой работе 1960 года «*The Pronouns of Power and Solidarity*» («Местоимения власти и солидарности») ввели ключевые понятия семантики власти (формальное местоимение как маркер иерархии) и семантики солидарности (неформальное местоимение как маркер близости и общности) [1:252]. Позднее Пенелопа Браун и Стивен Левинсон разработали универсальную теорию вежливости, где выбор между *T* – от латинского *tu* («ты») и *V* – от латинского *vos* («вы») интерпретируется как стратегия сохранения положительного и отрицательного «лица» собеседника, то есть его потребности в одобрении и в свободе от посягательств [2:135]. В российской лингвистике наиболее детальную разработку темы речевого этикета, включая оппозицию *ты* / *Вы*, осуществила Н.И. Формановская, чьи труды стали практическим руководством для описания русской местоименной системы. Таким образом, Браун, Гилман, Браун и Левинсон заложили теоретический фундамент, а Формановская адаптировала его к русскому языковому материалу.

Русский язык сохранил классическое противопоставление неформального *ты* (*T*) и формального *Вы* (*V*). Выбор между ними определяется степенью знакомства, возрастом, статусом и официальностью обстановки: к незнакомым, старшим, начальникам и в официальных ситуациях обращаются на *Вы*, а к близким, детям и друзьям – на *ты*. Ключевая

особенность русской системы – её прагматическая гибкость: одно и то же лицо может получать разные местоимения в зависимости от эмоционального контекста (демонстративное *Вы* сигнализирует отчуждение, переход на *ты* – принятие в круг «своих») [4:87]. В современной России границы между формами постепенно размываются в неформальных сферах (интернет, сфера услуг, IT), но в официальных институциях *Вы* остаётся обязательным.

Английский язык представляет собой аномалию среди европейских языков, поскольку полностью утратил различие между формальным и неформальным обращением. Единственное местоимение *you* используется во всех ситуациях независимо от возраста, статуса и степени близости собеседников. Исторически древнеанглийский имел оппозицию *thou* (Т) и *you* (V), но к XVIII веку *thou* исчез из стандартного языка, сохранившись лишь в библейских текстах, поэзии и некоторых диалектах. Причинами утраты стали урбанизация, ослабление феодальной иерархии и пуританская идея равенства. Отсутствие Т – V оппозиции компенсируется другими средствами вежливости: обращениями *sir / ma'am*, титулами, конструкциями косвенной вежливости (*would you mind...*) и лексическими маркерами дистанции [1:252].

Казахский язык демонстрирует более сложную систему, чем русский и английский: помимо оппозиции *сен* (неформальное) и *сіз* (формальное), существуют множественные формы *сіздер*. Главная особенность казахской системы – доминирование возрастного фактора: обращение на *сен* к человеку, который старше говорящего даже на несколько лет, без явного разрешения старшего воспринимается как грубое оскорбление. Это прямое отражение традиционной ценности *ұлкенге құрмет* (уважение к старшим). Переход на *сен* инициируется только старшим, младший не может предложить его первым. Дополнительную сложность вносят аффиксы принадлежности (например, уважительный *-ңыз*), которые могут выражать вежливость даже без самого местоимения [3:111]. В городах под влиянием русского языка границы начинают размываться, но в традиционной среде строгость системы сохраняется.

Сопоставление трёх описанных систем выявляет принципиальные различия, которые могут приводить к коммуникативным сбоям при межкультурном общении. Каждый язык по-своему решает задачу кодирования социальной дистанции и иерархии, и эти решения не всегда совместимы друг с другом.

Наиболее близкими на первый взгляд кажутся русская и казахская системы, поскольку обе основаны на бинарной оппозиции Т и V. Однако их сходство обманчиво. В русском языке выбор между *ты* и *Вы* допускает значительную вариативность и субъективность: два человека равного возраста и положения могут по-разному решить вопрос об обращении в зависимости от личных предпочтений, степени симпатии или даже настроения. В казахском языке, напротив, выбор практически однозначно предопределён возрастом. Русскоязычный человек, привыкший обращаться на *ты* к молодому коллеге или к студенту, который лишь немного младше его, может непреднамеренно оскорбить казаха, для которого даже небольшая возрастная разница требует формы *сіз* до тех пор, пока старший сам не разрешит переход. Обратная ситуация также возможна: казах, переносящий в русскую речь обязательность *сіз*, может использовать русское *Вы* в ситуациях, где носитель русского языка уже давно перешёл бы на *ты*, создавая впечатление излишней официальности или холодности.

Английский язык стоит особняком. Носитель английского, изучающий русский или казахский, не имеет в родном языке грамматического маркера дистанции и склонен использовать *ты* или *сен* во всех ситуациях по аналогии с универсальным *you*. Это воспринимается носителями русского и казахского как грубость, фамильярность или отсутствие воспитания.

Таким образом, местоименные системы вежливости не являются изолированными грамматическими правилами. Они глубоко укоренены в культурных ценностях – уважении к возрасту в казахской культуре, гибком балансе между дистанцией и близостью в русской, индивидуализме и горизонтальных отношениях в англо-американской. Понимание этих

различий становится не просто академическим знанием, а практической необходимостью для успешной коммуникации в поликультурном мире.

Литература:

1. Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // P. P. Giglioli (red.). *Language and Social Context*. Harmondsworth, 1972 (1960). – P. 252 – 282.
2. Brown, P., & Levinson, S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
3. Балакаев М.Б. Грамматика, правописание, развития речи. – Алма-Ата: Рауан, 1991. – 235.
4. Формановская, Н. И. *Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты* (изд. стереотип.). – М.: URSS. – С. 160.

© Дуйсенбина А.У., 2026

УДК 811.161.1

Закирьянов К.З.,
д-р пед. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия

АКТИВНЫЙ БИЛИНГВИЗМ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ РОССИИ

В многоязычном мире (ныне многоязычны все страны мира) для речевой коммуникации разноязычных народов, живущих на одной территории (на разных территориях тоже), приобретает особую актуальность проблема преодоления языкового барьера. Одним из основных способов (пожалуй, единственным) решения этой проблемы является формирование билингвизма (двуязычия): владение двумя языками – своим родным и вторым языком (языком соседа, собеседника или языком-посредником, общим для всех проживающих в данном разноязычном социуме).

Возникнув в отдаленные эпохи, еще на заре человечества, явление билингвизма встречается во все исторические времена на разных территориях и все шире распространяется в современном мире среди самых разных народов и в разных формах, совершенствуется ныне в виде активного билингвизма.

Активный билингвизм означает активное пользование билингвом двумя языками во всех сферах жизнедеятельности, что возможно при одинаково свободном владении билингвом обоими языками – своим родным и вторым, неродным. Функционирование активного билингвизма возможно при юридическом равноправии языков: все языки могут выполнять все общественные функции. Однако следует оговорить, что юридическое равноправие языков еще не наделяет их одинаковыми возможностями для выполнения всех функций. В зависимости от степени развитости, распространенности, статуса и ряда других условий разные языки располагают разными возможностями выполнения тех или иных общественных функций.

В условиях активного билингвизма два языка функционируют совместно, в одной упряжке как два неразрывных компонента одной речевой коммуникации, обслуживают все сферы жизни общества, «специализируясь» каждый на выполнение определенных общественных функций: один язык (родной) выполняет одни, другой язык (неродной, обычно язык-посредник) – другие общественные функции. Здесь наблюдается такая закономерность: чем выше статус языка, тем больше оснований для его активного использования в разных сферах общения. Яркой иллюстрацией этого может служить функционирование активного национально-русского двуязычия в национальных регионах Российской Федерации в том числе в Республике Башкортостан (подробнее см. об этом [Закирьянов 2023, с. 25–33]).

Высоко оценивая роль активного национально-русского билингвизма в полиэтническом пространстве России, нерусские билингвы – поэты, писатели, журналисты, ученые, общественные деятели и другие – используют очень выразительные образные сравнения, например:

«Два языка – два крыла» (Ахмет Ерикеев, татарский поэт).

«Киргизский и русский языки для меня – две руки – левая и правая, и я не могу обойтись без какой-либо из них» (Чингиз Айтматов, киргизский писатель).

«Два коня – два языка ведут вперед Дагестан. Один из них русский язык, а другой для аварца – аварский, для лакца – лакский» (Расул Гамзатов, дагестанский поэт).

«Два языка – два родника» (Н.Г. Самсонов, якутский ученый-лингвист).

Для меня, автора этих строк, «два языка – это два моих родителя – отец и мать. С помощью родного языка я впервые познал окружающий мир, с помощью русского языка познал дружбу народов: он помог мне ощутить вкус знаний и вывел меня на большую дорогу науки».

Активный билингвизм не только создает благоприятные, комфортные условия для бесконфликтного совместного проживания разноязычных народов в одном социуме, но и дает возможность сохранить каждый национальный язык и свободно функционировать каждому из них на равных правах, что создает согласованное многоязычие в одном государстве (Российской Федерации). В самом деле, если каждый народ (его представители) будет хорошо знать свой родной язык и овладеет русским языком как языком-посредником, если каждый народ будет свободно пользоваться в повседневной жизни, по мере необходимости, обоими языками, то образуется такое содружество разноязычных народов, которое обеспечит надежную политическую безопасность полиэтнического государства, каким является Российская Федерация (Республика Башкортостан в ее составе).

Это многоязычное государство можно сравнить: 1) с симфоническим оркестром, где гармонически сочетается множество разных звуков; 2) с ансамблем, состоящим из множества разных народных музыкальных инструментов; 3) с многоголосым хором из мужских и женских голосов; 4) с разноцветным ковром, сотканным из множества красивых разноцветных нитей; 5) с цветущим лугом покрытым множеством разных ярких цветов и пышных сочных трав; 6) с красивым букетом, составленным из разных ярких живых цветов; 7) с алмазом, ярко сверкающим на солнце разными гранями; 8) с палитрой разноцветных красок, дающих возможность художнику изобразить на картине красоту окружающей природы человеческого труда; 9) с небосклоном, усыпанным множеством ярких звезд. Чем больше ярких звезд, тем красивее звездное небо. Каждая звезда – это язык каждого народа. Пусть звезда-язык каждого народа ярко светит в этом небе! А звезда русского языка как центральная в этом небосводе светит еще ярче! ; 10) с веселым хороводом, где, крепко взявшись за руки, кружатся в веселом танце и поют песню дружбы народов каждый в своих национальных нарядах, а русский язык водит этот хоровод и, как крепкая связующая нить, объединяет разноязычные народы в одну дружную семью.

Очень образно сказал о красоте многоязычного мира чувашский лингвист и методист Г.А.Анисимов: «Очень важно соблюдать принцип симфонизма: каждый народ, стремясь к всеобщей гармонии, должен, подобно музыкальному инструменту, сохранить собственный голос. Да и прелесть прибрежного луга не в растительном монотоне, а в его разнотравье и многоцветье» [Анисимов 2010, с.100–101].

Литература:

1. Анисимов Г.А. Современные проблемы би- и полилингвизма. // Анисимов Г.А. Избранные работы по лингводидактике и языкознанию. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 99–104.
2. Закирьянов К.З. Русский язык как неродной (лингвометодический аспект): Монография. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 190 с.

©Закирьянов К.З., 2026

ЗАЛОГ И ТРАНЗИТИВНОСТЬ: МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В татарском языке категории транзитивности/интранзитивности (переходности/непереходности) глаголов и залога тесно взаимосвязаны. Залог, как глагольная категория, отражает различные отношения между субъектом и объектом действия, проявляясь морфологически в форме глагола. Оба понятия, по сути, описывают отношения в структуре «субъект – предикат – объект». Способность глагольной лексики участвовать в залоговых преобразованиях во многом определяется ее семантическим признаком – переходностью или непереходностью.

Залог является одной из наиболее сложных и дискуссионных лексико-грамматических категорий глагола. В татарском языкознании до сих пор нет единого мнения относительно его содержания и объема [5:161]. Большинство исследователей признают залог грамматической категорией, однако их взгляды на его сущность расходятся. Так, Л. Залая определяет его как выражение отношения процесса к объекту, В.Н. Хангильдин – к объекту и субъекту, а Д.Г. Тумашева – к субъекту действия [6:127]. В истории изучения татарского языка существовали и иные трактовки: А. Казембек и М. Махмудов относили залог к словообразованию глагола, а Г. Фейзханов и Дж. Валиди не видели внутренних связей между залоговыми формами, рассматривая их обособленно [5:161].

Разногласия касаются и объема понятия «залог». К. Насыйри включал в него все переходные и непереходные глаголы, а также их производные формы с залоговыми аффиксами. Более поздние исследователи, стремясь выявить общее грамматическое значение категории, исключают из нее те образования, которые, по их мнению, не соответствуют их пониманию сущности залога.

В.И. Асланов отмечает, что в современном азербайджанском литературном языке аффиксы страдательного, взаимно-совместного и возвратного залогов делают невозможным употребление падежа прямого дополнения даже у глаголов с переходной основой. В якутском языке глаголы понудительного залога с переходной основой управляют двумя падежами прямого дополнения, тогда как в башкирском языке при глаголах понудительного залога допускается использование исходного падежа [2: 6].

По мнению Е.И. Убратовой, в якутском языке, за исключением пассивного залога, залог не влияет на способность глагола-сказуемого иметь дополнение [7: 114]. А. Аблаков указывает, что в казахском языке, кроме страдательного залога, производный глагол не всегда теряет способность управлять прямым дополнением [1: 38]. По его мнению, в подобных случаях залоговые аффиксы, присоединяясь к основе переходного глагола, не превращают его полностью в непереходный.

В результате глубокого сравнительно-исторического исследования языковеды пришли к выводу, что современные залоговые аффиксы в тюркских языках исторически являются словообразовательными аффиксами. Изначально они служили для образования глаголов от имен и для дифференциации переходности и непереходности в уже существующих глаголах [4: 417].

Изменение переходности исходных глагольных основ под воздействием различных залоговых аффиксов объясняет особенности управления глагола. В зависимости от типа залогового показателя, присоединяемого к основе, переходные глаголы могут превращаться в непереходные, и наоборот, что напрямую отражается на их синтаксической сочетаемости. Например, добавление аффикса понудительного залога к основе непереходного глагола делает его переходным, позволяя управлять винительным падежом. Напротив, если этот же

показатель присоединяется к переходному глаголу, он становится каузативно-переходным и начинает управлять не только винительным, но и направительным падежом. При образовании страдательной формы переходный глагол, наоборот, становится непереходным и теряет способность управлять винительным падежом. Следует отметить, что подобные изменения проявляются по-разному в различных тюркских языках.

В татарском языке управление переходных глаголов основного залога характеризуется тесной связью с именами в основном и винительном падежах. В качестве иллюстрации приведем пример: *Талдан тартма ясадым, тар буласын белмәдем (Жыр)*.

При использовании глаголов с переходной основой понудительного или взаимно-совместного залогов управление выходит за рамки одиночного. Лексико-грамматические свойства данных глаголов обуславливают зависимость от них двух форм имени:

- Основного (в значении объекта) // винительного и направительного падежей.
- Основного (в значении объекта) // винительного и исходного падежей.

Таким образом, речь идет о двойном управлении. Сравним: *тартма ясадым – тартма ясаттым (кемнән?)* (понудительный залог) – *тартма ясаитым (кемгә?)* (взаимно-совместный залог). Глаголы возвратного и страдательного залогов, образованные от переходных основ, утрачивают способность управлять винительным падежом. Сравним: *ясану* (возвратный залог) – *ясалу* (страдательный залог).

Глаголы, выражающие чувственные состояния человека, состояния предметов и их движение, как правило, относятся к непереходным. Тем не менее, не все непереходные глаголы, обозначающие движение, способны управлять существительными в пространственных падежах. Так, если глагол движения в основном залоге подразумевает охват всего объекта, то при сочетании с существительным в винительном падеже он приобретает переходное значение [1:36]. В татарском языке таких глаголов немного, например, *урау* (обойти, объехать).

Сопоставление татарских словосочетаний типа «глагол движения + существительное в винительном падеже» с аналогичными явлениями в языках огузской группы обнаруживает определенные различия. Глаголы основного залога в татарском языке, такие как *китү* (уйти), *качу* (убегать), *килү* (приходить), *йөрү* (ходить), а также, согласно имеющимся данным, в башкирском и казахском, не управляют винительным падежом. В отличие от них, в азербайджанском и туркменском языках такое управление присутствует [2:37].

Это указывает на то, что традиционное для памятников орхоно-енисейской письменности управление винительным падежом глаголами движения сохранилось в языках огузской группы в большей степени, чем в татарском, башкирском и казахском. Важно отметить, что в зависимости от своей семантики, непереходные глаголы могут управлять существительными не только в направительном, но и в исходном, а также местно-временном падежах.

В татарском языке управляемое имя в направительном падеже указывает на объект восприятия, речи или конкретного действия. Оно также обозначает предмет, к которому обращено состояние или чувство. В таких конструкциях проявляются объектные, восполняющие и обстоятельственные отношения. Например, в предложении *Мал иясенә охиый (М.) (кемгә? нәрсәгә?)* (основной залог). При изменении данного залога в понудительный, глагол становится переходным, изменяется и валентность глагола: *охишу – охиату (кемне? нәрсәне? – кемгә? нәрсәгә?)*. В этом случае наблюдается сильная связь глагола с двумя падежами (кроме основного): винительным и направительным.

Взаимно-совместный залог глагола *охишу* требует лишь одного обязательного актанта в основном падеже: *охиашу (кемнәр? нәрсаләр?)*.

Таким образом, выбор залога напрямую определяет модель глагольного управления, поскольку перестраивает синтаксические связи между глаголом и его актантами: активный залог предполагает прямое управление с подлежащим-агентом и прямым дополнением-пациентом, тогда как пассивный залог меняет структуру управления, выводя агента в факультативное дополнение (обычно в косвенном падеже) и повышая пациента до позиции подлежащего. Это перераспределение синтаксических ролей, обусловленное залогом, влечёт

за собой изменение порядка слов и коммуникативной функции высказывания. Более того, через механизмы глагольного управления залог выражает семантические аспекты действия (активность, пассивность, возможность, необходимость) и модальные значения, такие как смягчение ответственности или придание объективности. Таким образом, залог выступает не просто как грамматическая категория, а как системообразующий элемент глагольного управления, организующий синтаксическую структуру предложения и отражающий в диахронии эволюцию способов концептуализации действия в языке.

Литература:

1. Аблаков А. Словосочетания, образованные способом управления в казахском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1987. – 52 с.
2. Асланов В.И. Некоторые вопросы глагольного управления в памятниках азербайджанского языка в сравнительном освещении. (Переходные глаголы): автореф. дисс. ... канд-та филол. наук. – Баку, 1960. – 14 с.
3. Зиннатуллина К.З. Залоги глагола в современном татарском литературном языке. – Казань: Татар. Кн. Изд-во, 1969. – 231 с.
4. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – М., 1962. – 276 с.
5. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З.Зәкиев. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘНСИ, 2016. – Т. II. – 432 с.
6. Тумашева Д.Г. Татарский глагол (Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий). – Казань: Изд-во Казанского университета, 1987. – 187 с.
7. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 305 с.
8. Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе. – Казан: «Мәгариф» нәшрияты, 2006. – 335 б.

© Зарипова И.Ф., 2026

УДК 811.512.141

Зиятдинова Р.Ф.,
Студент 4 курса ИГСН УУНУТ,
г. Уфа, Россия
Научный руководитель: Фаткуллина Ф.Г.,
д. филол. наук, проф., УУНУТ,
г. Уфа, Россия

СИМВОЛИКА ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сопоставительного изучения вежливости как лингвокультурного концепта в русской и китайской традициях. В последние десятилетия активно развиваются отношения между странами в сферах экономики, образования и культуры, что требует от участников понимания особенностей речевого поведения. Русская и китайская лингвокультуры, принадлежащие к разным языковым семьям и ценностным системам, предоставляют богатый материал для выявления универсальных и национально-специфических черт вежливости.

Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий в понимании вежливости, закреплённые в русских и китайских поговорках, и объяснить их с позиций прагматической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона и культурологических параметров Г. Хофстеде.

Материалом исследования послужили русские пословицы и поговорки (сборник В.И. Даля) и китайские поговорки и чэньюй (словарь 叶芳来).

В работе применялись **методы** сплошной выборки, сопоставительного анализа, компонентного анализа.

Вежливость является универсальной категорией, регулирующей человеческое общение, однако её конкретное содержание и способы реализации существенно варьируются в зависимости от культуры. Для понимания этих различий необходимо обратиться к двум взаимодополняющим теоретическим подходам: прагматической модели вежливости, объясняющей, как люди строят своё речевое поведение, и культурологической типологии, позволяющей понять, почему эти способы различаются [2; 3].

Наиболее широко известной прагматической теорией является модель П. Браун и С. Левинсона, основанная на понятии «лица». Исследователи выделяют два типа: позитивное (потребность в одобрении, солидарности) и негативное (потребность в свободе действий, автономии). Соответственно, стратегии вежливости подразделяются на две категории: позитивные (сближение, демонстрация общности) и негативные (уважение к границам, избегание навязывания) [5].

Для выявления культурной специфики вежливости следует применить параметрическую модель Г. Хофстеде, который выделил ключевые измерения культур, влияющие на коммуникативное поведение: дистанция власти (степень принятия неравенства), индивидуализм или коллективизм (ориентация на личные или групповые цели), избегание неопределённости, маскулинность или феминность [6].

Русские пословицы часто подчёркивают ценность открытости, доброжелательности и неформального общения, что соответствует стратегиям позитивной вежливости. Разберем на примере **«Вежливость – лучшее украшение человека»**. Данная пословица акцентирует социальное одобрение, которое получает вежливый человек. «Украшение» указывает на внешнюю, демонстративную сторону, направленную на завоевание симпатии окружающих – ключевая цель позитивной вежливости (удовлетворение потребности в одобрении). Отсутствие упоминания статусных различий свидетельствует об установке, что такое качество доступно каждому независимо от положения.

Следующая пословица: **«От учтивых слов язык не отсохнет»**. В данном случае она выражена как дружеский совет, основанный на идее, что вежливость не требует значительных усилий и доступна всем. Это прямое проявление солидарности (стратегия позитивной вежливости «создание общности»). Снижение лексики указывает на неформальный характер коммуникации, где с точки зрения иерархии дистанция минимальна.

В пословице **«Доброе слово дороже богатства»** акцент смещён на ценность человеческого тепла, а не формальной учтивости. Данная поговорка соответствует стратегии позитивной вежливости, где главным является «проявление внимания к потребностям собеседника». Духовное становится выше, чем материальное, отражая приоритет солидарности над формальной дистанцией.

Стратегия позитивной вежливости доминирует в русских пословицах, что согласуется с низкой дистанцией в иерархии во время коммуникации и установкой на солидарность. Таким образом, в русской коммуникативной культуре ценятся открытость, искренность и возможность сближения с собеседником.

В китайском языке существует понятие чэньюй 成语, что означает устойчивые выражения. В данном случае они характеризуются устойчивой ориентацией на иерархию, уважение к статусу и избегание прямого конфликта. Эти признаки являются ключевыми в негативной вежливости.

礼多人不怪 (lǐ duō rén bù guài) – «от вежливости (ритуала) никто не обидится».

Стоит сделать акцент, что иероглиф 礼 (lǐ) обозначает не просто вежливость, а сложную систему ритуалов, правил поведения, восходящую к конфуцианству. В данном выражении

преобладает избыточная вежливость, которая является способом избежать чьего-либо недовольства. Это главный признак негативной вежливости – для того чтобы минимизировать потенциальную угрозу «лицу», человек демонстрирует уважение, даже если оно превышает ситуативную необходимость.

恭敬不如从命 (gōngjìng bùrú cóngmìng) – «почтение лучше всего проявлять согласием»

Данное выражение предписывает не внешние знаки уважения, а согласие с желанием вышестоящего. Истинная вежливость выражается не в ритуалах, церемониях, а в подчинении и выполнении просьбы. Это является примером крайней формы негативной вежливости, где признание автономии другого (его права решать) ставится выше собственных желаний. В терминологии Браун и Левинсон – это стратегия «принижения себя и возвышения другого».

先礼后兵 (xiān lǐ hòu bīng) – «сначала вежливость, потом сила»

Выражение подчеркивает жёсткую иерархию коммуникативных стратегий: при возникновении конфликта сначала нужно использовать все вежливые, мирные способы, и лишь при отсутствии результата допускается применение силы. Вежливость является обязательным этапом. Поговорка отражает негативную вежливость в последовательной форме. Прежде чем предпринимать действие, которое может угрожать «лицу» собеседника (применение силы), необходимо продемонстрировать уважение, дать возможность мирно урегулировать конфликт. Сила выступает только крайней мерой, к которой прибегает после исчерпания всех вежливых стратегий.

Таким образом китайские паремии отражают высокую дистанцию власти (чёткое осознание иерархии, предписание почтительного поведения к вышестоящим) и коллективизм (вежливость как инструмент поддержания групповой гармонии, избегание конфликта). Стратегии негативной вежливости здесь доминируют, поскольку они позволяют сохранить социальный порядок и избежать угрозы «лицу» как отдельного человека, так и коллектива в целом.

Метафорическое выражение вежливости также демонстрирует культурные различия, которые согласуются с параметрами Хофстеде.

Русские метафоры:

- «украшение» – вежливость как атрибут, дополнение, нечто внешнее;
- физиологические образы («язык не отсохнет») – снижение лексики, отражают установку на повседневное, равноправное взаимодействие.

Подобные метафоры указывают на прагматическое понимание вежливости: она воспринимается как полезный и целесообразный инструмент, но не является основой общественного устройства. Это соответствует индивидуалистической установке, где вежливость рассматривается как личный средство достижения успеха.

Китайские метафоры:

- 礼 (lǐ) – ритуал, социальный порядок.
- 谦 (qiān) – скромность, самоумаление как форма уважения.
- 恭 (gōng) – почтительность, обращённая к вышестоящему.

В китайских устойчивых выражениях вежливость представляют не как инструмент, а как основную категорию существования в обществе. Здесь она выступает фундаментом социального строя: она не столько помогает достичь цели, сколько определяет сам способ существования человека среди других. Такое восприятие согласуется с коллективистской культурой, которая характеризуется высокой дистанцией власти, где социальная идентичность индивида неразрывно связана с соблюдением ритуалов.

Сопоставительное исследование русских и китайских пословиц о вежливости, выполненное в рамках теории П. Браун и С. Левинсона и культурологических параметров Г.

Хофстеде, позволяет заключить, что различия в восприятии вежливости не случайны, а закономерно обусловлены базовыми культурными ценностями [4].

В русской лингвокультуре вежливость в пословицах и поговорках выступает по большей части как инструмент позитивной солидарности, доступный каждому и нацеленный на установление взаимной симпатии. В китайской традиции вежливость осмысливается прежде всего, как ритуал, обеспечивающий иерархический порядок и коллективную гармонию. Преобладание стратегий негативной вежливости свидетельствует о высокой дистанции власти и коллективистских ценностях, которые восходят к конфуцианской традиции.

Литература:

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник. – М., Гослитиздат, 1957. – 433 с.
2. Лингвокультурология: общая, сопоставительная, прикладная. Энциклопедический словарь / Составители В.В. Воробьев, Р.Х. Хайруллина, Ф.Г. Фаткуллина [текст] – Москва: Флинта. 2025. – 172 с.
3. Фаткуллина Ф.Г. Сопоставительная лингвокультурология: учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ УУНИТ, 2023. – 104 с.
4. Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Стилистические особенности языка региональных СМИ // XLIV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. 2015. С. 374-376.
5. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 358 p
6. Hofstede, G. Culture and organizations: Software of the mind G. Hofstede. – London: McGraw-Hill, 1991. – 429 p.
7. 叶芳来, 编. 俄汉谚语俗语词典 Русско-китайский словарь пословиц и поговорок / 叶芳来编. – 北京: 商务印书馆, 2005. – 596 с. – ISBN 7-100-04160-0.

© Зиятдинова Р.Ф., 2026

УДК 811.161.1'373.45

Зубайдуллаев И.А.

*доцент кафедры русского и общего языкознания СамГУ,
г. Самарканд, Узбекистан*

ТЕРМИН «ФЕТВА» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: ИСТОРИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Изучение мусульманской религиозной лексики в русском языке давно вышло за рамки узкоспециальных исследований – сегодня это область, где пересекаются история, право, культура и живая языковая практика. Возрастающий интерес к странам Востока, их философии и религии, как справедливо констатируют А.Н. Бахтиярова и Ф.Г. Фаткуллина, «способствует проникновению новых арабизмов в русский язык» [2: 6124]. Вместе с тем исламская терминология в русскоязычном пространстве выполняет не только номинативную функцию: она служит реальным инструментом межкультурного диалога, отражая глубину и длительность контактов между народами.

Именно в этом ключе представляется важным рассмотреть конкретный термин – «фетва». За последние годы он заметно участвовал в федеральных СМИ, официальных документах духовных управлений и интернет-пространстве, что само по себе требует осмысления: каков его семантический объём, каким путём он вошёл в русский язык и какова его нынешняя функциональная роль? В ходе исследования использовались методы этимологического, контекстуального и сравнительно-исторического анализа.

Согласно данным Oxford Islamic Studies Online, слово «фатва» восходит к арабскому корню «ф-т-в», семантическое поле которого включает значения «молодость, новизна, разъяснение, объяснение» [13]. В классическом арабском языке глагол «афта» приобрёл специальное значение «давать правовое заключение», «разрешать сомнения». Как шариатский термин «фетва» означает развёрнутое правовое заключение, вынесенное компетентным учёным-муфтием или факихом по конкретному вопросу на основании исламских первоисточников – Корана и Сунны [11: 35]. Уже в исходной семантике корня заложена идея прояснения неизвестного, что и определило дальнейшее развитие термина в исламском праве (фикхе).

Лексема «фетва» вошла в русский язык как прямое арабское заимствование – среди таких единиц называют шариат, имам, хадис, мечеть и др. Вместе с тем нельзя полностью исключать тюркское посредничество: исследования Бахтияровой и Фаткуллиной [2; 3] показывают, что значительная часть арабизмов проникла в русский язык «благодаря посредничеству тюркских языков» в период активных культурных и торговых контактов. Дополнительным историческим фактором стало многовековое совместное существование мусульманских и православных народов в едином государстве. Ислам на территорию современной России пришёл значительно раньше, чем Православие было принято Русью [6: 100]; татары, башкиры, народы Кавказа и Поволжья исповедовали его на протяжении столетий. Шариатские суды функционировали в регионах их компактного проживания вплоть до начала XX века, что создавало естественные условия для органичного вхождения исламских правовых терминов, включая «фетву», в русскоязычный оборот.

В дореволюционной лексикографии термин зафиксирован последовательно и достаточно рано. В «Словаре иностранных слов» А.Д. Михельсона (1865) фигурирует словосочетание «саиб-фетва» с пояснением «турецкое название великого муфтия как главы правосудия» [4]. Ф. Павленков (1907) определяет фетву как «приговор муфтия»; А.Н. Чудинов (1910) приводит уже два значения: «1) решение турецкого муфтия в затруднительном судебном деле; 2) скрепление великим визирем» [5]. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона отражает живую правовую практику: «люди обращаются к муфтию за фетвой, когда не находят в законах ясного указания». Характерная черта словарных статей этого периода – тяготение к турецко-османскому контексту при явном умолчании о реальном функционировании института фетвы в мусульманских общинах Российской империи.

Декрет об отделении церкви от государства (январь 1918 г.) изменил судьбу религиозной лексики: «фетва», как и другие исламские термины, постепенно вытеснялась описательными конструкциями – «мусульманское духовенство вынесло заключение», «мусульманское духовенство постановило». В Большой советской энциклопедии словарная статья открывается показательной формулировкой «в мусульманских странах юридическое заключение...», дистанцирующей советское общество от исламского мира. В редких случаях лексема появлялась в художественных переводах как экзотизм: в переведённом в середине XX в. романе А. Кадыри «Скорпион с алтаря» читаем: «...и дают нужную хану фетву – разрешение, и ставят подписи...» [8: 64; 10]. По существу, на протяжении советских десятилетий термин перешёл в пассивный словарный запас, сохранившись лишь в специальной литературе.

Социально-политические изменения рубежа XX–XXI вв. открыли новую страницу в истории исламской терминосистемы. «Фетва» вернулась в активный оборот благодаря нескольким взаимосвязанным факторам: развитию русскоязычного исламского книгоиздания, деятельности духовных управлений мусульман России, а также стремительному росту исламских интернет-ресурсов. Функционирование подобной лексики в медиапространстве служит важнейшим условием её закрепления в языке – это хорошо видно и на примере других исламских терминов [6]. Знаковым рубежом стало включение «фетвы» в 2012 г. в «Большой современный толковый словарь русского языка» с дефиницией: «обязательное заключение высшего религиозного авторитета – муфтия – о соответствии тех или иных решений и

действий нормам Ислама (Корана, Сунны, шариата)» [11]. Этим завершился длительный путь термина от экзотизма к полноправной единице русского лексикона.

О том, насколько прочно термин вошёл в публицистический, правовой и официально-деловой дискурс, свидетельствуют материалы последних лет. В декабре 2024 г. «Совет улемов ДУМ РФ принял фетву о допустимости религиозного многоженства, вызвавшую широкий резонанс. После представления Генеральной прокуратуры РФ о противоречии данного богословского заключения семейному законодательству страны фетва была отозвана» [14] (РБК, «Ведомости», «Независимая газета», декабрь 2024). В сентябре и октябре 2025 г. общественное внимание привлекла «фетва Совета улемов – Логистика и курьерская доставка», разъяснявшая, какие товары вправе доставлять курьеры-мусульмане; главы СПЧ и депутаты Государственной Думы также высказались по поводу этого документа [15] («Газета.ру», «Ведомости», октябрь 2025).

Эти примеры примечательны двояко. С одной стороны, они подтверждают, что «фетва» органично функционирует в современном правовом и общественном дискурсе. С другой – обнажают устойчивую проблему: в массовых СМИ за словом нередко закрепляется суженная, а порой искажённая коннотация. Разъяснительная работа на специализированных ресурсах постепенно корректирует это положение, хотя процесс далеко не завершён.

История лексемы «фетва» в русском языке охватывает четыре отчётливо разграниченных периода. Дореволюционный период характеризовался активным употреблением термина в рамках деятельности шариатских судов, хотя словари соотносили его преимущественно с турецко-османской практикой. В советское время он был вытеснен описательными конструкциями и перешёл в пассивный запас. Постсоветские десятилетия ознаменовались возрождением термина в религиозном и публицистическом дискурсе. Наконец, сегодня «фетва» широко используется в федеральных СМИ и официальных документах духовных управлений, что зафиксировано лексикографически.

Прослеженная динамика показывает: исламская терминология в русском языке не застывает, а продолжает развиваться, реагируя как на внутриязыковые процессы, так и на реальные социокультурные изменения. Изучение конкретных терминов этого пласта открывает перспективы не только лингвистические, но и практические – для межкультурного диалога и взаимопонимания между народами.

Литература:

1. Бахтиярова А.Н., Фаткуллина Ф.Г. Арабские заимствования в русском и башкирском языках: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 162 с.
2. Бахтиярова А.Н., Фаткуллина Ф.Г. Арабские заимствования в лексической системе русского языка // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-27. – С. 6124–6128.
3. Большой современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2012. – 1536 с.
4. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. – М., 1865. – 718 с.
5. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб., 1910. – 1004 с.
6. Зубайдуллаев И.А. Функционально-семантическая и лингвокультурологическая характеристика исламской религиозной лексики: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2024. – 269 с.
7. Фаткуллина Ф.Г., Зубайдуллаев И.А. Переводы исламской теологической лексики на русский язык (на материале произведений А. Кадыри) // Проблемы востоковедения. – 2020. – №2 (88). – С. 64–70.
8. Кадыри А. Скорпион с алтаря / пер. с узб. Л. Бать, В. Смирновой. – М.: Художественная литература, 1961. – 288 с.
9. Зубайдуллаев И.А. Лексико-тематическая группа «Рамазан» в семантическом и функциональном аспектах // Казанская наука. – 2021. – №11. – С. 1111–1115.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. Тафсир Хилал. Толкование Священного Корана. – Ташкент: Nilol nashr, 2014. – Т. 1. – 563 с.
12. Эль-Мсафер Х.А.Х. Исламизмы в современном русском языке и дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2016. – 182 с.
13. Masud M.K. Fatwā // Oxford Islamic Studies Online. – URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/print/opr/t236/e0243> (дата обращения: 05.04.2026).
14. ДУМ РФ отозвало фетву о многоженстве после представления Генпрокуратуры // Ведомости. – 24 декабря 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/24/1083319-dum-otozvalo-fetvu> (дата обращения: 05.04.2026)
15. Генпрокуратура внесла представление ДУМ из-за разрешения многоженства // РБК– 23 декабря 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2024/676991d79a79471f58429096> (дата обращения: 05.04.2026).

© Зубайдуллаев И.А., 2026

УДК 81'42

Ильясова С.В.

*Д-р. филол.наук, профессор ЮФУ
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Назарова А.Е.

*Преподаватель ЮФУ
г. Ростов-на-Дону, Россия*

ИМИДЖИВИЗАЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Современный политический медиадискурс является пространством интенсивного формирования общественного мнения, воздействуя на аудиторию посредством информативной функции. Особую роль в условиях цифровой коммуникации приобретает изучение механизмов воздействия на аудиторию путем формирования определенного имиджа с помощью языковых средств.

В данном исследовании мы обращаем внимание на важность политического медиадискурса в формировании общественного мнения на определенные субъекты и события в современном мире. Имидживизация, на наш взгляд, становится одним из ключевых инструментов манипуляции общественным мнением в условиях глобальных изменений и потрясений.

Имидж является ключевой категорией исследования имиджелогии и политического медиадискурса. Обращаясь к трудам В.М. Шепеля, ученый определяет имидж как «некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта...» [5: 58]. Данное определение имиджа подчеркивает его социально-коммуникативный характер и зависимость от взаимодействия между субъектом и аудиторией.

А.Ю. Панасюк развивает это положение, подчеркивая, что имидж представляет собой целенаправленное формируемое представление, которое ориентированно на вызов определенной реакции у аудитории. В его интерпретации имидж приобретает выраженную прагматическую направленность и выступает как инструмент управления восприятием и поведением. у аудитории подчеркивает прагматическую функцию имиджа в управлении восприятием. [2: 15]

Е.Б. Перелыгина, в свою очередь, рассматривает имидж в рамках социально-психологического подхода, определяя его как результат intersubjectивного взаимодействия, который возникает в процессе коммуникации. Такой подход позволяет учитывать не только намерения субъекта, но и активную роль аудитории, которая интерпретирует и переосмысляет транслируемый образ. [3: 13]

Также следует отметить точку зрения Е.Ю.Шавардовой, которая говорит о том, что построение имиджа является «сложным и многофакторным процессом». И действительно, при построении имиджа того или иного субъекта необходимо учитывать многие факторы, например, такие как пол субъекта, его мировоззрение и т.д. [4: 21]

Сопоставление данных подходов позволяет сделать вывод о том, что имидж представляет собой многоуровневую категорию, которая включает в себя следующие пункты:

1. Когнитивный уровень (представления и знания о субъекте);
2. Оценочный уровень (эмоционально-ценностное отношение);
3. Прагматический уровень (влияние на поведение и реакции аудитории).

На основе данных пунктов мы можем утверждать, что имидж не является статичным образованием, а представляет собой динамическую конструкцию, которая постоянно трансформируется в зависимости от коммуникативного контекста, медиасреды и стратегий воздействия.

В данном контексте имидживизация выступает как процесс конструирования и управления этой динамической моделью. В отличие от самого имиджа как результата, имидживизация представляет собой деятельностный аспект, который включает выбор и реализацию языковых и дискурсивных средств.

Таким образом, понимание имиджа объединяет социально-коммуникативный, прагматический и психологический подходы. Имидж мы рассматриваем как оценочное и стратегически управляемое представление, которое формируется в сознании аудитории через языковые, визуальные и поведенческие маркеры.

Имидживизация, в свою очередь, рассматривается как процесс создания и закрепления имиджа в медиадискурсе. Она включает выбор языковых средств и дискурсивных стратегий, которые направлены на формирование определенного восприятия субъекта. Имидживизация может быть позитивной, при создании образа успешного и компетентного лидера; негативной, когда доверие к оппоненту подрывается, так и контрастной, когда один субъект противопоставляется другому для усиления оценки.

В данной статье анализ проведён на основе контент-анализа сообществ ВКонтакте, ориентированных на политический дискурс.

Для иллюстрации механизмов имидживизации в медиадискурсе целесообразно рассмотреть следующие конкретные примеры из сообщества ВКонтакте «РИА Новости»:

««Нелепые» заявления руководства США не откроют Ормузский пролив, заявили в КСИР.» [1: https://vk.com/wall-15755094_49840399]. В данном случае реализуется стратегия негативной имидживизации оппонента посредством использования оценочной лексики. Так, качественное прилагательное «нелепые» выражает отрицательную оценку высказываний руководства США и формирует у читателя образ субъекта высказывания как неэффективного и некомпетентного. В свою очередь, ссылка на источник «заявили в КСИР» выполняет функцию легитимизации альтернативной позиции и вместе с тем формирует позитивный имидж КСИР. Таким образом, в посте мы можем увидеть реализацию негативной и позитивной имидживизации путем применения оценочной лексики, а также апелляции к авторитету источника высказывания.

Стоит отметить, что в контексте политического медиадискурса нередко можно встретить косвенное сопоставление альтернативных позиций с использованием оценочной лексики. Так, рассмотрим следующий пример:

«Трамп утверждает, что руководство Ирана попросило его о прекращении огня. При этом в Тегеране неоднократно подчеркивали, что прямых переговоров с Вашингтоном Иран не ведет, а мирный план США в исламской республике и вовсе оценивали как «нереалистичный».» [1: https://vk.com/wall-15755094_49840028]

В

данной публикации мы можем увидеть контрастную имидживизацию. Она создается путем противопоставления двух разных позиций. Автор публикации использует глагол «утверждает», который снижает степень достоверности сообщений президента США и создает впечатление субъективности его высказывания. Также в рассмотренном посте автор использует конструкцию «руководство Ирана попросило его...», которая формирует образ оппонента как слабого субъекта. Стоит отметить, что в последующем именно эта конструкция создает контраст с информацией, представленной от лица глав Ирана. Данный контраст, представленный в этом посте, позволяет одновременно сформировать два имиджа: США – источник спорного утверждения, Иран – рациональный источник.

Рассмотренный пример демонстрировал нам контрастную подачу альтернативных позиций, в которых высказывание политика и комментариев руководства Ирана создают косвенную оценку действий сторон. Для более подробного и детализированного анализа данной стратегии предлагаем рассмотреть следующий пример:

«Трамп утверждает, что никогда не ставил целью военной операции против Ирана смену власти в исламской республике.

«Смена режима уже произошла. Это не входило в список моих целей. У меня была одна цель – у них не должно быть ядерного оружия. И эта цель достигнута», – заявил Трамп журналистам в Овальном кабинете.

Трамп, комментируя ход переговоров с Тегераном, охарактеризовал новых лидеров Ирана как «гораздо более рациональных».» [1: https://vk.com/wall-15755094_49836164] В

данной публикации мы видим более рационализированное высказывание представителя власти, которое направлено на легитимизацию действий государства. В данном посте язык используется для построения позитивного имиджа через объяснение целей и констатацию достигнутых результатов.

Синтаксическая конструкция «комментируя ход...» связывает высказывание с конкретной дипломатической ситуацией, что в последующем формирует образ президента как профессионально компетентного политика в глазах аудитории. Также эффект лаконичности и четкости высказывания создают короткие фразы.

Рассмотренные нами примеры показывают нам, что образы участников дискурса создаются путем различных языковых средств (лексических, синтаксических, прагматических). Именно эти языковые средства формируют негативный и позитивный образ у аудитории.

Стоит отметить, что имидживизация в современном медиадискурсе является динамичным процессом, в котором язык служит важным элементом в воздействии на восприятие аудиторией конкретных деятелей и событий.

Литература:

1. ВКонтakte: социальная сеть. URL: <https://vk.com>.
2. Панасюк, А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники / А. Ю. Панасюк; А. Ю. Панасюк. – 3-е изд., стер. – Москва: Омега-Л, 2009. – ISBN 978-5-370-00872-6. – EDN QOJGBX. URL: [book_form_imdga.pdf](#) - Яндекс Документы.
3. Перельгина, Е.Б. Психология имиджа: Учебное пособие/Е. Б. Перельгина. – М.: Аспект Пресс, 2002 — 223 с. URL: Психология имиджа: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности "Психология".
4. Шавардова Е.Ю. Азбука имиджелогии: учебное пособие / Е. Ю. Шавардова; Севастопольский государственный университет, Институт общественных наук и международных отношений. – Севастополь: СевГУ, 2023 – 184 с. – Текст: электронный. URL: [p_230041.pdf?sequence=3](#).
5. Шепель В.М. Имиджелогия: учебное пособие /В.М. Шепель. М.: Народное образование, 2002 254 с. URL: [Шепель_В.М._Имиджелогия.pdf](#) - Яндекс Документы.

© Ильясова С.В., Назарова А.Е., 2026

ДИНАМИКА ЦЕННОСТИ ТРУДА В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ КОДЕ

Глобальная проблема деформации ценностных ориентаций в современном обществе имеет множество измерений, но, пожалуй, ни одно из них не является столь фундаментальным и одновременно столь незаметным, как постепенное обесценивание труда. Глобальная трансформация статуса труда имеет не только экономические метрики, связанные с производством и потреблением, но затрагивает аксиологический пласт культуры, связанный с экзистенциальными переживаниями личности [3]. Эта статья представляет попытку ответить на вопрос, что происходит с традиционной ценностью труда, почему это происходит и к каким последствиям может привести.

Ценность труда лежит в основе любой культуры, ведь сама по себе культура – это сумма вкладов личного труда каждого человека в ее создание, упрочение и процветание. Поэтому труд ценен и очень важно, чтобы это понимали все. Когда уровень этого понимания снижается, а это актуальный глобальный процесс, культура приходит в упадок. И, к сожалению, приходится констатировать, что в нашем отечестве деформация ценности труда проявляется очень ярко.

Почему ценность труда – это самая «трудная» ценность, которая тяжело дается и легко теряется, понять несложно. Достаточно взглянуть на представленные ниже лингвистические факты происхождения слов «труд» и «работа»:

- *Labour* (англ. от лат.) – рабский, неквалифицированный, тяжелый труд vs *Liberty* (англ.) – свобода от работы (от *liberi* (лат.) – ребенок)
- *Arbeit* (нем.) – от *orbho-s* (индоевр.) быть сиротой
- *Lavoro* (итал.) – тяжелое усилие
- *Travail* (фр.) – от *tripalium* (лат.) тренога (орудие пыток)
- *Работа* (рус.) – от общеслав. *orbъ* – раб
- *Труд* — от *trudъ* (старослав.) – напряжение, усилие, скорбь

Рабство, пытка, тяжелое усилие. У человечества был выбор: перестать ненавидеть труд или вымереть. Выбрали первое – но ненависть не ушла, она ушла в подполье паремий, в подсознание, в глубинный культурный код.

Преодолевали в разных культурах по-разному, но полностью преодолеть это отрицательное отношение к труду не получилось. И русская культура здесь не исключение. Становление ее ценностной системы происходило в те времена, когда большинство населения страны составляли крестьяне. С одной стороны, труд для крестьянина был самоценен. Земля для него – чудо и материальное воплощение Бога. Но, во-первых, в условиях сурового климата в сезон крестьянину приходилось работать в сверхрежиме, до седьмого пота (около 130 дней), а еще 260 он был вынужден лежать на печи, если не найдется другое занятие (построить дом, смастерить мебель, кухонную утварь). То есть неравномерный, рваный режим труда и то, что в зимний период как минимум отчасти людям просто нечем было себя занять негативно сказывались на отношении к труду. Во-вторых, что еще важнее, чаще всего этот крестьянин работал принудительно, на барина, что ломало его понимание справедливости: *Земля – божья, и принадлежать она должна тому, кто ее обрабатывает.*

Сохранившие по сей день свою актуальность паремии отражают это двойственное отношение к труду, характерное для того времени. В одних пословицах ярко отражается трепетное, почти благоговейное отношение к труду: *Хочешь есть калачи – не сиди на печи / Землю солнце красит, а человека – труд / От труда здоровеют, а от лени болят / Терпение и труд всё перетрут / Без труда не вытащишь и рыбку из пруда / Что посеешь, то и пожнешь.* Другие, наоборот, аксиологически негативны и подсвечивают любовь к праздности:

Работа – не волк, в лес не убежит / От судьбы не уйдёшь / По шучьему велению, по моему хотению / От трудов праведных не построишь палат каменных / Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет / Жить – не тужить. Так что было бы ошибкой полагать, что девальвация труда – феномен исключительно постсоветский, связанный лишь с переходом к рыночной экономике и насаждением потребительских идеалов. Проблема была всегда.

Как эту проблему пыталась решить религия? В Европе удачный для своей ситуации ракурс нашли протестанты:

Богу угодно рациональное и утилитарное использование богатства на благо каждого отдельного человека и общества в целом = Бог воздает человеку за труд материальным достатком = Потребление оправдано вложенным в приобретение трудом

Увязав труд и материальный достаток как награду за него, они смогли убедить людей, что блага нужно заслужить честным добросовестным богоугодным трудом.

Православие же старалось увести человека от ценности денег и чего-либо материального, представляя труд как исключительно нравственную категорию и формируя тем самым «уникальные качества россиянина – стойкость и нравственную силу» [4]:

Добросовестный труд – нравственная гарантия благополучия человеческой жизни. Богатство – от Бога, убогий – вручивший себя Божией воле, он априори прав, бедность, нищета, юродство – богоугодные состояния.

По православным канонам бог тоже воздает человеку за труды, но не обязательно при жизни, что не всегда способствовало трудовому энтузиазму. Этим канонам православие одновременно сформировало несколько пренебрежительное, насмешливое отношение к деньгам и богатству (*Все под Богом / Сегодня есть – завтра нет*) и одновременно повысило статус ценности свободы (противовес труда), которая понималась как возможность жить так, как хочется. Отсюда русская бескорыстность, безрассудная щедрость и широкие гуляния (с цыганами и медведями) в период, когда деньги есть. И апрагматичное отношение к деньгам, т.е. отсутствие привычки их разумно тратить.

Все дальнейшее развитие русской культуры осложнено этим неоднозначным отношением к труду. Советский период – это попытка преодолеть это противоречие. Хорошая попытка, своевременная, обоснованная и в принципе продуманная, но достичь поставленной цели она не смогла. Труд был поставлен на пьедестал и объявлен высшей формой служения обществу: *Труд – честь и обязанность каждого гражданина / Кто не работает, тот не ест / Битва за урожай / Герой труда / Социалистическое соревнование.* Уважение к труду воспитывалось на всех уровнях и во всех доступных формах. Но он как был, так и остался обязанностью, т.е. сохранял внутренний смысл подневольности, что честно отражают паремии советского периода: *Где бы ни работать, только бы не работать / Солдат спит, служба идет / Инициатива наказуема / Мы делаем вид, что работаем, вы делаете вид, что платите.*

Это сложно назвать ошибкой, поскольку в коллективистской культуре по-другому быть не может. Но, возможно, если бы трудовой энтузиазм в СССР измерялся качеством созданного продукта, а не интенсивностью потока, если бы в противовес коллективной был поднят градус личной ответственности, если бы эта реформа проводилась не так резко, чуть аккуратнее, внимательнее, с заботой о человеке (вспомним насильственные способы коллективизации, индустриализации, сталинские репрессии), мы бы жили сейчас в совершенно другом мире. Вместо этого модель «труда-повинности», когда работа воспринималась как принудительная обязанность перед государством, еще больше укрепились, и все надежды на светлое будущее в виде коммунизма обернулись разочарованием.

Неудачи строительства социализма привели к падению «железного занавеса», и трудовая этика, ориентированная на общественное благо, была тут же дискредитирована вместе с советской идеологией. Поток западных культурных ценностей казался глотком свежего воздуха. Свобода самовыражения, демократия, широкий выбор товаров и услуг, *твой успех в жизни зависит только от тебя самого*, и вообще *ты у себя самый главный и самый лучший*. И уже одним этим заслуживаешь всех благ и личного комфорта.

Такой вывод сделала для себя русская лингвокультурная среда. Неверный вывод, потому что легко перенимается то, что приятно, а высочайшая требовательность к себе и трудовая основа потребления, работающие как противовесы в западных культурах, как-то остались за кадром. Так труд перестал быть самоценностью и превратился в инструмент достижения благосостояния, свидетельством чему следующее современное определение труда от Социологического института РАН: «труд сохраняет смысложизненную ценность лишь в неразрывном единстве с прагматичными ценностями, отражающими рыночное развитие общества» [1; 2].

И вновь эти изменения отражаются в народном словотворчестве: *Лучше пузо от пива, чем горб от работы / Земли – крестьянам, заводы – рабочим, пиво – мне / Кто не работает – тот зарабатывает / Работа – это токсичная среда / Сделал бизнес – беги с отчизны / Презрительно смеемся над зарплатами, на которые бабушка прожила бы счастливую жизнь / Чтобы мало зарабатывать, нужно много учиться / Делай все по желанию, тем более, если сильнее всего одолевает желание ничего не делать / Трудно жить, не работая, но мы не боимся трудностей / Мы работы не боимся, на работу не пойдём.*

Последствия гибридизации нашего культурного кода совершенно очевидны и весьма тревожны:

- смещение акцента с «мы» на «я»
- гедонизм, культ денег и потребительская истерия (в парах *деньги vs качество / совесть / честность* всегда выигрывают деньги)
- нарратив незаработанных денег и приобретенных волшебным образом суперсил
- тотальная подмена ценности труда ценностью творческого саморазвития и самовыражения
- избыточная геймификация и занижение требований к учебному труду

Рыночное развитие российского общества привело его к западным болезням, которые за счет девальвации ценности труда только еще стремительнее развиваются:

Так, в современном российском обществе произошла резкая дифференциация профессий по престижу: «офисная» работа, ассоциирующаяся с «чистыми руками» и высоким доходом, стала значительно более привлекательной, чем физический труд: «Мы выстроили мир, в котором социальный успех измеряется чистотой манжет и близостью к кондиционеру» [5].

Сформировался феномен, который очень точно обозначен как «сверхзанятость в сфере никчёмности»: страна «обросла миллионами специалистов по продвижению смыслов», тогда как реальный сектор испытывает острейший кадровый голод [Там же].

Все сложнее становится воздействовать на формирование системы ценностей у детей и подростков. Бесконтрольное погружение в цифровую культуру, ядром которой служит западный ценностный блок, несет огромные риски. Даже на уровне кинопродукции и официальных государственных каналов проявляется тенденция ухода от труда к развлечениям, в образовании слепо копируются западные педагогические технологии.

Учитывая общую отрицательную динамику ценности труда в составе русского культурного кода, можно прогнозировать, что дальнейшая ее девальвация приведет к тому, что следующее поколение россиян вырастет людьми, которые хотят материального благополучия и комфорта, но не способны работать и вообще брать на себя какую-либо ответственность; потеряют ключевую русскую черту – стойкость – и вместо нее приобретут проблемы с психикой, потому что их с детства учат, что малейшее их усилие должно быть немедленно вознаграждено; вслед за западными шаблонами лишатся четких нравственных ориентиров (еще одна ключевая русская черта). Что же тогда останется от россиянина? Экзистенциальная пустота?

Литература:

1. Изменяющиеся ценности труда (по материалам российских и зарубежных публикаций) // Социологический институт РАН. 2025. 13 апреля. URL: <https://socinst.ru/articles/article-16235/>.
2. Казанцева Е.А, Валиахметова Э.К., Фаткуллина Ф.Г. Истории вместо фактов: экология и биосемиотика новых педагогических технологий // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика № 1 (47), 2024. С.86-91. DOI: 10.17122/2541-8904-2024-1-47-86-92.
2. Симонова С.А., Дударева М.А. Метафизика труда в русской культуре: часть вторая // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 21–29.
3. Павлова Е.Л. Особенности трудовой культуры в России: к вопросу о русском культурном коде – история и современность // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 5. С. 251–261.
4. Романов Г. Кирпич фальши не прощает // Литературная газета. 2026. № 8 (7022). 26 февраля.

© Казанцева Е.А., 2026

УДК 81.32

*Казарбаева В.Н.,
соискатель УУНУТ
Научный руководитель: Фаткуллина Ф.Г.,
д-р филол. наук, профессор, УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ, БАШКИРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Изучение фразеологизмов в русском, башкирском и английском языках направлено на понимание национально-культурной специфики, повышение образности речи и развитие межкультурной компетенции. Анализ выявляет общие и уникальные лингвокультурные коды, требующие сопоставительного подхода для преодоления трудностей перевода. Основные аспекты изучения и преподавания: русский язык – акцент на многозначности, стилистической окраске и истории происхождения (этимологии) фразеологизмов, использование фразеологических словарей; башкирский язык – фокус на изучении уникальных идиом, отражающих культуру, быт и охотничьи традиции народа, часто в сопоставлении с другими тюркскими языками; английский язык – изучение через призму контекстуального понимания, развитие навыков перевода идиом и фразовых глаголов, учет различий в лексическом составе. Сопоставительный подход помогает выявить эквивалентные выражения, аналоги или безэквивалентные фразеологизмы, что развивает способность к адекватному переводу. Методы преподавания: применение упражнений на нахождение соответствий, контекстуальный анализ, использование наглядности и игровых технологий для запоминания образных выражений. Это еще раз подчеркивает, что фразеология – не просто набор слов, а «зеркало» культуры, требующее глубокого семантического и лингвокультурологического анализа [3].

Современные аспекты анализа фразеологизмов в русском, башкирском и английском языках включают сопоставление их когнитивных моделей, выявление лингвистических и культурологических лакун и исследование функционирования в художественной речи. В преподавании ключевыми являются проблемы поиска эквивалентов, перевода образных выражений и передачи национально-культурной специфики (башкирского фольклора или английских идиом).

Основные направления и проблемы:

– сопоставительный анализ (лингвокультурология) – изучение фразеологизмов как носителей национального менталитета. В частности, сопоставление башкирских устойчивых выражений с русскими и английскими аналогами, выявление лакун (отсутствия эквивалентов);

– когнитивный подход – исследование того, как концепты (время, пространство, человек) моделируются во фразеологии разных языковых семей (тюркские, индоевропейские).

Сопоставительный лингвокультурологический анализ фразеологизмов русского, башкирского и английского языков выявляет общие универсальные смыслы (архетипы) и уникальные национально-культурные коды. Этот подход, используемый при обучении, помогает понять «картину мира» народа, преодолеть межкультурные барьеры и точно интерпретировать переносные значения идиом [казарбаева, Фаткуллина 2018].

Основные аспекты сопоставительного анализа:

– культурные коды – башкирские фразеологизмы часто опираются на кочевой быт, скотоводство и природу (например, «*атын камсылау*» – поторапливаться, буквально: стегать коня), русские – на земледелие и православие, английские – на морскую тематику и городскую культуру.

– сходства и различия – анализ показывает, что при одинаковом значении (семантике) образы могут отличаться. Например, концепт «скорость/быстрота» в русском выражается через «*как стрела*», а в башкирском часто через «*ут кеуек*» (как стрела/огонь) или «быстрый как сайгак».

Методика преподавания:

– метод сопоставления – использование эквивалентов (полных и частичных) помогает обучающимся закрепить материал через аналогию;

– лингвострановедческий комментарий – обязательное объяснение «внутренней формы» фразеологизма: почему он означает именно это (исторический или бытовой контекст);

– работа с пословицами и поговорками – сравнение фразеологии с числовыми компонентами (например, «*семь пятниц*» в русском, «*seven seas*» в английском).

Метод лингвокультурологического сопоставления позволяет не просто заучивать выражения, а понимать менталитет носителей языка.

Когнитивный подход к фразеологизмам (русский, башкирский, английский языки) рассматривает их как результат концептуализации мира, отражающий культурный код [7; 8; 9]. Изучение фокусируется на метафорических моделях, ментальных образах и логике носителей, а преподавание базируется на раскрытии «внутренней формы» и контекстуальном анализе, а не механическом заучивании.

Основные положения когнитивного подхода:

– концептуализация мира: фразеологизмы – это не просто идиомы, а способы мыслить. Например, темпоральные (временные) фразеологизмы в английском и башкирском языках показывают сходные модели, основанные на восприятии времени как физического объекта;

– культурная специфика: когнитивный анализ выявляет различия в языковой картине мира. В башкирском языке фразеология часто связана с бытом, охотой (например, компоненты с *ук* – «стрела»). В английском и русском – часто с историческими или литературными аллюзиями.

– метафоричность: фразеологизмы строятся на базе метафор (например, «*Ахиллесова пята*» – слабое место). Изучение направлено на понимание того, почему используется конкретная метафора.

Преподавание фразеологизмов:

1. метод «внутренней формы» – преподаватель объясняет логику возникновения фразеологизма. Обучающийся должен понять, какой образ стоит за выражением, что облегчает запоминание;

2. сравнительный анализ – сопоставление башкирских, английских и русских фразеологизмов, описывающих одно и то же явление (например, эмоции или оценку человека);

3. контекстуальный подход – изучение фразеологизмов внутри дискурса (в художественной литературе, рекламе, речи) для понимания их когнитивной функции;

4. классификация по типам – использование классификаций, например, выделение структурно-семантических типов (фразеологические сочетания, компаративные фразеологизмы и др.).

Когнитивный подход позволяет перевести изучение фразеологии с уровня «перевод – заучивание» на уровень «понимание – интерпретация».

Проблемы преподавания:

- перевод и эквивалентность – сложность подбора функциональных аналогов при обучении, особенно при переводе с башкирского на английский.

- культурный контекст – необходимость объяснения внутренней формы фразеологизма, связанной с традициями (например, компоненты охоты в башкирском языке).

- методика – необходимость активного использования сопоставления русского и башкирского языков при изучении.

Фразеология рассматривается как живой инструмент языка, требующий постоянного анализа для точного понимания и использования в речи [Линвокультурология 2026].

Перспективы разработки фразеологии (русский, башкирский, английский языки) лежат в плоскости сопоставительного анализа, цифровизации обучения и создания мультимедийных пособий. Ключевые направления включают учет этнокультурной специфики (русский – башкирский – английский), использование контекстуальных упражнений, автоматизацию поиска фразеологизмов, использование ИИ и игровых технологий.

Основные направления перспективной разработки:

- сопоставительная фразеология – изучение фразеологизмов с «животным» или «соматическим» компонентом для выявления универсальных и культурно-специфических (русский – башкирский – английский) образов.

- цифровизация и ИИ – разработка онлайн-платформ с упражнениями, автоматизированный поиск контекстуальных трансформаций фразеологизмов.

Методика преподавания:

- контекстуальный подход – изучение не списками, а в реальных текстах или ситуациях;
- визуализация – использование картинок, фотографий и видео для лучшего запоминания смыслов;

- интерактивность – создание «электронных дневников» и интерактивных заданий;

- культурологический подход – использование фразеологизмов как «живых свидетелей прошлого» для повышения интереса к языку;

- специфика башкирского языка – анализ уникальных фразеологизмов, отражающих кочевой образ жизни и национальную культуру, в сопоставлении с английскими аналогами.

Практическое применение результатов – создание двуязычных (русско-английских, башкирско-английских) тематических фразеологических словарей, разработка цифровых тренажеров для студентов, внедрение новых методических приемов на начальном этапе обучения иностранным языкам.

Разработка новых подходов, включающих элементы теории концептуальной метафоры и корпусной лингвистики, поможет сделать процесс обучения более эффективным.

Литература:

1. Казарбаева, В.Н. Национально-культурная специфика фразеологизмов русского, английского и башкирского языков // I Международная заочная научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. – Уфа, 22–24 апреля, 2014 г. – С. 123–126.

2. Казарбаева, В.Н. Об особенностях сопоставительного исследования фразеологизмов в русском, английском и башкирском языках // Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения, – Уфа, 5–6 декабря, 2013 г. – С. 127–129.

3. Казарбаева, В.Н., Фаткуллина Ф.Г. Характеристика состояний природы: культурологический и лингвистический аспекты (публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-04-00193-ОГН) / В.Н. Казарбаева, Ф.Г. Фаткуллина // Материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа, 23-24 апреля 2018 г. – С. 135-143.
4. Линвокультурология: общая, сопоставительная, прикладная. Энциклопедический словарь / Составители В.В. Воробьев, Р.Х. Хайруллина, Ф.Г. Фаткуллина [текст] – Москва: Флинта. 2025. – 172 с. ISBN 978-5-9765-5833-5.
5. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: «Академия», 2001. – 208 с.
7. Фаткуллина Ф.Г., Юмагулова Э.Ф. Сопоставительный анализ фразеологизмов деструктивной семантики с компонентом-соматизмом // Казанская наука, №3, 2023. – С.50-54.
8. Фаткуллина Ф.Г. Национально-культурный компонент языковой картины мира (на материале топонимов Республики Башкортостан) // IV всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Наука. Образование. Профессия» 11 марта 2024 г. – Уфа: БГАУ, 2025. С. 112–116.
9. Фаткуллина Ф.Г. Универсальное и этническое во фразеологии как объект изучения сопоставительной лингвокультурологии // Русский язык в меняющемся мире: XV Конгресс МАПРЯЛ: (12-16 сентября 2023 г) Избранные доклады [Электронный ресурс] / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. – СПб.: МАПРЯЛ, 2024. С. 1510-1515.
10. Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Национальная языковая картина мира в герменевтической модели перевода // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы ежегодной международной конференции. Министерство образования и науки РФ, Российский университет дружбы народов. 2015. С. 67-70.

© Казарбаева В.Н., 2026

УДК 81.01

*Казарбаева В.Н.,
соискатель УУНУТ
г. Уфа, Россия*

*Фаткуллина Ф.Г.,
д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РУССКОМ, БАШКИРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеология русского, башкирского и английского языков служит зеркалом национальной культуры, отражая уникальный когнитивно-оценочный опыт народов. Как известно, лингвокультурология выявляет ментальные коды (быт, религия), а лингвопрагматика определяет цели использования выражений в речи, что демонстрирует различие в идиоматике при схожести прагматических установок [4; 6]. Фразеосемантическое поле «состояние природы» в русском, башкирском и английском языках отражает уникальный

лингвокультурный опыт, связывая природные явления с эмоциональным миром человека. Русские и башкирские фразеологизмы часто лиричны или метафоричны (погода как настроение), а английские – более прагматичны, ориентированы на описание действий и последствий.

Основные особенности в сопоставлении: русский язык – отражает православную мораль, исторические события и душевную широту (например, «*душа нараспашку*»). Часто использует библейские и фольклорные мотивы; башкирский язык – тесно связан с кочевым бытом, природой, животноводством (например, использование названий частей тела – соматизмов, таких как *йөрәк* – *сердце*). Акцент на коллективизме, уважении к старшим и трудолюбию; английский язык – акцентирует индивидуализм, прагматизм, юмор и морскую/деловую терминологию.

Современное лингвокультурное изучение фразеологизмов «состояние природы» в русском, башкирском и английском языках сфокусировано на выявлении национально-культурной специфики, когнитивном моделировании и сравнительном анализе образности. Ключевые проблемы включают трудности адекватного перевода безэквивалентных единиц, различие в аксиологической (оценочной) семантике и отражение уникального этнокультурного опыта (включая кочевой быт в башкирском языке) в описании природных явлений.

Актуальные проблемы исследования:

- национально-культурная специфика (этнолингвистический аспект): выявление того, как башкирский (кочевая культура), русский (аграрно-лесная) и английский (морская/индустриальная) языки формируют уникальные образы природы. Например, в башкирском языке сильны зоонимы и элементы охоты, в русском – метафоры крестьянского быта;

- сопоставительный (лингвокогнитивный) анализ: проблема заключается в разности когнитивных моделей описания погоды – использование метафор, сравнений и оценочных компонентов. Изучается, как объективное состояние природы (холод, жара) превращается в субъективную оценку через фразеологизмы;

- проблема безэквивалентности и перевода: многие башкирские идиомы о природе не имеют прямых аналогов в английском или русском языках. Сложность представляет передача культурно-маркированных компонентов («фоновых знаний»);

- полисемия и структура: исследование полисемичных фразеологизмов, которые могут менять значение в зависимости от контекста (например, описания природы, переходящие в характеристику человека).

Этнолингвистический анализ фразеосемантического поля «состояние природы» в русском, башкирском и английском языках выявляет культурно-маркированные образы, отражающие уникальное восприятие окружающей среды каждым народом. Через метафоры, связанные с погодой, ландшафтом и бытом, передается национальный менталитет, где русские фразеологизмы часто лиричны, башкирские – кочевые и предметные, а английские – лаконичные.

Ключевые аспекты исследования:

- русский язык: связь с крестьянским бытом, восприятие природы как живой сущности (например, «*мороз по коже*», «*погода шепчет*»), метафоры, основанные на ощущениях;

- башкирский язык: компоненты, отражающие степной ландшафт, кочевую культуру, сезонность, тесная связь с животноводством (примеры указывают на образное мышление через призму природы);

- английский язык: акцент на морских мотивах, изменчивости погоды, функциональность и использование в повседневной речи (например, «*a fog in one's mind*»).

Сопоставление показывает, что одни и те же явления природы (дождь, холод, ветер) описываются с разной степенью оценочности (положительная/отрицательная) и через разные образы, определяемые историческим опытом и географическим положением этноса.

Сопоставительный анализ фразеосемантического поля «состояние природы» в русском, башкирском и английском языках выявляет общность метафор (вода, огонь, ветер) при уникальных лингвокультурных кодах. Башкирские фразеологизмы часто опираются на кочевой быт и ландшафт, английские – на морскую стихию, а русские – на земледелие и резкую смену сезонов, отражая взаимодействие человека с окружающей средой.

Основные результаты сопоставительного анализа:

- семантика: в языках преобладают группы фразеологизмов, описывающие погоду (холод, жара), атмосферные явления (дождь, ветер) и астрономические объекты;
- русский язык: характеризуется высокой эмоциональностью, связанной с непредсказуемостью природы («как снег на голову», «погода в доме»);
- башкирский язык: отражает глубокую связь с природой, кочевым бытом и скотоводством. Часто используются метафоры, связанные с движением воздушных потоков и гидрометеорами («*haya toroшо*» – состояние воздуха/погода);
- английский язык: лингвокультура выделяется «морской» лексикой и прагматичным отношением к погоде, частыми метафорами бури и тумана («*in the fog*», «*under the weather*»).

Анализ помогает выявить черты межязыкового сходства (общечеловеческие метафоры) и различия (национальная специфика).

Сопоставление показывает, что фразеологизмы служат способом реализации интегративного принципа, при котором состояние природы неразрывно связано с внутренним миром человека. Отражение культурных феноменов происходит сквозь призму взаимодействия языка и культуры, где башкирский – степной код, русский – лесной/полевой, а английский – морской.

Перевод фразеологизмов вербализующих понятие «состояние природы» в русском, башкирском и английском языках осложняется отсутствием прямых эквивалентов из-за культурно-исторических различий. Безэквивалентность требует использования описательного перевода, калькирования или подбора контекстуальных аналогов, так как башкирские образные выражения часто связаны с кочевым бытом, а английские – с морским климатом.

Основные аспекты проблемы: лингвокультурный барьер – фразеологизмы, описывающие природные явления (например, дождь, ветер, мороз), отражают национальную картину мира. Башкирские идиомы часто метафоричны и связаны с животноводством/кочеванием, в то время как английские более лаконичны и связаны с морем.

Типы безэквивалентности: *полная безэквивалентность* – фразеологизм одной культуры невозможно перевести одним словом в другой; *частичная безэквивалентность*: схожий образ, но разная эмоциональная окраска.

Способы перевода:

1. Калькирование: буквальный перевод (используется, если образ понятен в целевом языке).
2. Описательный перевод: разъяснение смысла (когда образ уникален для культуры).
3. Подбор функционального аналога: замена фразеологизма на схожий по смыслу, но с другим образом.

При изучении таких выражений важно учитывать национально-культурный компонент, который часто утрачивается при буквальном переводе.

Изучение фразеосемантического поля «состояние природы» в русском, башкирском и английском языках выявляет общие для всех культур универсальные образы (например, небо, вода) и специфические лингвокультурные коды (башкирские степные образы, английская погода), часто функционирующие через полисемию. Структурно-семантический анализ показывает, что такие выражения часто метафоричны, метонимичны и отражают национальную картину мира через связь природы с жизнью человека.

Основные положения лингвокультурного изучения:

- Полисемия (многозначность): фразеологизмы о состоянии природы часто имеют несколько значений, совмещая прямое описание атмосферных явлений и переносное (состояние человека, социальные процессы), что характерно для всех трех языков.

– Структура и образность: а) русский язык: часто использует олицетворение («*буря мглою небо кроет*») и соматизмы для описания природы; б) башкирский язык: характеризуется глубокой связью с кочевым бытом, природой степи, использованием лексики, связанной с небом, светилами и атмосферными явлениями («*ут*» – огонь/стрела в метафорических значениях); в) английский язык: высокая степень идиоматичности, связанная с переменной погодой (например, дождь, туман), где состояние природы часто описывает эмоциональное состояние.

– Лингвокультурный аспект: анализ позволяет выявить, как природа интерпретируется в сознании носителей, где общее (universal) переплетается с уникальным (specific), формируя уникальные фразеологические поля.

Сопоставительное изучение этих языков помогает понять, как структура фразы (например, «сущ. + глагол» или «прил. + сущ.») служит каркасом для передачи культурных смыслов. Исследование этих аспектов позволяет глубже понять, как человек моделирует мир сквозь призму природных явлений в разных языковых картинах мира.

Литература:

1. Басенко, И.М. Контекстуальные преобразования фразеологических единиц лингвопрагматические характеристики (на материале англоязычной художественной прозы): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Басенко Иван Михайлович. – Краснодар, 2011. – 23 с. – EDN ZOJVWX.
2. Казарбаева, В.Н. Об особенностях сопоставительного исследования фразеологизмов в русском, английском и башкирском языках // Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения, – Уфа, 5–6 декабря, 2013 г. – С. 127-129.
3. Кравцов, С.М. Лингвопрагматический потенциал фразеологии: На материале русского и французского семантического поля «Говорение» / С. М. Кравцов, А. П. Прохорова. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2022. – 156 с. – ISBN 978-5-7972-2980-3. – EDN GJQISJ.
4. Лингвокультурология: общая, сопоставительная, прикладная. Энциклопедический словарь / Составители В.В. Воробьев, Р.Х. Хайруллина, Ф.Г. Фаткуллина [текст] – Москва: Флинта. 2026. – 172 с. ISBN 978-5-9765-5833-5.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: «Академия», 2001. – 208 с.
6. Фаткуллина, Ф.Г. Сопоставительная лингвокультурология: учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина; Уфимский университет науки и технологий. – Уфа: РИЦ УУНИТ, 2023. – Электрон. версия печ. публикация. – Доступ возможен через Электронную платформу УУНИТ. – URL: https://elib.bashedu.ru/dl/read/FatkullinaF_Sopostav.lingvokul._up_2023.pdf >. – Текст: электронный.

© Казарбаева В.Н., Фаткуллина Ф.Г., 2026

УДК 811.512

Каримова З.С.,
канд. филол. наук., доцент, УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ И ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

По результатам переписи населения Россия является одной из самых многонациональных стран мира. В нашей стране проживает около 160 национальностей. В

Башкортостане наблюдается устойчивое двуязычие учащихся, которое становится в настоящее время одним из факторов обучения в условиях этнорегиона, каким является и наша республика. Полиэтническая среда современного образовательного процесса имеет свои особенности в школьном обучении русскому языку нерусских учащихся.

Первые опыты использования сопоставительного подхода к изучению языков встречаются в научных грамматиках и двуязычных словарях XIX века.

В XX веке наблюдается более интенсивное исследование языков в сопоставительном аспекте в трудах М.Х. Курбангалиева, Р.С. Газизова, Э. М. Ахунзянова, Л.К. Байрамова, М. З. Закиева, Р. Р. Замалетдинова, З.М. Валиуллина и др. Как отмечал Э. М. Ахунзянов, «помимо всеобщих универсалий в сопоставляемых языках выявляются признаки и закономерности самоотличающие их друг от друга [1: 18].

Сопоставительное изучение языков позволило ученым выйти за пределы родственных языков и исследовать разнотипные языки. В отличие от сравнительно- исторического языкознания в сопоставительной типологии изучаются не генетические связи языков, а их особенности грамматической структуры, проявляющиеся в способах выражения грамматических значений [2: 4].

Русский и татарский языки по своей структуре относятся к двум типологическим различным группам: первый - к группе флективных, второй - к группе агглютинативных языков, однако можно отметить и общие черты, облегчающие их изучение и усвоение.

В обеспечении качественной профессиональной подготовки студентов в вузе большую роль играет курс «Сопоставительная грамматика татарского и русского языков». Данная учебная дисциплина знакомит студентов, будущих учителей русского и татарского языков в татарской школе как с общими специфическими явлениями, свойственными татарскому и русскому языкам, так и имеющими место лишь в одном из них. При этом основное место в курсе отводится рассмотрению тех грамматических явлений, которые различаются в семантическом или функциональном отношении и тем самым создают препятствия при изучении русского языка в татарской школе и татарского языка в русскоязычной аудитории. Наряду с характеристикой специфических явлений, обусловленных принадлежностью русского и татарского языков к различным типологическим группам, указываются способы и средства их передачи в каждом из этих языков.

Таким образом, курс «Сопоставительная грамматика татарского и русского языков» дает студентам систему знаний об общих и специфических явлениях в фонетическом и грамматическом строе русского и татарского языков. Кроме того, изучение данного курса будет способствовать более глубокому пониманию студентами разнотипных языков и, тем самым, будет содействовать их общему лингвистическому развитию, усвоению определенных закономерностей в соотношении лексико-фразеологических, грамматических и стилистических средств двух языков, овладению основами перевода.

Студенты татарско-русского отделения изучают курс «Сопоставительная грамматика татарского и русского языков», развивая и совершенствуя знания, полученные на предыдущих курсах по лингвистическим дисциплинам. Знание в сопоставительном плане татарского и русского языков помогает им в дальнейшем успешно вести преподавание татарского языка в русскоязычной аудитории и русского языка в татарской школе, предупреждая ошибки, появляющиеся под влиянием родного языка. Это поможет в деле практического овладения наиболее трудными вопросами русского языка путем сопоставления их с фактами татарского языка и, наоборот, овладения наиболее трудными вопросами татарского языка путем сопоставления их с фактами русского языка.

На практических занятиях студенты работают над русскими и татарскими текстами, которые они переводят с одного языка на другой, дают сопоставительный анализ фонетических, грамматических явлений. Студенты путем выполнения системы упражнений устанавливают общие, сходные моменты и различия в грамматической структуре татарского языков.

В процессе самостоятельной работы каждый студент выполняет индивидуально перевод и анализ связного текстов объемом около 200 слов, именно такая самостоятельная работа целесообразна для дальнейшего совершенствования знаний студентов. Самостоятельное выполнение заданий не только не снизило интерес студентов, а, наоборот, побудило их подходить к выполнению задания творчески, учитывая при этом основные требования к переводу текстов:

- 1) точную, полную передачу смысла информации текста оригинала на другой язык;
- 2) сохранение стилистических особенностей текста оригинала;
- 3) сохранение по возможности синтаксического рисунка, структуры предложения оригинала, так как строение предложения, порядок слов играют большую роль для передачи коммуникативного значения и логико-синтаксических отношений в нем.

Учитель - ключевая фигура культуры XXI века. Об этом свидетельствует вклад системы образования и учительства в сохранение единства российского общества в условиях глубокого кризиса. Это предъявляет исключительно высокие требования как к интенсификации профессионального - самосовершенствования и формам квалификации учителей, так и к качеству их подготовки как будущих педагогов в высших учебных заведениях.

Литература:

1. Ахунзянов Э.М. Морфологическая интерференция в условиях русско-татарского двуязычия. – Москва: Наука, 1976. – 145 с.
2. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология / авт.-сост.: Р.Р. Замалетдинов, М.Р. Саттарова, С.С. Сафонова, О.А. Упрякова, З.Ф. Юсупова. – Казань: Изд. Казанского ун-та, 2017. – 180 с.
3. Татар грамматикасы. Өч томда: Том 3 / төзүчеләре: М.З.Зәкиев, Ф.А.Ганиев, К.З. Зиннатуллина, Ф.С. Сафиуллина Том III. – Казан: Фикер, М.: Инсан, 1999. – 599 б.
4. Харисов Ф.Ф. Татар теле чит тел буларак өйрәнүнең фәнни-методик нигезләре / Ф.Ф. Харисов. – Казан: Мәгариф, 2002. – 366 б.

© Каримова З.С., 2026

УДК 81

Костюнина М.В.,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков СурГУ,
г. Сургут, Россия*

Шукурова И.В.,

*канд. пед. н., доцент, кафедры иностранных языков СурГУ,
г. Сургут, Россия*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА: СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ

Речи главы государства представляются многогранным объектом для исследования с точки зрения психолингвистики, стилистики и прагматической лингвистики. Публичные выступления президента страны создают риторический портрет выступающего. Речи, адресованные непосредственно жителям страны, демонстрируют достижения и сообщают о планах, в период предвыборной агитации выступления приобретают выраженный характер убеждения адресата и манипуляции сознанием и действиями электората. В настоящей статье предпринят анализ речи президента на совещании с членами Правительства, прошедшее 23 апреля 2026 года в Кремле, выявлены интенции и риторические тактики, используемые для диалога с ответственными лицами. Подобного рода выступления призваны укрепить авторитет главы государства, продемонстрировать стабильное и устойчивое развитие страны.

Интересно отметить, что изначально термин «стратегия» использовался в военном деле и позже пришел в лингвистику, таким образом становится очевидно, что коммуникативные процессы не хаотичны, они целенаправленны и решают конкретные задачи, в большинстве случаев они направлены на организацию совместной деятельности индивидов [4, 27]. Речевые процессы представляют собой не просто обмен репликами коммуникантов, а являются принципом, объединяющим определенные цели, намерения и действия говорящего с коммуникативной ситуацией и происходящими событиями [1, 17–18]. Именно необходимость реализации строгого контроля и выработки оптимальных решений «системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия» [1, 274] позволяет нам назвать речевую деятельность стратегическим процессом. По мнению О. С. Иссерс коммуникативная стратегия понимается как план речевого поведения, ориентированный на достижение глобальной цели общения. Тактики — это локальные способы реализации стратегии: акцентирование, уточнение, апелляция к общему знанию, похвала, побуждение, смягчение, предупреждение, включение адресата в общее «мы» и т. д. [2]. Исследователь И. В. Коноваленко особенно выделяет среди стратегий в политическом дискурсе стратегию игры на повышение, и определяет ее как риторическая стратегия, при которой: повышается статус говорящего, статус государства, значимость обсуждаемой темы, ценностная рамка происходящего, локальная проблема переводится в масштаб национального, исторического или цивилизационного проекта [3]. В речи Путина эта стратегия проявляется очень отчетливо: через лексику стратегического значения, переход от частного вопроса к общенациональной задаче, включение современной деятельности в историческую преемственность, конструирование образа России как большого, суверенного, дееспособного государства.

Проведенный анализ коммуникативных стратегий и тактик в речи Путина показал, что базовой стратегией президентской речи в формате совещания выступает **стратегия институционального управления коммуникацией**, которая реализуется через ряд тактик:

- тактика открытия и организационного запуска: «Давайте начнём работу», что задаёт рабочий, деловой формат общения;

- тактика распределения слова: «Хотел бы спросить Константина Анатольевича Чуйченко...» – президент регулирует, кто и когда говорит. И некоторые другие тактики, позволяющие структурировать обсуждение и сохранять лидерскую позицию.

Речь президента насыщена различными стратегиями и тактиками, рассмотрим некоторые из них. **Стратегия самопрезентации власти** как ответственной, компетентной и включённой – данный компонент по Иссерс почти всегда включен в политическую речь. Здесь он выражен не через «я» как отдельную фигуру, а через образ президента как координатора и гаранта:

- тактика включённости в процесс: «...мы вместе с некоторыми коллегами из Правительства занимались вопросами паводков...» – президент показывает себя не внешним наблюдателем, а участником решения проблемы.

- тактика компетентного осведомления: «...мы знаем, что, к сожалению, мы иногда такие удары пропускаем...» – эти формулы демонстрируют знание как общеполитической, так и технической стороны вопроса.

Одной из наиболее заметных в речи президента выступает **стратегия солидаризации**:

- тактика инклюзивного «мы», реализующее несколько функций (объединяет президента и правительство, объединяет власть и граждан, объединяет государство и страну как целое): «...ради которых мы все и работаем», «...мы готовы к сотрудничеству...»

- тактика апелляции к общим ценностям, безусловно одобряемых, что создаёт широкую общую платформу: «безопасность людей: наших детей, близких...», «повышение качества жизни людей».

- тактика сопереживания гражданам, создающая эффект близости власти к повседневным трудностям граждан: «...когда люди оказываются отрезанными от... большой

земли», «...люди на селе не должны быть оторваны от возможностей технологического прогресса».

В заключение обратимся к выделенной Коноваленко **стратегии игры на повышение**, представляющей ключевую макростратегию арктического блока в речи президента Путина. Целью данной стратегии является подача локальных, отраслевых и административных вопросов как части большого национального проекта. Основные тактики этой стратегии:

– тактика повышения статуса темы: «...особое, стратегическое значение этого региона...», «...для обеспечения национальной безопасности и защиты нашего суверенитета».

Арктика выводится из уровня «регионального направления» на уровень стратегического ядра государственности.

– тактика повышения статуса государства: «...мы готовы к сотрудничеству... со всеми заинтересованными странами»; «...будем защищать и, безусловно, защитим наши национальные интересы в Арктике» – Россия предстает как сильный и уверенный субъект, способный и сотрудничать, и защищать себя.

– тактика глобализации проблематики: «...роль Арктики и в глобальном контексте... для экологии планеты... для мирового... комплексов... для устойчивости международных торговых и логистических связей» – Арктика описывается не как внутрироссийская периферия, а как пространство мирового значения.

– тактика исторического возвышения: «...строительство Транссиба... и освоение Северного морского пути... дали мощный импульс...» – современные проекты вписываются в ряд великих государственных свершений.

– тактика цивилизационного масштаба: «...для жителей Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока» – через такие формулы создаётся образ пространственной и исторической целостности России.

Итак, рассматривая речь президента в рамках совещания с Правительством, вполне уместно говорить о технологизации коммуникативных процессов с использованием ряда стратегий и тактик. Проведенный анализ дает возможность проследить эксплицитные и имплицитные намерения говорящего, позволяющие достичь желаемых результатов в процессе общения.

Литература:

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
3. Коноваленко И. В. Языковая личность в личностно-ориентированном конфликтном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып.30. С. 44-47.
4. Леонтьев А. А. Прикладная лингвистика речевого общения и массовой коммуникации. Издание 2, стереот. М.: Смысл, 2019.
5. Фаткуллина Ф.Г. Синтаксические средства выразительности в новостном дискурсе // II всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Наука. Образование. Профессия» 13-14 апреля 2023 г. – Уфа: БГАУ, 2023. С. 75-78. – DOI: 10.31563/9785745607950-2023-75-78.
6. Фаткуллина Ф.Г. Стилистически маркированная лексика в публицистическом тексте // Теоретические и практические проблемы современной гуманитарной науки. Материалы IX Международной научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2023). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2023. С. 150-153.
7. Янбердин А.Г., Фаткуллина Ф.Г. Речевоздействующий потенциал языковой личности в институциональном дискурсе // Казанский лингвистический журнал. 2023, № 6(4) С.568-577. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.568-577>.

8. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Mensah D., Fatkullina F.G. THE PECULIARITIES OF TRANSLATIONS OF OFFICIAL BUSINESS PLANS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN // Opcion. 2019. T. 35. № Special Issue 23. С. 433-447.

© Костюнина М.В., Шукурова И.В., 2026

УДК 821.161.1.09

Кульсарина И.Г.,
канд. филол. наук, доцент УУНУТ
г. Уфа, Россия

БАШКИРСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Д. ЛЬВОВА

В отечественной литературе особое место принадлежит произведениям русскоязычных писателей Башкортостана, творчество которых характеризуется не только идейно-тематическим разнообразием, но и жанровой динамикой и своеобразной поэтикой. В предисловии к шестому тому антологии «Башкирия в русской литературе» отмечается: «Появление литераторов из башкир и татар, пишущих на русском языке, стало характерной особенностью второй половины XX века... Этому обстоятельству способствовало, во-первых, усиление роли русского языка в жизни страны, в том числе и в национальных автономных республиках. Во-вторых, образование в городах и промышленных центрах многонациональных коллективов привело к тому, что русский язык стал в них основным средством общения, «рабочим» языком. В-третьих, ряд писателей (из башкир и татар) с юных лет жили в русскоязычной среде за пределами Башкортостана» [1: 4]. Характерная черта манеры письма русскоязычных авторов – подробное и достоверное отражение жизни родного народа со всеми присущими ему национальными чертами, любовное описание красоты башкирского края, стремление переосмыслить минувшие исторические события с позиции современности, воспевание и утверждение межкультурного диалога народов республики. Как правильно было замечено учеными: «Билингвальная личность – это не просто человек, умеющий общаться на двух языках, а личность, усвоившая две национальные языковые картины мира, две национальные культуры» [2: 168]. Имена таких писателей, как Анатолий Генатулин, Газим Шафиков, Рим Ахмедов, Ямиль Мустафин, Руслан Максютлов, Шамиль Хазиахметов, Михаил Львов и др., получили широкую известность среди читателей и ценителей краеведческой литературы [3: 76].

В творчестве известного писателя, переводчика и участника Великой Отечественной войны Михаила Давыдовича Львова (Рафкат Габитов) ярко отразились актуальные проблемы прошлого столетия. Будущий поэт родился в селе Насибаш Салаватского района Башкортостана в семье сельского учителя. Рано оставшись без матери, вынужден был с братом жить у чужих людей. Об этом он пишет в стихотворении «Соловьи Салавата»:

«Там давно в Насибаше
Люди добрые наши
Двух сирот нас увидели,
Без родных, без родителей,
Накормили досыта
И меня и Рашита» [4: 239-240].

Башкирский пейзаж, с описания которого начинается вышеназванное произведение М. Львова, помогает рельефно представить места, где родился автор. Родная деревня поэта Насибаш репрезентируется с помощью культурно-символических образов (курай, Салават), региональных топонимов (Лакли, Уральские горы, Соловьиное горло) и гидронима (Ай). Вторая часть стихотворения проникнута словами благодарности добрым и отзывчивым людям башкирского края.

Особое место в поэзии М. Львова занимают размышления о родной земле и о семейных корнях. Глубокой сыновней любовью наполнено его стихотворение «Отцу», в начальной строфе которого выведен образ отца-аксакала, с белой бородой и «колониальным» лицом, чей сын «рано – в детстве давнем, дальнем –// Из степей башкирских ускакал» [4: 234]. Далее контрастно судьбе отца, чья юность прошла без песен и счастья, автор описывает свою жизнь, когда:

«Он от счастья сочиняет песни
На великом русском языке.
И в народе русском гениальном
Миллионы у него друзей» [4: 234].

Образ отца присутствует также в стихотворениях «Старик» («Я только тебе обещаю, отец, // Беречь тебя в памяти прежним, живым...»), «Отец! Я столько лет тебя не видел...» и т.д.

В стихотворении «Памяти матери» выражена неизбывная тоска автора по матери, которая «в землю ушла навсегда» [4: 247]. В последних строфах сын успокаивает себя тем, что будет думать, что она возвратилась на землю и обитает где-то в природе: «смотрит с неба твоими глазами звезда», «ты обитаешь в цветах» [4: 247]. Непреодолимую грусть и печаль по близкому человеку автор передает повторами («Только ночь. Только ночь. Только вечная ночь»), олицетворениями («ночь... в душе одиночество будит») и т.д. Особенно проникновенно звучат последние строки произведения:

«Буду к людям нежней.
Ты – среди них. Ты – не прах.
И ни с чем мне иным невозможно, нельзя примириться» [4: 247].

Образ матери выступает как нравственный ориентир для лирического героя. В таком же ключе написано стихотворение «Как нужна человеку родная семья», в котором имеются следующие строчки:

«Если б только жива была мама моя,
Я бы стал гениальным поэтом...» [4: 248].

Картины из детства поэта встречаются также в произведении «Было – не было такое...». Ай-река, село Лаклы, мечеть, Коран – все эти образы помогают рельефно передать воспоминания автора о его детских желаниях и ностальгию. Его лирический герой мечтает стать взрослым, иметь пятистенную избу, благополучия и достатка в семье, а в финале стихотворения он «в путь вышел кругосветный» и поднимает «стих, как стяг» [1: 119].

Художественный мир М. Львова пропитан интернациональным духом и гражданскими мотивами. Неслучайно программным произведением автора стало стихотворение о братстве народов страны:

«Сколько нас, нерусских, у России –
Истинных российских сыновей,
Любящих глаза небесной сини
У великой матери своей!» [4: 231].
Автор гордится и восхищается полиэтническим пространством России:
«Как прекрасно вяжутся в России,
В солнечном сплетении любви,
И любимой волосы льняные,
И заметно темные твои» [4: 231].

Своей литературной родиной писатель в равной степени считает и родное село Насибаш, и промышленный Урал, где он жил и работал, и Москву, где учился в Литературном институте им. М. Горького. Выбор русского псевдонима поэт объяснил так:

«Я считал – в тридцать пятом,
Что Габитов Рафкат
Будет малопонятным
Для российских ребят...
И звучать будет глухо,

Будет, может быть, чужд
Для российского слуха
(Нынче вижу, что – чушь...)
Вот и сделался Львовым
Тот Габитов Рафкат...» [1: 108-109].

Интернациональный пафос присуц и стихотворению «Народы», в котором автор выражает свою любовь к разным этносам России («Я вас люблю, мои татары! // Мои казахи. Вас люблю!»). Как лозунг звучат строки: «Народ народа не заменит», «Любой народ – неотменим!» [4: 265]. «Единой нацией мы будем // У высшей – видимой – черты», – заключает поэт [4: 266].

Башкирские мотивы в поэзии М. Львова особенно рельефно отразились в стихотворении «Опять увидел я лаклинские поля...». Ретроспективный прием, обращения, образные сравнения помогли автору воссоздать годы, проведенные им в Салаватском районе. Произведение построено как своеобразный экскурс в детский мир поэта, причем автор рассказывает о своих искренних чувствах к Башкирии, вечным должником которой он себя считает. Башкирская земля раскрыла перед будущим поэтом мир, дала ключ ко всем дорогам, поэтому он вправе говорит:

«И Белая, и Ай мне ближе, чем моря.
Спасибо, добрый край, Башкирия моя!» [1: 117].

Мустаю Кариму поэт посвятил стихотворение «Впадали реки в реки». Ярко запоминающиеся образы («Был пароход наш белый, // Шел пароход по Белой»), сравнения («Впадали реки в реки, как будто руки в руки»), повторы («Родные наши реки, родные наши речи, мы вас не предавали») помогли автору в высокой художественной форме показать, как он попал в пространство многонациональной российской поэзии. Особенно рельефно выразилась мысль поэта в финальных строчках стихотворения:

«С ладони на ладони меня передавали
Родные реки наши. Вот так я впал в Москву» [1: 116].

Башкирские мотивы использованы также в стихотворении «Дон», где поэт сравнивает тихий шолоховский Дон с Камой, с Белою-рекой.

Таким образом, искренняя любовь к родной земле, афористичность, многоплановость и философская глубина стихов сделали поэзию М. Львова поистине народной.

Литература:

1. Башкирия в русской литературе. В 6 т. Т.6. Сост., предисл., биограф. справки, коммент. и библиография М. Г. Рахимкулова и С. Г. Сафуанова. – Уфа, 2004. – 576 с.
2. Закирьянов К. З., Зайнуллин М. В. Башкирско-русское двуязычие как феномен взаимообогащения культур // Вестник Башкирского университета, 2015. – Т.20. – № 1. – С.166-171.
3. Кульсарина И. Г. Башкортостан в русской и русскоязычной литературе XX–XXI веков: монография. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 204 с.
4. Львов М. Избранное (1939-1974). Предисловие В. Дементьева. – М., 1976. – 350 с.

© Кульсарина И.Г., 2026

УДК 81'243

Кушнырь Л.А.,
ст. преподаватель, БУ ВО СурГУ,
Сергиенко Н.А.,
д-р филол. наук, доцент, БУ ВО СурГУ,
г. Сургут, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ДВУЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящее время, в системе высшего образования произошли значительные изменения: отказ от Болонской системы образования в России создал предпосылки к разработке новой реформы высшего образования. Данная стратегия государства направлена,

в первую очередь, на защиту национальных интересов и обеспечение устойчивого развития отечественной высшей школы. Ежегодно в российские вузы поступают студенты из ближнего и дальнего зарубежья, этот факт объясняется высоким качеством образования, возможностью получить востребованную специальность и перспективами трудоустройства после завершения обучения.

В период глобализации и интеграции одним из актуальных навыков межкультурной коммуникации становятся навыки двуязычного общения, поскольку грамотное владение несколькими языками открывает дополнительные возможности как в области образования, так и в профессиональной деятельности.

Теоретический анализ источников, посвященных изучению межкультурной коммуникации [2; 3; 10; 11; 13], выявил, что данное понятие трактуется как процесс общения между представителями разных культур, который предполагает обмен информацией, опытом и ценностями, основанный на взаимопонимании, уважении и принятии культурных особенностей представителей другой страны.

Владение навыками двуязычного общения является важным компонентом межкультурной коммуникации, позволяющее эффективно взаимодействовать, преодолевая языковые барьеры и устанавливая как межкультурные, так и профессиональные отношения.

Одним из спорных вопросов является определение понятия «двуязычие». Некоторые ученые [1; 4; 5; 6; 9; 15; 17; 23; 22; 7; 12; 16] под двуязычием понимают полное равенство владения двумя языками, тогда как другие [18; 20; 14; 19] признают, что двуязычие – это неравное владение языками, но с достаточным уровнем для общения и взаимопонимания на обоих языках. Мы принимаем второе положение и под двуязычием понимаем способность человека, группы людей, коллектива использовать второй язык в различных сферах общения (межкультурной, повседневной, профессиональной) на достаточном уровне для взаимопонимания и эффективного взаимодействия.

Традиционно двуязычное общение изучается представителями лингвистики и определяется как акт переводной коммуникации, совершающийся при помощи посредника-переводчика. Однако, в последнее время появились исследования в области педагогики [21; 8], изучающие двуязычное общение как самостоятельный акт коммуникации без посредника-переводчика. Двуязычное общение – взаимодействие представителей двух языковых культур, основанное на эффективном применении знаний второго языка, направленное на взаимопонимание и передачу трансформирующейся информации между субъектами общения.

По нашему мнению, преподавателям высшей школы следует уделить особое внимание при обучении иностранным языкам на развитие коммуникативных навыков у студентов с целью эффективного процесса формирования умений и навыков двуязычного общения, тем самым обеспечивая уверенное владение иностранным языком. Важно научить студентов понимать и уважать культурные различия, традиции и обычаи изучаемого языка, проявляя толерантное отношение к своей и чужой культуре. Одним из ключевых аспектов в процессе формирования умений и навыков двуязычного общения является развитие способностей студентов к анализу и критическому мышлению в контексте межкультурной коммуникации, а также формирование навыков адекватно оценивать информацию, принимать необходимые решения в разнообразных ситуациях межкультурной коммуникации.

Грамотное сочетание методов обучения иностранному языку способствует эффективному процессу формирования умений и навыков двуязычного общения у студентов, обеспечивая практические умения для успешного взаимодействия в многоязычной среде. Например, внедрение в процесс обучения интерактивных методов способствует мотивации и активному участию студентов в учебном процессе; использование мультимедийных ресурсов позволяет студентам обогатить словарный запас и улучшить навыки восприятия и произношения; применение ролевых игр и ситуационных задач, симуляционных технологий способствуют осознанному и глубокому изучению целевого языка.

Таким образом, формирование навыков двуязычного общения в вузе играет важную роль в подготовке студентов к современной международной деятельности, способствуя развитию

межкультурной коммуникации, повышая конкурентоспособность будущих выпускников на мировом рынке труда и способствуя развитию глобального понимания и сотрудничества.

Литература:

1. Аврорин В.А. Двоязычие и школа. Проблемы двуязычия и многоязычия. / В.А. Аврорин. – М., 1972. – 359 с.
2. Арастумян Д.В. Межкультурное общение как процесс межличностного взаимодействия / Д.В. Арастумян, Е.Д. Байкова // Молодой ученый. – 2014. – № 1. – С. 734-736.
3. Белодед Н.И. Межкультурная коммуникация как особый тип коммуникации / Н. И. Белодед, А.П. Болкунович, В.А. Васильева // Управление в социальных и экономических системах. – 2020. – № 29. – С. 71-72.
4. Вайнрах У. Языковые контакты. / У. Вайнрах. – К.: Вища школа, 1979. – 255 с.
5. Дешериев Ю.Д. Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании/ Ю.Д. Дешериев. Методы билингвистических исследований. – М., 1976. – 381 с.
6. Джидалаев Н.С. Русско-дагестанское двуязычие как социолингвистическое явление и объект исследования / Н.С. Джидалаев. Русский язык и народы Дагестана: сб. науч. тр. – Махачкала, 1979. – С. 76-79.
7. Кушнырь, Л. А. Педагогические условия формирования навыков двуязычного общения будущих бакалавров в процессе обучения иностранному языку / Л. А. Кушнырь, В. А. Адольф // Глобальный научный потенциал. – 2021. – № 9 (126). – С. 102-105.
8. Кушнырь, Л.А. Эволюция билингвизма сквозь призму времен / Л.А. Кушнырь // В мире научных открытий. – 2015. – № 3-1(63). – С. 642-655.
9. Миньяр-Белоручева, А.П. Научная коммуникация как разновидность межкультурной коммуникации / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 22-26.
10. Мирзоян, И.Г. Проблемы глобализации в системе межкультурной коммуникации: английский язык в системе международных коммуникаций / И.Г. Мирзоян, Т.В. Магарина // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4(71). – С. 493-495.
11. Мусаева, Л. С. Особенности изучения русского языка в условиях двуязычия / Л. С. Мусаева // Современный ученый. – 2017. – № 7. – С. 78-80.
12. Пушина, Н.И. Культурная интерференция в межкультурной коммуникации: вербальные / невербальные аспекты / Н.И. Пушина, Н. В. Маханькова, Е.А. Широких // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2023. – Т. 33, № 4. – С. 766-774.
13. Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты. – JL: Наука, 1972. – 80 с.
14. Савчук, А.В. Оценка готовности студентов лингвистического вуза к двуязычному общению: когнитивный подход / А.В. Савчук // Адукацыя і выхаванне. – 2020. – № 11(347). – С. 56-63.
15. Саркисян, И. Р. Разночтения в трактовке словообразовательно мотивированных терминов “билингвизм” и “двуязычие” / И. Р. Саркисян. – 2020. – С. 341-344.
16. Фаткуллина Ф.Г. Полилингвизм и поликультурность в современном коммуникативном пространстве (на примере Республики Башкортостан) // Известия УФИЦ РАН Серия: История. Филология. Культура. 2024, Т.1., № 3. 331-337.
17. Фаткуллина Ф.Г. Универсальное и этническое во фразеологии как объект изучения сопоставительной лингвокультурологии // Русский язык в меняющемся мире: XV Конгресс МАПРЯЛ: (12-16 сентября 2023 г) Избранные доклады [Электронный ресурс] / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. – СПб.: МАПРЯЛ, 2024. С. 1510-1515.
18. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972 – 655 с.

19. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген. Новое в лингвистике. IV. Языковые контакты. – Москва: Прогресс, 1972. – 536 с.
20. Alain, R. M. Bilingualism as an object of linguistic study / R. M. Alain, G. I. Smanova, R. D. Zhekebayeva // Образование и наука в России и за рубежом. – 2022. – No. 2(90). – P. 197-200.
21. Tosuncuoglu, I. The reality of bilingualism / I. Tosuncuoglu, A. L. Ignatkina // Language of Science and Professional Communication. – 2020. – No. 1. – Pp. 108-118.

© Кушнырь Л.А., Сергиенко Н.А., 2026

УДК 811.512.141'373.45

Малыбаева Л.Д.,
студент УУНИТ
Хисамова Д.Д.,
канд. филол. наук, доцент
г. Уфа, Россия

ЗАИМСТВОВАНИЯ В БАШКИРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЛИЯНИЙ

Лексика любого языка представляет собой живую, постоянно развивающуюся систему. Одним из важнейших механизмов этого развития является процесс заимствования, то есть перенесение слов из одного языка в другой в результате языковых контактов. Заимствования используются для выражения новых понятий, дифференциации уже имеющихся значений и обозначения ранее неизвестных предметов.

Английский и башкирский языки, принадлежащие к разным языковым семьям демонстрируют как сходные механизмы заимствования, так и уникальные особенности, обусловленные их различной исторической судьбой. Сопоставительный анализ заимствований в этих языках позволяет выявить универсальные закономерности языковых контактов, а также специфические черты, связанные с географическим положением, религиозными факторами и политической историей народов-носителей.

Английский язык традиционно считается одним из наиболее «открытых» для заимствований языков. Его лексический состав формировался под влиянием последовательных волн *invasions* и культурных контактов на протяжении более чем полутора тысяч лет. Наиболее древний пласт заимствований в английском языке составляют латинизмы. Первые латинские слова проникли в языки германских племен еще до их переселения на Британские острова (I век до н.э.) в результате торговых и военных контактов с Римской империей. К этому периоду восходят такие слова, как *butter* (от лат. *butyrum*), *copper* (от лат. *cuprum*), *cup* (от лат. *cupra*). Второй слой латинских заимствований связан с римским владычеством в Британии (I-V вв. н.э.), когда в английский язык вошли слова *street* (от лат. *via strata*) и *wall* (от лат. *vallum*), а также многочисленные топонимы с элементом *-chester* (от лат. *castra* — «лагерь»), такие как *Manchester* и *Winchester*. Третья и наиболее значительная волна латинизмов связана с христианизацией Британии (VI-VII вв.), когда были заимствованы слова религиозной сферы: *priest* (лат. *presbyter*), *monk* (лат. *monachus*), *candle* (лат. *candela*), а также лексика, связанная с образованием и наукой: *school* (лат. *schola*), *verse* (лат. *versus*), *circle* (лат. *circulus*). Особое место в истории английского языка занимают скандинавские заимствования, вошедшие в язык в результате датского владычества (X-XI вв.). В отличие от латинизмов, проникавших преимущественно письменным путем, скандинавизмы приходили через устное общение англосаксов с датскими поселенцами. К числу наиболее известных скандинавских заимствований относятся местоимения *they*, *them*, *their*, заменившие древнеанглийские формы; а также такие повседневные слова, как *happy*, *low*, *ill*, *ugly*, *weak*, *husband*, *fellow*, *leg*, *skin*, *skirt*.

Башкирский язык, как и любой тюркский язык, на протяжении своей истории вступал в контакты с различными языками. По свидетельству исследователей, иноязычные заимствования составляют значительную часть лексики башкирского языка, и их можно разделить на три основные группы: арабизмы, фарсизмы (персидские заимствования) и русизмы. Наиболее ранним и мощным по своему влиянию стал арабский пласт заимствований. Проникновение арабских слов в башкирский язык было связано прежде всего с принятием ислама в X-XI веках. Арабские путешественники и купцы начали появляться в Волжской Булгарии, одновременно с торговлей распространяя ислам и арабскую письменность. Открывались мечети и медресе, где народ обучали арабскому языку, что оказало колоссальное влияние на башкирский язык. По некоторым данным, среди 60 тысяч кодифицированных башкирских слов насчитывается более 7200 единиц арабского происхождения, что составляет около 12% национального лексикона. Особенно много арабизмов в религиозной лексике (аллах - «Аллах», донъя - «мир»), научной терминологии (мәктәп - «школа», китап - «книга») и административной сфере (хөкүмәт - «правительство», ил - «страна»). Многие арабские заимствования стали основой для дальнейшего терминообразования, например, исем - «имя существительное», сифат - «имя прилагательное», рәүеш - «наречие», хәл - «обстоятельство», заман - «время», хәбәр - «сказуемое».

Персидские заимствования (фарсизмы), хотя и менее многочисленны, чем арабизмы, также внесли значительный вклад в башкирскую лексику. Как и арабские слова, они проникали преимущественно через исламскую культуру и литературу. К числу наиболее известных фарсизмов относятся бакса (от перс. багче - «сад»), шәкәр (от перс. шекер - «сахар»), һүрәт (от перс. Сурат - «изображение»), йән (от перс. Джан - «душа»), дошман (от перс. Душман - «враг»).

В последние десятилетия в башкирском языке, как и во многих других языках мира, наблюдается интенсивный процесс заимствования английской лексики. Хотя западноевропейские заимствования в башкирском языке изучены значительно меньше, чем арабизмы и русизмы, уже можно выделить основные сферы проникновения англицизмов. Главным каналом проникновения английских слов в башкирский язык являются средства массовой информации, особенно публицистика. Анализ статей из республиканской газеты «Йәшлек» показывает, что наиболее активно англицизмы используются в следующих областях: компьютерная техника и Интернет (компьютер, сайт, клип, онлайн, сканер, принтер); транспорт (автомобиль, краб, квадрокоптер); спорт (футбол, баскетбол, тренер, спортсмен); бизнес и экономика (бизнес, менеджер, маркетинг, офис); продукты питания и кулинария (гамбургер, сэндвич, кетчуп, кока-кола). Английские заимствования в башкирском языке, по своим структурным особенностям, могут быть как простыми (односложными), так и сложными. Более того, английские лексемы активно участвуют в образовании сложных слов - сращений, парных и составных слов, органично вписываясь в словообразовательную систему башкирского языка. Например, в языке публицистики встречаются такие сочетания, как видеоклип, квадрокоптер, онлайн-конференция.

Процесс ассимиляции заимствований - это сложное и многоступенчатое явление, включающее фонетическую, грамматическую, графическую и семантическую адаптацию. В этом процессе английский и башкирский языки демонстрируют как сходства, так и различия. Фонетическая ассимиляция подчиняется внутренним законам языка-реципиента. В башкирском языке, где действует закон сингармонизма (единообразного оформления гласных в слове), многие арабские и персидские заимствования претерпели существенные фонетические изменения, чтобы соответствовать этому правилу. Например, арабское калугәтүн («город») превратилось в башкирское кала, где исчезло гармоническое «разногласие». Однако некоторые арабизмы, заимствованные письменным путем, сохранили «небашкирское» звучание, например, хәкикәт («истина») или ғәзәт («привычка»), в которых сочетание твердых и мягких гласных нарушает сингармонизм. В английском языке фонетическая ассимиляция также играет важную роль, особенно в отношении французских заимствований, которые часто сохраняли французское ударение на последнем слоге

(например, machine, garage), в то время как исконно английские слова имеют ударение в основном на первом слоге.

Грамматическая ассимиляция в обоих языках выражается в том, что заимствованные слова, как правило, подчиняются грамматическим нормам принимающего языка. В английском языке большинство заимствований получают стандартные окончания множественного числа -s/-es, даже если в языке-источнике они имели иную парадигму склонения. В башкирском языке заимствованные имена существительные также склоняются по общим правилам, получая аффиксы принадлежности, числа и падежа. Семантическая ассимиляция может приводить к сужению, расширению или полному изменению значения заимствованного слова. Ярким примером в башкирском языке является слово зыярат, которое в арабском языке означает «посещение», а в башкирском приобрело значение «кладбище». В английском языке классическим примером семантического сдвига может служить слово guu, которое в первоначальном значении (англ. Guy Fawkes) было именем собственным, а затем превратилось в нарицательное для обозначения «парня, мужчины».

Проведенный сравнительный анализ заимствований в английском и башкирском языках позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, и английский, и башкирский языки на протяжении своей истории активно заимствовали иноязычную лексику, что является естественным процессом развития любого живого языка. Во-вторых, источники и пути заимствования отражают конкретные исторические условия: для английского языка определяющими стали латинское, скандинавское и французское влияние, для башкирского - арабское, персидское и русское. В-третьих, в обоих языках наблюдается одна и та же тенденция последних десятилетий - активное проникновение англицизмов, связанное с глобализацией и развитием новых технологий. Наконец, несмотря на все различия в механизмах ассимиляции, обусловленных разным типологическим строем этих языков, оба языка демонстрируют способность к адаптации заимствований, которые органично вписываются в их фонетическую, морфологическую и словообразовательную системы.

Литература:

1. Аргунова, Д. А. Грамматическая ассимиляция заимствований в английской экономической терминологии / Д. А. Аргунова // Студенческие научные чтения. – Минск: МГЛУ, 2024. – С. 75–77.
2. Бахтиярова, А. Н. К вопросу о языковых контактах (на материале башкирского языка) / А. Н. Бахтиярова // Современные проблемы науки и образования. – 2015.
3. Заимствования в английском языке / Презентация на Инфоурок – 2020.
4. Амирханова, Г. А., Саляхова, З. И. Английские заимствования в системе сложных слов башкирского языка / Г. А. Амирханова, З. И. Саляхова // КиберЛенинка. – 2021.
5. Зайнуллин, М. В. Заимствования лексические / М. В. Зайнуллин // Башкирская энциклопедия. – 2019.
6. Зубаирова, И. Г. Заимствованные слова среди литературоведческих терминов башкирского языка / И. Г. Зубаирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015.
7. Ишбаев, З. З. Общая характеристика грамматической стороны глаголов в английском и башкирском языках / З. З. Ишбаев // Филология и лингвистика в современном обществе. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 104–109.

© Малыбаева Л.Д., Хисамова Д.Д., 2026

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ

Востребованность внедрения лингвокультурологического компонента в преподавание русского языка является непосредственно достижимым на базе лингвокультурологии как нового направления в современной науке, возникшей на стыке лингвистики и культурологии.

Значимость включения этнокультурологического компонента в образовательный процесс подчеркивает Н.М. Шанский, справедливо утверждая, что «обучение русскому языку должно быть неразрывно связано с усвоением культуры русского народа, а совершенствование методической системы обучения ему непосредственно сопряжено с последовательным включением национально-культурного компонента» [11, 4].

Т.Ф. Новикова, исследующая «культурологический подход к преподаванию русского языка» [4], отмечает, что «единицы с национально-культурным компонентом в значении являются основным элементом содержания курса русского языка в культуроведческом аспекте» [4,119]. К подобным единицам, по мнению Т.Ф. Новиковой, относятся «безэквивалентные слова и устойчивые выражения; диалектизмы и регионализмы; названия этнографических реалий, предметов быта; артефакты и знаки национальной культуры; названия праздников, природных явлений, примет; названия реалий, отражающих административно-территориальное устройство, топонимы, микротопонимы, антропонимы, историзмы, названия исторических событий» [4,121].

Исследователями замечено, что «использование культуроведческой информации обеспечивает повышение познавательной активности учащихся, расширяет их коммуникативные возможности, благоприятствует созданию положительной мотивации, способствует решению воспитательных задач» [6, 52; 1; 3; 8; 9; 10].

Ознакомление с паремиологическим фондом русского языка развивает логическое мышление и память обучающихся, повышает культуру речи, обеспечивает повышение эффективности усвоения грамматики, формирует понимание специфики языка. Употребление паремиологических единиц в речевой деятельности обучающихся позволяет ясно, доступно и выразительно формулировать и выражать мысли и чувства, т.е. окрашивает и обогащает речь.

Паремийный ономастикон выступает важным звеном в реализации формирования культуроведческой компетенции обучающихся, так как «в настоящее время изучение языка, его системы и структуры протекает в русле изучения человека как носителя языка» [5, 134].

Антропоним, являясь составным элементом содержания пословиц и поговорок, раскрывает этническое своеобразие русского языка и культуры. Пословицы и поговорки, в состав которых входят антропологические единицы, имеют яркую национальную окраску. Онимы, функционирующие в паремиях, выступая в качестве имени собственного, имея уже не прямое, а переносное значение, обладают богатым ассоциативным рядом и коннотационным полем. Ономастический фонд русского языка занимает важное место в формировании лингвокультурной грамотности обучающихся, составным элементом которой служит не только владение единицами языка, но и этнокультурными коннотациями, присущими этим единицам. Отсюда возникает необходимость уделять особое внимание ономастической части лексики в организации образовательной деятельности обучающихся для формирования и развития у них лингвокультурологической компетенции.

Обоснование значимости организации работы по формированию лингвокультурной компетенции обусловлено и тем обстоятельством, что процесс реализации обучения ономастической лексике на занятиях по русскому языку занимает, по мнению исследователей,

важное место, так как «ономастический компонент лексикона ... представляет интерес как в онтологическом, так и в лингвометодическом аспектах» [2, 156].

Как пишет В.И. Супрун, «имена собственные ребенок узнает уже в детском возрасте от своих близких вместе с другими сведениями об окружающем мире, активно используя популярные имена и названия ближайших географических объектов в повседневном общении» [7, 58].

Антропонимы в составе русских паремий могут стать информационно-методической основой для учебной, а также учебно-исследовательской, проектной деятельности в системе современного языкового образования.

Литература:

1. Кульсарина И.Г., Махмутова А.С., Хисамова Г.Г. Художественный текст в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции студентов-филологов при обучении русскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 11. С. 3681-3686.
2. Козлова Л.В. Ономастическая лексика в школьном изучении / Л.В. Козлова // Русское слово в контексте культуры: материалы конференции, посвященной 190-летию Ф.И. Буслаева. – Орел: ООО «Издательский дом «Орлик» и К», 2008. С.155-158.
3. Махмутова А.С. Формирование лингвокультурологической компетенции студентов-башкир на занятиях по истории русского языка. //Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки. Материалы X Международной научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 94-96.
4. Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования. Монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 296 с.
5. Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов педагогических вузов / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос [и др.]; под ред. Е. А. Быстровой. – М.: Дрофа, 2004. – 240 с.
6. Старченко Г.М. Формирование культуроведческой компетенции на уроках русского языка // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. – Новосибирск: ЦРНС, 2012. – № 2. С. 47-52.
7. Супрун В.И. Ономастическая компетенция как параметр языковой личности / В.И. Супрун // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. – Волгоград: Перемена, 1993. С. 58-59.
8. Хисамова Г.Г., Махмутова А.С. Формирование лингвокультурологической компетенции студентов на занятиях по современному русскому языку. //Лингводидактика и лингвокультурология в контексте современного образовательного дискурса. Сборник научно-методических статей по материалам V Международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию кафедры теории языка и методики его преподавания. Уфа, 2023. С. 92-98.
9. Г.Г. Хисамова, Р.Ш. Усманов, А.С. Махмутова, Н.З. Исхакова. О национально-культурной специфике речевого этикета (на материале русского и башкирского языков). // Казанская наука. – №3 – 2025. С. 507-509.
10. Хисамова Г.Г., Махмутова А.С. Инновационные подходы в обучении русскому языку студентов-билингвов// Башкирский язык в полилингвальном образовательном пространстве субъектов Российской Федерации: сборник материалов X Международной научно-методической конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора, Заслуженного работника образования РБ Х.В. Султанбаевой / отв. ред. Г.Р. Абдуллина. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2025. С. 374-378.
11. Шанский Н.М. Школьный курс русского языка (Актуальные проблемы и возможные решения) // Русский язык в школе. – 1993. – № 2. С. 3-9.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УБЕЖДЕНИЯ В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕЧЕЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Судебная речь является одним из наиболее сложных и объемных жанров институционального дискурса, в которых языковые средства выражают особые ценности. По мнению специалистов в речах адвокатов это особенно ярко выражено стратегии и техники убеждения, направленные на воздействие на присяжных с целью вынесения благоприятного вердикта. Убеждение в судебном контексте не является стихийным процессом – это целенаправленная речевая деятельность, подчиняющая себе все языковые уровни: от лексического выбора до интонационного оформления высказывания. Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, англоязычный судебный дискурс, особенно в странах общего права (США, Великобритания, Австралия), отличается высокой степенью риторической насыщенности, что делает его уникальным объектом лингвистического анализа. Во-вторых, несмотря на значительное количество работ по юридической лингвистике, систематизация именно лингвистических средств убеждения в судебной речи остаётся неполной. В-третьих, понимание этих средств необходимо для эффективного обучения юридическому английскому языку и межкультурной коммуникации в правовой сфере.

Судебный дискурс является разновидностью институционального дискурса, который характеризуется строгой регламентацией и огромной ответственностью за речевые действия. Как отмечается в научной литературе, судебный дискурс по своей природе является интерактивным и убеждающим, что обуславливает необходимость использования метадискурса как мощного аналитического инструмента. В странах общего права (common law) система судопроизводства базируется на состязательности сторон, что создаёт благоприятную почву для развития риторического мастерства. Стороны защиты и обвинения выступают не просто как носители фактов, они являются рассказчиками, конструкторами альтернативных версий реальности. В данном контексте языковые средства приобретают важное значение: убедительность речи напрямую зависит от того, насколько искусно говорящий владеет арсеналом риторических и лингвистических приёмов. В современной лингвистике изучение убеждения в судебном дискурсе опирается на несколько теоретических парадигм. Классической основой служит аристотелевская триада этоса (характер и авторитет оратора), логоса (логическая аргументация) и пафоса (эмоциональное воздействие). Как показывают исследования, адвокаты в своих заключительных речах обращаются одновременно к рациональности и эмоциям судей, а также конструируют положительную идентичность самих себя, создавая при этом образ инаковости и негативности для оппонентов. Важное место занимает и метадискурсивный подход, который акцентирует внимание на средствах организации текста и управления вниманием аудитории. Метадискурсивные маркеры в англоязычном судебном дискурсе способствуют реализации категории убеждения, облегчению процесса интерпретации высказываний, маркируя смену темы и выражая отношение говорящего к пропозициональному содержанию. Психолингвистическое направление базируется на изучении просодических и лексических средств прямого воздействия. В британском варианте английского языка были выделены специфические просодические характеристики, реализующие убеждение как вид речевого воздействия в судебных высказываниях. При проведении анализа судебной речи необходимо учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Иллокутивная цель

отправителя речи определяет выбор языковых средств: если целью адресата является убеждение, исследователи выделяют такие средства, как предложения с одинаковой структурой, номинализация, двойное отрицание, экстрапозиция и предложения с вводным *there*. Важно подчеркнуть, что эти средства не изолированы, а интегрируются в общую стратегию убеждения, которая может варьироваться в зависимости от процессуального статуса участника (обвинитель или защитник) и конкретной ситуации судебного разбирательства.

На основе анализа научной литературы и эмпирического материала можно выделить четыре основные группы лингвистических средств убеждения в англоязычных судебных речах: метадискурсивные маркеры, нарративные стратегии, стилистические и риторические приёмы, а также прагматические средства. Метадискурсивные маркеры занимают особое место среди средств убеждения, поскольку они не столько передают фактическое содержание, сколько организуют дискурс и выражают отношение говорящего к излагаемому материалу и аудитории. В англоязычном судебном дискурсе исследователи выделяют две основные категории метадискурсивных маркеров: интерактивные (организующие структуру текста) и маркеры воздействия (выражающие оценку и вовлекающие адресата). К интерактивным маркерам относятся средства, указывающие на последовательность изложения, логические связи между частями речи и смену темы. Например: *First, let us consider the evidence...* – маркер порядка изложения; *Turning now to the question of motive...* – указатель смены темы. Маркеры воздействия включают такие средства, как усилители (boosters): *undoubtedly, clearly, beyond any reasonable doubt*; хеджи (hedges): *it seems that, perhaps, it is possible that*; средства вовлечения аудитории: *you will recall, as you know, consider this*. Интересно отметить, что чрезмерное использование хеджей может снижать убедительность речи, так как воспринимается как проявление «бессильного языка» (*powerless language*). Исследования Б. Эриксона показали, что показания, содержащие частое употребление интенсификаторов, хеджей, форм колебания, вопросительных интонаций и гиперформальности, воспринимаются как менее заслуживающие доверия.

Одним из наиболее эффективных лингвистических средств убеждения в судебной речи является нарратив – конструирование связного, хронологически организованного и эмоционально насыщенного повествования. Как отмечают исследователи, в системе общего права судебные процессы строятся вокруг конкурирующих нарративов, представляемых противостоящими адвокатами. Использование нарратива в судебной речи служит нескольким целям. Во-первых, нарратив делает информацию более запоминающейся и доступной для восприятия присяжными, которые не являются профессиональными юристами. Во-вторых, через нарратив адвокат может имплицитно вводить эмоционально окрашенные детали, которые трудно было бы представить в форме сухих фактов. В-третьих, нарратив позволяет адвокату «озадачить» присяжных, заставляя их воспринимать излагаемую версию как единственно логичную и естественную. Анализ вступительной речи королевского прокурора в деле об убийстве, проведённый К. Липовски с использованием системно-функциональной лингвистики (М. А. К. Халлидей), показал, что убедительность нарратива достигается через его специфическую риторическую организацию и избыточную спецификацию ориентационной информации, а также через цитирование участников, обладающих личным опытом в отношении описываемых событий. Кроме того, прокурор использует личные местоимения второго лица (*you*), чтобы вовлечь присяжных в повествование, а также дифференцированное именование участников преступления для создания нужного эмоционального контекста. Исследование также выявило диалогическую и гетероглоссную природу состязательного судебного процесса, в котором адвокат одновременно ссылается на ранее сказанное и пытается предвосхитить реакцию присяжных, чей голос – вердикт – будет последним словом. Метафора часто служит инструментом усиления нарративного воздействия. Образная аналогия при произнесении заключительной речи может помочь слушателю согласиться с доводами оратора в терминах нарратива, позволяя ему подсознательно прийти к желаемому для адвоката выводу. Например, использование

метафоры «преступление как болезнь» позволяет представить преступника как нуждающегося в «лечении», а не в наказании, что может повлиять на приговор.

В арсенале англоязычных судебных ораторов широко представлены классические стилистические и риторические приёмы. Сравнительное исследование русскоязычных, казахскоязычных и англоязычных судебных речей показало, что американские юристы предпочитают сочетание сочинительной и подчинительной аргументации, в то время как русскоязычные ораторы чаще прибегают к множественной и сочинительной. Кроме того, в речах американских юристов ярко выражены модальность, персональность и тактика прямого обращения, что способствует привлечению внимания и установлению контакта с аудиторией. К числу наиболее частотных риторических приёмов относятся: риторические вопросы (они служат не для получения информации, а для имплицитного утверждения позиции оратора и вовлечения аудитории в процесс размышления; например, *Would an innocent man have acted in this way?*); параллелизм и анафора (повторение одинаковых синтаксических структур создаёт ритмический рисунок речи, усиливает убедительность и облегчает запоминание ключевых тезисов; классический пример из английской судебной риторики: *She was afraid. She was alone. She was helpless.* - создание пафоса); противопоставление (антитеза) - противопоставление двух взаимосвязанных идей подчёркивает выбор, который стоит перед судом: *This is not a case of self-defence - this is a case of cold-blooded murder*; трёхчастные конструкции - в англоязычной риторике широко используется «правило трёх» (*veni, vidi, vici*), три элемента воспринимаются как завершённый и убедительный блок информации: *He had the means, the motive, and the opportunity*; повтор (*repetition*) - как отмечают Алан Дюран и Дженни Лён, в судебной практике применяются такие прагматические техники, как стратегическое использование прерывания, повторов, наложения речевых потоков и драматического молчания; повтор ключевых слов и фраз служит для имплицитного внедрения в сознание присяжных основных тезисов обвинения или защиты. Анализ пяти стратегий аргументации в судебном дискурсе - лексического выбора, вопросно-ответных конструкций, противопоставительной аргументации, риторических вопросов и заранее продуманной аргументации - показывает, что адвокаты и стороны

процесса используют разнообразные стратегии для воздействия на реципиентов с целью убедить суд в обоснованности своих позиций. Сила убедительности целиком зависит от способности использовать различные стратегии аргументации, а язык является ключевым элементом понимания правовых аргументов в суде.

Прагматический аспект убеждения связан прежде всего с учётом характеристик аудитории и выбором соответствующего речевого стиля. Как указывается в научной литературе, один из способов выглядеть симпатичным в судебном контексте - это лингвистически подстроиться к присяжным, поскольку психологические исследования показывают, что люди симпатизируют тем, кто на них похож. Адвокаты могут также укреплять доверие, делая акцент на информации, которая соответствует системе ценностей аудитории, и лишь затем постепенно вводя аргументы, которые в изолированном виде могли бы вызвать отторжение. Исследования Уильяма О'Барра и его коллег показали, что речевые стили в суде коварируют с социальным статусом и властью говорящего. Мощный стиль (*powerful style*) характеризуется отсутствием хеджирований, колебаний и лишних интенсификаторов и воспринимается как более убедительный. Напротив, бессильный стиль (*powerless style*), включающий такие элементы, как частые хеджи (*I think, maybe, sort of*), колебания (*well, um*), вопросные интонации в утвердительных предложениях и чрезмерная вежливость, ведёт к снижению доверия к говорящему. Гендерный аспект также играет роль в восприятии убедительности. Исследования показывают, что мощный стиль способствует большей убедительности по сравнению с бессильным стилем. При этом существуют эксперименты, указывающие на то, что женщины могут не иметь возможности использовать убедительную силу выражения гнева в суде, что потенциально влияет на их профессиональное продвижение.

Сравнительный анализ русскоязычного и англоязычного судебного дискурса выявляет

как сходные, так и различные черты в использовании средств убеждения. Исследование, проведённое И. О. Окуневой, описывает не только сходные приёмы, но и специфические особенности построения стратегий убеждения, а также выбор соответствующих языковых средств носителями двух языков. Разница базовых ценностных стереотипов, к которым зачастую неосознанно апеллируют ораторы-носители языка и культуры, остаётся незамеченной для неносителей языка при построении речи на иностранном языке. Учёт культурно обусловленных морально-нравственных ценностей и архетипов позволяет усилить аргументацию и эффективность риторических и психологических приёмов убеждения в судебной речи. Например, американские юристы более свободны в выражении собственного мнения и активно используют приёмы прямого обращения и эмоциональной оценки. Это соответствует общей тенденции американской судебной риторики, где убеждение часто строится на пафосе и установлении личного контакта с присяжными. В то же время чрезмерное использование некоторых языковых средств может ослабить степень воздействия и снизить доверие аудитории к оратору.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов об особенностях функционирования лингвистических средств убеждения в англоязычном судебном дискурсе. Деятельность адвоката в суде – это прежде всего речевая деятельность, направленная на убеждение. Убеждение в судебной речи реализуется на всех языковых уровнях – от фонетического и просодического до лексического, синтаксического и прагматического. В статье выделены и систематизированы четыре основные группы лингвистических средств убеждения: метадискурсивные маркеры (интерактивные маркеры и маркеры воздействия, которые организуют дискурс, выражают отношение говорящего к содержанию и управляют вниманием аудитории); нарративные стратегии (конструирование убедительного повествования как альтернативы простому перечислению фактов); стилистические и риторические приёмы (риторические вопросы, параллелизм, анафора, противопоставление, трёхчастные конструкции и повторы); прагматические средства (учёт характеристик аудитории, выбор мощного речевого стиля, адаптация к ценностям присяжных). Успешность убеждения в англоязычном судебном дискурсе зависит от комплексного использования всех этих средств. Как отмечается в научной литературе, именно «язык является crucial элементом в понимании правовых аргументов в судах». Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов в преподавании юридического английского языка, в подготовке специалистов в области права и лингвистики, а также в практической деятельности юристов, выступающих в судах с речами. Особый интерес представляет межкультурный аспект: понимание культурно обусловленных особенностей использования языковых средств убеждения необходимо при подготовке речей для англоязычной аудитории неносителями языка. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются более детальный анализ просодических средств реализации убеждения, а также изучение эволюции лингвистических средств убеждения в исторической перспективе – от классической античной риторики до современных судебных практик.

Литература:

1. Окунева И. О. Юридический дискурс: риторические и психологические приемы убеждения в судебной речи носителей русского и английского языков // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2022. – № 3. – С. 121-137.
2. Авакова М. Л., Будняя О. Н. Метадискурсивные маркеры как средства реализации категории убеждения в англоязычном судебном дискурсе // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metadiskursivnye-markery-kak-sredstva-realizatsii-kategorii-ubezhdeniya-v-angloyazychnom-sudebnom-diskurse>.
3. Hayrapetyan Z. Linguistic Properties of Lawyers' Speech: A Case Study // Armenian Folia Anglistika. – 2025. – Vol. 21, No. 1. – P. 53-64.
4. Lipovsky C. Storytelling in Legal Settings: A Case Study from a Crown Prosecutor's Opening Statement // Australian Review of Applied Linguistics. – 2017. – Vol. 40, No. 1. – P. 71-91.
5. Hayrapetyan Z. Derek Chauvin's Trial: a Linguistic and Rhetorical Analysis of the

Court Case // Foreign Languages in Higher Education. – 2024. – Vol. 28, No. 1. – P. 24-42.

6. Alkabiri M. A. Argumentation Strategies in Courtroom Discourse // World Journal of English Language. – 2024. – Vol. 14, No. 2. – P. 366–376.

7. Durant A., Leung J. Linguistic Strategies Used by Lawyers // Language and Law: A Resource Book for Students. – London: Routledge, 2016. – Chapter 17.

8. Никифорова Э. Ш. Основные характеристики аргументативно-суггестивных текстов (на примере текстов судебной риторики) // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-argumentativno-suggestivnyh-tekstov-na-primere-tekstov-sudebnoy-ritoriki>.

9. Onyemelukwe N. H., Abaya H. D. Persuasive Strategies in Court Room Discourse // Nigerian Journal of Literacy and English Education. – 2024. – Vol. 2, No. 1. – P. 105-111.

10. Hanne M., Weisberg R. (eds.) Narrative and Metaphor in the Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 426 p.

11. Khisamova D.D. Linguistic World Pictures of an Elitist Linguistic Personality (Based On The Works Of Yu. Lotman) Modern Journal Of Language Teaching Methods. – 2019. – С.61-69.

© Насырова А.З., Хисамова Д.Д., 2026

УДК 811.161.1

Нафикова С.Р.,
канд. филол. наук, научный сотрудник ИИЯЛ УФИЦ РАН,
Гумашева Г.М.,
канд. филол. наук, научный сотрудник ИИЯЛ УФИЦ РАН,
г. Уфа, Россия

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

Своеобразие художественного текста определяется эстетической функцией, предусматривающей особую художественную организацию языкового материала литературных произведений, в результате которой происходит целенаправленное использование всех элементов языка для создания художественного образа. Следовательно, художественный текст – это не прямое воспроизведение реального мира, а его художественно-образное отражение. Однако постулаты речевого общения универсальны как для спонтанного общения, так и для воспроизведения диалогов в художественном тексте. Хотя художественный текст имитирует действительность, создавая вторичную реальность, законы порождения и восприятия «реального» текста сохраняются; отличие заключается лишь в степени обработанности текста.

Одной из основных особенностей художественного текста как единицы эстетической коммуникации является его абсолютно антропоцентрический характер. Антропоцентрическая направленность художественного текста реализуется через систему отношений «автор – герой – читатель». Ведущую категорию в данной триаде представляет «образ автора, объединяющий всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющийся идейно-стилистическим сосредоточием, фокусом целого» [3: 118]. Образ автора определяет все элементы структуры: тему, идею, композицию, отбор и организацию языковых средств. Автор выражает свое отношение к действительности сквозь призму восприятия персонажей. В то же время он ориентируется на читателя (адресата), роль которого важна, так как всё в тексте подчинено выражению авторской интенции, направленной на читателя. Следовательно, образ автора определяется следующими факторами: «1) целевой установкой, которую автор ставит перед собой, раскрывая свое видение мира; 2) опосредованным проявлением данной целевой установки через призму восприятия персонажами окружающей действительности; 3) подключением читателя к авторскому видению мира» [4: 40].

Отношения между автором и действующими лицами могут развиваться в структуре художественного текста в виде двух противоположных тенденций: «1) преобладания объективного «авторского» голоса и голосов героев, преобразованных автором, и 2) имитации «подлинного» действия персонажей. В первом случае художественная картина мира создается на

основе строя авторской речи и данный способ ведения повествования определяется как аукториальный, во втором случае преобладает разговорная ситуативная речь персонажей, что указывает на субъективированный (персонифицированный) тип повествования» [7: 95].

Оба способа ведения повествования имеют специфические черты показа действующих лиц художественного произведения. Для первого характерно прямое изображение персонажей в авторской речи, когда сам автор описывает поступки, взаимоотношения героев, их внешность. При втором способе возникает косвенное, опосредованное изображение действующих лиц в авторской речи, развиваемое в системе способов передачи речи персонажей, но имеющее элементы выражения в авторской речи. Следовательно, выделяются два основных речевых потока художественного текста: авторский и персонажный. Последний неоднороден: герой произведения говорит, выражая свои суждения во внешней, звучащей диалогической или монологической речи, или действующее лицо о чем-то думает, не проговаривая свои мысли вслух. Они в произведении выражены в форме внутренней речи. Наряду с названными, есть еще контаминированное (смешанное) изложение, в котором присутствуют и герой, и автор, что образует несобственно-прямую речь.

Таким образом, художественный прозаический текст носит гетерогенный характер: он характеризуется «наличием нескольких сквозных, пространственно рассредоточенных, относительно автономных в языковом отношении «малых текстов», каждый из которых семантически и формально объединяется образом автора и/или персонажа и в процессе своего формирования реализует разные соотношения субъективных и объективных факторов» [10: 154].

Литературный персонаж создается на основе авторской и персонажной речи и в зоне их взаимодействия: «Для авторской речи характерно как прямое изображение персонажей – через описание их внешности, действий, поступков, так и косвенное – через описание связанных с ними событий, обстановки, вещей, явлений природы. Персонажной речи, реализующейся в художественном тексте с помощью различных способов передачи речи героев, свойственно прямое изображение действующих лиц – «через их собственную речь и через высказывания их друг о друге» [1: 59].

Речевое поведение персонажа является одной из важнейших составляющих сферы персонажа в художественном тексте. Оно соотносится с такими понятиями, как «речевой портрет», «речевая характеристика», «речевое воплощение образа»

Проблема речевой характеристики персонажей художественных произведений в лингвистике отнюдь не нова [13]. Не меньшую значимость приобретают различные аспекты речевого портретирования персонажей [10]. Однако в лингвистических исследованиях термины «речевая характеристика» и «речевой портрет» трактуются по-разному. Данные термины используются в качестве синонимов. По мнению Е.А. Гончаровой, «основная функция прямой речи в художественном произведении – индивидуализированный и одновременно с этим типизированный показ действующих лиц средствами их собственной речи, то есть создание речевой характеристики, или речевого портрета, персонажа» [5: 103-104]. При этом выделяется три типа речевой характеристики персонажей: 1) «по способу выражения (содержанию реплик и специфической организации языковых средств); 2) по источнику получения сведений о герое (самохарактеристике героя и характеристике героя другими персонажами); 3) в зависимости от цели речевой характеристики (национальная, социальная, профессиональная, психологическая речевая характеристика)» [8: 40-41].

В ряде работ термины «речевая характеристика» и «речевой портрет» разграничиваются: «Второй из терминов предполагает совокупность речевых особенностей героя, дающих яркое представление о персонаже, его речевом поведении и миропонимании, так как термин «речевая характеристика» может включать черты не только характерологически значимые, но и случайные, эпизодические» [9: 180].

Особенности речевого поведения персонажа проявляются в тексте через речевое выражение его намерений, действий, высказываний, состояния, отношения к другим лицам, восприятия, интерпретации событий. Именно речевое поведение персонажа дает представление о языковой личности, а также о характерных речевых стратегиях и тактиках персонажа.

Отметим, что в современном литературоведении особое внимание уделяется понятию авторского инварианта, то есть устойчивой совокупности индивидуально-авторских черт, которые проявляются в разных произведениях одного писателя. Устойчивые языковые предпочтения автора, его излюбленные синтаксические конструкции и лексические единицы формируют уникальный фильтр, через который преломляется художественная речь как самого автора-повествователя, так и его персонажей, что становится ключом к пониманию неповторимого художественного мира писателя [14].

Одной из важнейших особенностей сферы персонажа в художественном тексте является речевое воплощение образа. Как считает И.В. Артюшков, именно речевое воплощение образа предполагает

учет не только персонажного, но и авторского речевых сегментов в их взаимодействии: «Речевое воплощение образа – это, во-первых, совокупность всех фрагментов художественного текста, представляющих речь персонажа (внешнюю и внутреннюю) и соотносительных с ним как с субъектом речи, во-вторых, совокупность тех фрагментов авторского повествования, которые характеризуют речевую манеру персонажа, особенности развертывания его мысли, пересказывают содержание его сознания в речи» [1: 60].

Для выявления языковых средств изображения действующих лиц необходимо разложение структуры текста литературного произведения на два относительно самостоятельных сегмента – авторский и персонажный.

Авторскую речь образуют все фрагменты текста, в которых автор обращается к читателю от себя, а текстовые фрагменты, в которых автор обращается от лица персонажей, называются персонажной речью. Сколько бы ни насыщалась речь персонажа разного рода характерологическими компонентами, сколько бы ни приближалась к образцам реальной действительности, она всегда остается созданием писателя.

Главное, что определяет различия между языковыми сферами автора, рассказчика и персонажей, – это точка видения, которая обуславливает композиционные особенности развертывания и состав словесных рядов, образующих эти взаимодействующие сферы.

Смещение точки видения из авторской сферы в сферу персонажа, субъекта именуется «субъективацией авторского повествования» [6; 11]. Соотношение «объективированного» и «субъективированного» авторского повествования в произведении словесности зависит от индивидуальной манеры писателя, его замысла, особенностей изображаемых событий. Многим исследователям «субъективированное» изображение представляется более достоверным, чем «объективированное» изображение с «авторской» точки видения [6: 205].

К приемам субъективации относят прямую речь, несобственно-прямую и внутреннюю речь.

Прямая речь представляет собой воспроизведенное дословно автором текста чужое высказывание и реализуется в виде диалогов и монологов. То, что персонаж заявляет от своего имени, является его самохарактеристикой. Вне зависимости от смыслового содержания реплики она многоаспектно характеризует говорящего, выявляя его общую культуру, социальный статус, профессиональную принадлежность и т.д.

Все реплики персонажа составляют его речевую партию и являются формой репрезентации речевого поведения.

Прямая речь, как уже говорилось, является формой косвенного выражения авторских мыслей по поводу происходящих событий в жизни литературного героя: «Прямая речь есть представленный в виде диалога монолог автора» [13: 188].

Персонажная речь неоднородна: герой может выражать свои суждения во внешней, диалогической речи, с одной стороны, во внутренней речи, передающей внутренние мысли и чувства персонажа, «когда автор полностью, как в диалоге, уходит, предоставляя герою самому излагать свои размышления», с другой [10: 161]. Создается эффект достоверности, непосредственности участия читателя в мыслительном процессе, то есть причастности к эмоционально-психологической, внутренней жизни персонажа. Отражающая ее внутренняя речь входит в текст произведения как составляющая речевой партии персонажа, наряду с диалогической (внешней, произнесенной).

Наряду с названными, существует и смешанное изложение, в котором соединяются два субъектно-речевых плана – и автора, и персонажа. Это несобственно-прямая речь, представляющая собой литературный прием, с помощью которого писатель может вводить специфическую речь героев в авторское повествование. В таких случаях «автор как бы перевоплощается в своих героев и, рассказывая об их мыслях, передавая их речь, прибегает к тем грамматическим, лексическим и фразеологическим средствам, к которым прибегали бы его герои в изображаемой ситуации» [2: 251].

Провести четкую границу между авторским голосом и голосом персонажа в несобственно-прямой речи бывает достаточно сложно, так как они бывают тесно переплетены. Несмотря на определенную дистанцированность несобственно-прямой речи от персонажа, ее можно объединить с типами изложения, непосредственно заявляющими его точку зрения, – диалогической и внутренней речью. Следовательно, позиция героя, его самораскрытие преобладают в тексте по сравнению с авторской речью, что согласуется с центральным положением персонажа во всей образной системе произведения.

Литература:

1. Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого). – М.: Изд-во МГПУ, 2003. – 347 с.

2. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В трех частях. Часть III. Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
4. Гаибова М.Т. Прагмалингвистический анализ художественного текста. – Баку, 1986. – 380 с.
5. Гончарова Е.А. Пути стилистического выражения категорий автор–персонаж в художественном тексте. – Томск: Изд-во Томского пединститута, 1984. – 206 с.
6. Горшков А.И. Русская стилистика: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2001. – 364 с.
7. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 1989. – 206 с.
8. Ковалевская Е.Г. Анализ текстов художественных произведений. – Л., 1976. – 54 с.
9. Колокольцева Т.Н. Конструкции разговорного синтаксиса как основа речевого портрета персонажей // Язык как система и деятельность – 3: Материалы Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2012. – С. 180-182.
10. Кухаренко В.А. Стилистическая организация текста художественного произведения // Лингвистика текста: Материалы научной конференции. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 150-154.
11. Нафикова С.Р., Хисамова Г.Г. Речевое поведение персонажа в художественном тексте: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 116 с.
12. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 263 с.
13. Полищук Г.Г. Речевое поведение в структуре художественного текста // Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – С. 152-157.
14. Полякова Е.В. Авторский инвариант произведений русской литературы // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2023. – № 4. – С. 67-72.

© Нафикова С.Р., Гимашева Г.М., 2026

УДК 81'26

Ни Сыюй

Преподаватель,

г. Гуанчжоу, КНР

Фаткуллина Ф.Г.

д. филол. наук, проф., УУНУТ,

г. Уфа, Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ВЕСЕННЕГО ПЕЙЗАЖА В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА М.И. БАСМАНОВЫМ СТИХОТВОРЕНИЯ СУ ШИ «ДЕЛЯНЬХУА»)

В статье сопоставляется оригинальное стихотворение Су Ши «Деляньхуа» и его русский перевод, выполненный М.И. Басмановым. Переводческая стратегия Басманова (так называемый «образный перевод») контрастирует с «научно-художественным переводом» В.М. Алексеева. Центральной линией анализа выбрана лексика, описывающая природные ландшафты. Рассматриваются достоинства перевода в создании лирической атмосферы и неизбежные смысловые потери, вызванные культурными различиями. Делается вывод, что подход Басманова, ориентированный на широкую русскоязычную аудиторию, представляет собой ценный опыт в рамках китайско-русского литературного обмена.

Су Ши (1037–1101) – выдающийся китайский поэт. Стихотворение в жанре цы «Деляньхуа», написанное в период ссылки, сочетает философскую глубину с тонкой эмоциональностью. Через образы падающих лепестков и первой зелени абрикосов передаётся чувство сожаления об уходящей весне и спокойное принятие, рождённое житейской мудростью.

Перевод Михаила Ивановича Басманова исследователи обычно называют «образным переводом». Проще говоря, он не стремился к «буквальному переводу», который соответствовал бы слову за слово или строке за строку, а сосредоточился на том, как передать на русский язык общую визуальную образность и эмоциональную атмосферу оригинала. Этот подход существенно отличается от подхода академика Алексеева: Алексеев выступал за то, чтобы сначала досконально понять исходный текст, а затем максимально точно воспроизвести на русском языке его содержание и даже музыкальность, приближаясь к переводу, сочетающему «науку и искусство». Как сообщается в «Вечерней газете Нанькайского университета»:

巴斯曼诺夫翻译中国诗词，跟汉学家阿列克谢耶夫以及他的学生艾德林译中国诗词有鲜明的区别。阿列克谢耶夫译中国诗词，主张科学的艺术翻译方法，所谓科学，指内容的忠实，而强调艺术性，指重视诗歌的句式、音乐性。也就是说，阿列克谢耶夫尊重诗人和他们的作品，总是把原作放在第一位。巴斯曼诺夫却不是这样，他往往主观地确定一种形式。[2] (перевод китайской поэзии, выполненный Басмановым, резко контрастирует с переводами синолога Алексеева и его ученика Эдлина. В переводе китайской поэзии Алексеев отстаивает научно-художественный подход. Под «научным» он понимает верность содержанию, а под «художественным» — внимание к форме и музыкальности стиха. Иными словами, Алексеев уважает поэтов и их произведения, всегда ставя на первое место оригинальный текст. Басманов же не следует этому подходу; он часто субъективно определяет форму).

Басманов больше заботится о том, чтобы русские читатели почувствовали, что «это хорошее стихотворение», а не то, что «это русское стихотворение, напоминающее китайское». Данная статья анализирует его трактовку описаний природы – где переводчик улавливает суть, а где утрачивается оригинальный колорит [1; 2].

Ниже приводится сопоставление стихотворения Су Ши и перевода Басманова.

Оригинал	Перевод[3]
花褪残红青杏小。	Сад отцвел. Лишь краснеют еще, Абрикоса цветы кое-где.
燕子来时，绿水人家绕。	Возвращаются ласточки в дом, Отраженный в зеленой воде.
枝上柳绵吹又少。	Ветер с каждым порывом сильнее Ивы пух он уносит с собой.
天涯何处无芳草！	В рост пошла молодая трава, Все покрылось душистой травой.
墙里秋千墙外道。	За стеною – с качелями двор, Здесь дорога у самой стены,
墙外行人，墙里佳人笑。	И доносится до меня, Смех красавиц с той стороны.
笑渐不闻声渐悄。	Но стихают их голоса, Отдаляется смех озорной...
多情却被无情恼。	Я расчувствовался совсем, Только им не все ли равно?

Вывод: перевод Басманова – не филологический в строгом смысле, а переложенное на русский язык стихотворение, созданное под влиянием оригинала. Его цель – обеспечить полноценный опыт чтения на русском языке.

Мы проанализируем перевод, обратив внимание на следующие моменты.

«Адаптация» ритма и формы. Оригинальная метрическая структура цы, связанная с тональной системой китайского языка, практически непереводаима. Басманов выбрал самый привычный для русского уха ямб с чередованием четырёхстопных и трёхстопных строк. Это стратегия «локализации»: формальная оболочка чужой культуры заменена знакомым ритмическим одеянием. Плата – потеря формальных тонкостей жанра цы.

Ключевые изменения на лексическом уровне. Строка «花褪残红青杏小» (семь иероглифов: цветы увядают, остаётся намёк на красный, появляются маленькие зелёные абрикосы) передана как «Сад отцвел. Лишь краснеют еще / Абрикоса цветы кое-где». Напряжение между увядающим красным и только что пробивающейся зеленью абрикосов исчезло; тонкий контраст старого и нового сглажен.

Строка «绿水人家绕» – иероглиф «绕» (извиваться) создаёт образ движущейся воды, огибающей жилища. Басманов переводит «Отраженный в зеленой воде», устраняя глагол и превращая сцену в статичное отражение. Добавлены ласточки («Возвращаются ласточки в дом»), которых нет в оригинале. Красота переосмыслена, но утрачена безмятежность оригинала.

Финальная строка «多情却被无情恼» – философская максима общечеловеческого значения: нежные сердцем вечно обеспокоены чёрствыми. Басманов переводит «Я расчувствовался совсем, / Только им не все ли равно?», возвращая обобщённое чувство к конкретной сцене. Философская глубина приглушена, но история становится более близкой и понятной русским читателям.

Сохранение и утрата системы образов. В оригинале присутствует чёткая структурная рамка контрастов (внутри и снаружи стены, звук и тишина, страсть и равнодушие). Басманов в значительной степени её сохранил. Однако иероглиф «墙» (стена) встречается в оригинале четыре раза, почти становясь центральным образом, а в переводе – только дважды («за стеной», «у самой стены»). Это ослабляет воздействие образа. Возможно, причина в разнице риторических норм: в китайской поэзии повтор намеренно усиливает эффект, в русской – без специальной цели воспринимается как бедность речи.

Компромисс между конкретизацией и абстракцией. Систематизация подходов к пейзажной лексике:

- 花褪残红: «Сад отцвел» – генерализация
- 青杏小: «Абрикоса цветы кое-где» – смысловая замена
- 绿水人家绕: «Отраженный в зеленой воде» – смещение акцента
- 柳绵: «Ивы пух» – точный перевод
- 芳草: «душистой травой» – точный перевод

Закономерность: когда у образности исходного слова есть готовый эквивалент в русском языке, Басманов переводит буквально; при столкновении с предельно сжатыми выражениями, опирающимися на контекст, он заменяет их более общими формулировками, понятными русскому читателю.

Естественная утрата культурной подоплёки. В классической китайской поэзии пейзажи никогда не являются просто пейзажами. «Увядающие цветы» означают недолговечность прекрасного и уходящую молодость; «зелёные абрикосы» намекают на незрелое, терпкое состояние жизни; «ласточки» – двойной символ весны и дома; «ивовые серёжки» метафорически описывают жизнь, несущуюся по течению. Басманов не объясняет эти нюансы (что нарушило бы течение стиха), а заменяет их образностью на русском языке, вызывающей сходные эмоции. Меланхолия уходящей весны передана, хотя специфические китайские коннотации утрачены.

Возникновение нового поэтического пространства. Перевод Басманова обладает собственной ценностью: он действительно становится русским стихотворением. Строки «Ветер с каждым порывом сильнее – / Ивы пух он уносит с собой» органично вписались бы в сборники поэтов Серебряного века. Басманов не столько «перенёс» Су Ши в русский язык, сколько, заимствуя темы и эмоции, «заново вырастил» стихотворение на русском языке. Облик и характер стихотворения носят отчётливо русский отпечаток.

Однако с точки зрения реальной эффективности культурного обмена Басманов совершил нечто очень важное: посредством цельного и трогательного русского стихотворения он позволил русским читателям ощутить эмоциональное ядро «Деляньхуа» Су Ши. Его перевод — это не исходный текст для изучения синологами, а произведение, предназначенное для чтения любителями литературы. В переводческом сообществе на самом деле очень мало переводчиков, способных достичь такого.

费德林也给出了较高的评价：“巴斯曼诺夫的译文表现出了一位东方学家和一位诗人少有的结合，这是追求等值的翻译，而非语言替代。”[1:16]（Феделин также высказал высокую оценку: «Перевод Басманова демонстрирует редкое сочетание востоковеда и поэта; это перевод, который стремится к эквивалентности, а не к языковой подстановке»）[4; 5].

Вклад и ограничения образного перевода. Если мерить «точностью информации», в переводе много неточностей. Если мерить «эстетическим воздействием» – перевод позволил огромному числу русских читателей ощутить тонкость и меланхолию лирики Су Ши. Филолог Федоренко высоко оценил перевод Басманова как демонстрирующий «редкое сочетание востоковеда и поэта; это перевод, который стремится к эквивалентности, а не к языковой подстановке».

Стратегия Басманова по своей сути является коммуникативной стратегией, нацеленной на массового читателя. Она идёт на компромисс в «культурной точности», но добивается успеха в «эстетической передаче». Она, возможно, не позволяет русским в полной мере оценить все тонкости оригинала, но успешно доносит, что Су Ши – поэт, достойный прочтения. Эта смесь приобретений и потерь – норма в межкультурном поэтическом переводе. Выбор Басманова был ясным и решительным, и его работа находит читателей по сей день.

Литература:

1. Воробьев В.В., Фаткуллина, Ф.Г., Кужугет Ш.Ю. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы, 2023, №. 4. С. 153-170. DOI: 10.25178/nit.2023.4.11 / <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1278/1593>.
2. Ни Сыной, Фаткуллина Ф.Г. Трудности при переводе пейзажной лексики с русского языка на китайский // Вестник башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Серия: Филологические науки. 2025, №2. – С. 22-28. DOI: 10.21510/3034-2694-2025-2-22-35.
3. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. – 127 с.
4. 张淑娟. 巴斯曼诺夫对宋词的翻译 [J]. 俄罗斯文艺, 2016, (01): 11-16. DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2016.01.002. Чжан Шуцзюань. Басманов и перевод сунской лирики // Русская литература и искусство. 2016. № 1. С. 11–16.
5. http://jinwanbaoepaper.enorth.com.cn/jwb/html/2025-10/01/content_87656_2684590.htm.
6. https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=432.

© Ни Сыной, Фаткуллина Ф.Г., 2025

УДК 81'26

Полякова Е. В.,
канд. филол. наук, УУНУТ,
г. Уфа, Россия
Поподько Е. А.,
аналитик УПД, УУНУТ,
г. Уфа, Россия

СКРЫТОЕ ВЛИЯНИЕ: КИТАЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Благодаря раннему развитию письменности, ремёсел, металлургии, земледелия и торговли, китайская цивилизация на протяжении нескольких тысячелетий выступала одним из главных культурных центров, оказывая глубокое влияние на народы Центральной и Восточной Азии. Через торговые пути, дипломатические связи и бытовые контакты элементы китайской культуры проникали к соседним народам, постепенно встраиваясь в их повседневный уклад. Это воздействие было не краткосрочным, а длительным и многосторонним, что ярче всего отразилось в языке – главном носителе исторической памяти [5]. И если общее

культурное влияние Китая широко известно, то его языковое воздействие, в частности на тюркские языки, заслуживает отдельного внимания.

Китайских заимствований в тюркских языках обнаруживается много, однако их научное описание пока нельзя признать исчерпывающим. Более того, по мере углублённого анализа количество выявляемых заимствований продолжает расти. Лучше других исследовано воздействие китайского на уйгурский язык, что объясняется проживанием уйгуров непосредственно на территории Китая или вблизи от неё. Исследователи также подчёркивают, что особенно сильное воздействие китайский язык оказал на восточнотюркскую группу – алтайский, хакасский, тувинский и якутский языки. Помимо древних общетюркских пластов, в этих языках присутствует множество самостоятельных заимствований из китайского.

Под заимствованием обычно понимают как сам процесс перехода языковых единиц из одного языка в другой в результате межязыковых контактов, так и итог этого процесса – перенесённый элемент [2]. Важно понимать, что при заимствовании слова сохраняют свое основное значение и общее звучание, но меняют отдельные звуки. Это объясняется такими явлениями, как уподобление звуков друг другу (ассимиляция), вставка удобных для произношения гласных, а также действие закона сингармонизма (гармонии гласных).

Заимствования из китайского языка в тюркские языки происходили как напрямую, так и через посредников. Прямой способ предполагал непосредственное, часто двуязычное общение: совместное проживание на одной территории, межэтнические браки, рыночную торговлю, военные походы или административное управление [4]. При непосредственных контактах заимствования легче сохраняли исходное значение и быстрее переходили в активную лексику. Опосредованный путь осуществлялся через языки-посредники. Важнейшими передаточными звеньями здесь были согдийский, тохарские, а позднее – монгольский языки. Косвенные заимствования чаще относились к отвлечённой, религиозной или административной лексике, тогда как названия конкретных предметов быта и ремёсел переходили в основном прямым путём.

Значительная часть заимствований в тюркских языках из китайского приходилась на названия повседневных предметов, нередко попадавших в обиход вместе с самими вещами. К таким лексемам относятся, например: *čan* (ёмкость, похожая на стакан), *čanaq* (посуда), *džaj* (жилище, место), *iš ~ is* (труд, занятие), *ütük ~ ötüik* (прибор для глажки белья), *raǰ* (часть, доля), *qar* (мешок), *taǰ* (рассвет, утренняя заря, появление солнца).

Немало тюркских слов, обозначающих различные материалы и металлы, также восходит к китайским корням. Среди них: *altyn ~ altun* (золото), *čini* (фарфор), *čojun* (чугун – это слово присутствует и в русском языке), *indžü ~ indži* (жемчуг), *suǰ ~ suw* (вода).

Все перечисленное – материальные объекты, которые тюркские народы перенимали у китайцев. Однако существовал и пласт нематериальных, духовных заимствований.

Из китайского языка в тюркские пришли такие слова, как: *bitik ~ bičik* (книга), *burqan ~ burhan* (Будда), *čun ~ čin* (правда, подлинный), *küg ~ küj* (напев, музыкальное произведение), *lu ~ luǰ* (дракон), *tuǰ ~ tu* (знамя, стяг), *zaǰ* (обычай, закон).

Отдельную группу составляют китаизмы, связанные с общественным устройством и иерархией: *baqšy ~ baqsy* (народный сказитель), *bek ~ beg* (господин, бек), *čur ~ čora ~ šora* (наследник хана), *jabyu ~ žabyu* (титул верховного властителя), *qaǰan* (правитель), *qam* (шаман), *syǰu* (художник, живописец), *tajšy* (отпрыск знатного рода), *taǰhan* (особый статус, освобождавший от налогов), *tegin* (царевич), *Toǰun ~ tudun ~ turun* (титул наместника области), *tutuǰ ~ tutuq* (военачальник, правитель провинции), *han* (хан), *župan* (чин чиновника) [1].

Приведённые примеры наглядно демонстрируют, что китайские заимствования охватывали практически все сферы жизни древних тюрков – от домашней утвари до сакральных понятий и государственного управления. Любопытно, что одни и те же китайские корни порой проникали в тюркские языки разными хронологическими волнами и через различные языки-посредники, что порождало фонетические дубликаты. Например, варианты *tuǰ* и *tu* 'знамя' отражают разные этапы и пути усвоения: более архаичный сохранил заднеязычный

согласный, а поздний утратил его под влиянием произносительных привычек тюркских народов.

Не менее показателен процесс семантического сужения или расширения. Слово *taŋ*, исходно обозначавшее просто 'утро, рассвет', у некоторых тюркских народов приобрело дополнительное значение 'чудо, неожиданность' – по ассоциации с первым появлением света. А *zaŋ* 'закон, обычай' в современных языках иногда трансформировалось в 'наказание' или 'штраф', что указывает на эволюцию социальных представлений.

Особого внимания заслуживает тот факт, что многие китайские заимствования не сохранились в письменных памятниках, а были реконструированы на основе живых диалектов (диалекты сохраняют черты, которые присутствовали в языке сотни лет назад) и сравнительно-исторического анализа. Схожая картина наблюдается и в истории русского языка: лексика древних контактов с соседними народами часто восстанавливается исключительно по данным современных говоров [3].

Контакты китайцев с тюркоязычными кочевниками нередко происходили на периферии государственных образований, вне контроля официальных переписчиков. Именно поэтому тщательное изучение подобных заимствований может пролить свет на неизвестные страницы взаимодействия оседлых земледельческих империй и мобильных степных обществ.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что китайские заимствования в тюркских языках представляют собой не случайный набор экзотизмов, а системный и стратифицированный пласт, отражающий многовековую историю взаимодействия двух разных цивилизационных миров. Проанализированный материал показывает, что воздействие китайского языка на тюркские было особенно интенсивным в сферах материальной культуры, государственного управления и духовных представлений – именно там, где китайская цивилизация обладала неоспоримыми технологическими и институциональными преимуществами.

В перспективе исследователям предстоит не только углублённо изучать выявленные заимствования, но и уточнять хронологию их проникновения с помощью методов лингвистической географии и датировки по смежным археологическим культурам. Например, распространение слова *šojuŋ* 'чугун' напрямую коррелирует с китайской технологией выплавки этого сплава, которая начала распространяться за пределы Поднебесной не ранее середины I тысячелетия до н. э. А слово *ütük* 'утюг' не могло появиться у тюрков раньше, чем сам нагревательный прибор вошёл в обиход в Китае – примерно в эпоху Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.). Таким образом, язык служит не только зеркалом культурных контактов, но и хронометром их развития.

Литература:

1. Баскаков Н. А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках [Электронный ресурс] // URL: https://altaica.ru/LIBRARY/BASKAKOV/baskakov_kit.pdf (дата обращения: 13.05. 2026).
2. Набиуллина Г. А. и др. Китайские языковые элементы в речи татарской диаспоры, проживающей в КНР // Альманах современной науки и образования. – 2011. – №. 5. С. 182-185.
3. Сайфуллин Д. А., Полякова Е. В. Некоторые особенности русских говоров // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века. – 2023. – С. 87-89.
4. Словарь тюркизмов: история и современность: толковый словарь / В.В. Воробьев, Е.А. Морозкина, А.К. Сулейманова, Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. – 264 с.
5. Zulpukarov K. et al. The role of SASYS in phonological adaptations: a comparative study of Turkic-Chinese lexical elements // Global Chinese. – 2025. – Т. 11. – №. 1. – С. 145-164.

© Полякова Е.В., Поподько Е.А., 2026

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В АРАБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Речевой этикет трактуется в современной лингвистике как микросистема национально-специфичных, социально закреплённых и ситуативно обусловленных стереотипных высказываний, служащих для установления, поддержания и прерывания контакта в вежливой форме. Согласно концепции Н.И. Формановской, этикетные знаки обладают фатической и конативной направленностью, сигнализируя о признании статуса собеседника и готовности следовать принятым правилам [5: 15]. Методологически исследование опирается на лингвокультурологию и теорию межкультурной коммуникации, в частности на классификацию культур на высококонтекстные и низкоконтекстные (Э. Холл). Арабская культура классифицируется как высококонтекстная: значительная часть информации передаётся через обстановку, иерархию и общие фоновые знания. Русская культура, сохраняя высококонтекстные черты в бытовом общении, в официально-деловом дискурсе тяготеет к большей эксплицитности, что продиктовано влиянием европейской рационалистической традиции [7: 48].

Глубинные различия в стратегиях общения коренятся в специфике цивилизационных матриц. Арабское языковое сознание формировалось под нераздельным влиянием ислама и классического арабского языка, воспринимаемого как язык божественного откровения. Сакрализация слова является ключевой характеристикой арабского этикета: каждое значимое действие предваряется и завершается формулами, содержащими имена Аллаха. Данная установка порождает особый тип коммуникативной осторожности – любое утверждение о будущем требует оговорки ‘иншааллах’ (если пожелает Аллах), иначе говорящий рискует проявить гордыню. Русская коммуникативная культура восходит к православному христианству, однако трагический разрыв традиции в XX веке привёл к секуляризации публичного этикета. Религиозные формулы сохраняются в пассивном фонде языка, но утратили статус облигаторного элемента высказывания. В русской картине мира большее значение приобретают категории искренности и душевности, а коммуникативная стратегия часто ориентирована на сокращение дистанции [2;3]. Арабская стратегия, напротив, строго охраняет социальную иерархию и «лицо» собеседника – прямой отказ или критика являются грубейшим нарушением норм адаба (свода правил воспитанности).

Асимметрия речевого этикета ярко проявляется в конкретных коммуникативных ситуациях. В приветствии арабская формула ‘Ас-саляму алейкум’ является не просто аналогом ‘Здравствуйте’, а манифестацией принадлежности к умме. Существует строгая градация ответов, причём сакральный статус формулы настолько высок, что мусульманину запрещено приветствовать ею человека, совершающего греховное действие. Русские приветствия функционально сведены к констатации факта встречи или пожеланию здоровья.

В прощании арабская речь демонстрирует высокую степень благопожелательности: хозяин может произнести длинную цепочку пожеланий ('Да сохранит тебя Аллах', 'Иди с миром'), в то время как русская стратегия более лаконична. При выражении благодарности арабская формула 'Джазака Аллаху хайран' (Да воздаст тебе Аллах благом) переводит благодарность из межличностной плоскости в отношения человека с Богом; в русском дискурсе благодарность адресована непосредственно собеседнику. Коммуникативный сбой может возникнуть в ситуации отказа от угощения: в русской культуре вежливый отказ воспринимается адекватно, в арабской же прямой отказ нежелателен. Стратегия араба-гостя заключается в многократном символическом отказе, а согласие даётся лишь после третьего или четвёртого настояния. Это иллюстрирует различие позитивной вежливости (арабская культура с её преувеличенным гостеприимством) и негативной (русская культура с уважением личного пространства) [6: 132].

Анализ обращений выявляет жёсткую иерархичность арабского социума. Обращение к старшему по возрасту или статусу просто по имени является дурным тоном; употребительны титулы 'шейх', 'устаз', 'хаджи', а также кунии (технонимы). Русский этикет предлагает модель имени-отчества – мощного маркера уважения к роду и возрасту. Различие кроется в том, что русский может перейти на «ты» в ходе развития дружеских отношений, тогда как араб даже в близкой дружбе со старшим не перестаёт использовать термины родства или куню. В комплиментах арабская культура предписывает развёрнутые, цветистые похвалы, которые в русском менталитете могут быть восприняты как лесть. Ответная стратегия араба – не отрицание, а приписывание всего блага Аллаху или возврат комплимента в усиленной форме; русская стратегия чаще заключается в умеренном принятии или самоиронии.

Невербальный компонент также существенно различается. Арабская культура относится к контактным: дистанция комфортного общения короче, чем в русской среде, практикуются прикосновения, а рукопожатие представляет собой затянутый акт. Русская стратегия – энергичное однократное сжатие и немедленное освобождение руки. Гендерный аспект представляет зону максимальных различий: в консервативной арабской среде прямое взаимодействие между мужчиной и женщиной, не состоящими в близком родстве, табуировано. В русской светской культуре гендерные барьеры минимальны, и избегание зрительного контакта трактуется как неискренность.

Перевод арабского речевого этикета на русский язык сталкивается с лингвокультурной лакунарностью. Прямой перевод формул, содержащих упоминания Аллаха, часто оказывается стилистически чужеродным. Фраза «Я закончу отчёт завтра, иншааллах» не может быть переведена буквально в официальном отчёте, так как вносит излишнюю фаталистичность; требуется функциональная замена. Сложности возникают и при переводе обращений: калькирование 'О, инженер!' звучит комично, необходима нейтрализация до принятого русского стандарта. Задача переводчика сводится к прагматической адаптации – достижению того же коммуникативного эффекта средствами принимающей лингвокультуры [4: 91].

Результаты исследования обладают практической ценностью для ряда дисциплин. В методике преподавания языков необходимо смещение акцента на освоение сценариев речевого поведения и внедрение ситуативных кейсов, моделирующих несовпадение этикетных ожиданий. Для профессионального перевода переводчик должен выступать модератором культурного диалога, владея техникой смягчения высказываний, а русская прямота должна транслироваться в более обтекаемой форме для сохранения лица партнёра. В международном бизнесе менеджеры должны учитывать стратегию арабского гостеприимства, предполагающую неспешность и длительную беседу перед началом делового разговора, а

также понимать, что арабское «да» часто означает не твёрдое обязательство, а намерение, сопряжённое с упованием на волю Аллаха.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о глубокой типологической асимметрии коммуникативных стратегий. В основе различий лежит расхождение между теоцентричной, высококонтекстной моделью арабского Востока и секуляризованной, более низкоконтекстной в публичной сфере русской моделью. Арабская стратегия характеризуется ритуализацией, превалированием фатической функции, жёсткой охраной дистанции и использованием сакральной лексики. Русская стратегия демонстрирует большую вариативность, прямоту и допустимость сокращения дистанции. Выявленные расхождения являются источником коммуникативных неудач, смягчение которых возможно лишь при формировании межкультурной компетенции. Результаты подтверждают необходимость дальнейшего изучения прагматики арабо-русской коммуникации с выходом на создание словарей речевого этикета и лингвокультурологических комментариев, что будет способствовать укреплению взаимопонимания между народами России и арабского мира.

Литература:

1. Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.
2. Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Национальная языковая картина мира в герменевтической модели перевода // «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе»: материалы ежегодной международной конференции. Министерство образования и науки РФ, Российский университет дружбы народов. 2015. С. 67-70.
3. Салех С.Я., Фаткуллина Ф.Г. Национально-культурная специфика гостеприимства в арабской лингвокультуре // Казанская наука, 2025, № 4. – С. 682-685.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
5. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.
6. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p
7. Hall E.T. Beyond Culture. – New York: Doubleday, 1976. – 256 p.

© Салех С.Я., 2026

УДК 811.581.11

Сарваретдинова В.А.,
студент 4 курса УУНУТ, г. Уфа
Научный руководитель – Фаткуллина Ф.Г.,
д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ И КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ДОМИНИРУЮЩИЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ ГАСТРОНИМОВ

Современный интерес к китайской культуре сопровождается ростом популярности к китайской кухне. Открываются кафе и рестораны, в интернет-пространствах появляются множество рецептов, которые люди готовят дома. Однако, меню в ресторанах, названия в рецептах всё ещё остаются непонятными для человека, который сталкивается с блюдом

впервые. Китайские блюда имеют тысячелетнюю историю и несут в себе определенный культурный код, в который могут закладываться исторические события, традиции питания определенных провинций или в целом стиль жизни определенной социальной группы.

Гастроним представляет собой огромный пласт лексики. Термин, предложенный Т.А. Тагановой, используется для обозначения всех единиц, относящихся к сфере «еда» [1, с. 38], а именно наименований блюд, ресторанов, продуктов питания, способов приготовления, стилей питания, диет и др. Он предполагает не только изучение названий национальных блюд, но и тесную связь с природно-географическими и климатическими особенностями среды обитания, а также историко-культурными традициями питания изучаемого народа. Данный термин активно находит применение именно в гастрономическом (глуттоническом) дискурсе. Понятие «гастрономический дискурс» введено в 2004 году А. В. Оляничем в работе «Презентационная теория дискурса». А. В. Олянич определяет гастрономический дискурс как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [2, с.104]. П. П. Буркова в своих работах дополняет определение данное А. В. Оляничем: «Гастрономический дискурс – это также особый вид общения, использующий определенные профессионально ориентированные знаки: терминологию, устойчивые обороты, характерные морфосинтаксические структуры.» Учитывая социально культурный контекст, данный тип дискурса можно определить как «общение + текст кулинарного рецепта + контекст». Гастрономический дискурс как особый вид массово информационного дискурса предполагает наличие участников, хронотопа, целей, стратегий, ценностей [3, с.15].

Как было указано ранее, китайский гастроним, как лексическая единица, представляет собой довольно сложный объект для перевода. При неправильном подходе, культурная информация, которую они несут может быть утрачена. В переводческой практике установились два наиболее часто используемых способов перевода на русский язык: транслитерация и калькирование.

Обращаясь к работе советского и российского лингвиста Комиссаров В.Н., «транслитерация – способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв переводящего языка» [4, с.173]. В рамках нашего исследования, это означает передачу графической формы (пиньинь иероглифа) слова китайского языка буквами русского алфавита. Данный прием применяется в случае, когда блюдо не имеет аналог в русском языке. Поэтому именно он позволяет сохранить культурную специфику блюда. Рассмотрим примеры блюд, которые со временем устоялись как собственное название в меню ресторанов или рецептах. Блюда 饺子 и 包子 внешне незнающий человек опишет как «маленькие пельмени» и «большие пельмени», но они имеют принципиальную разницу – что-то варится, а что-то готовится на пару; где-то начинка мясная, где-то овощная, поэтому самым верным путем перевода будет «цзяоцзы» и «баоцзы». Название 火锅 по сути, не название самого блюда, а способа приготовления. Это китайский прибор, гибрид самовара и кастрюли, в котором варятся выбранные ингредиенты. Сейчас это блюдо широко известно как «хого». Транслитерация в данном случае довольно удачный способ передачи аутентичности китайского блюда.

«Калькирование – способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем, слов их лексическими соответствиями в переводящем языке» [4, с.173]. В паре китайский-русский каждый иероглиф переводится отдельно, полученные слова соединяются в единое название. Малайзийские профессора Hongxiang Zhu и Lay Noon Ang при исследовании названий уличной еды Малайзии отмечали, что благодаря калькированию читатель может понять, почему блюдо получило именно такое название: в нем может быть гастрономическая отсылка, региональная, культурная или даже историческая [5, с.6]. Например, название известного блюда 北京烤鸭 переводится как «утка по-пекински» или «пекинская утка». Каждый элемент переведен отдельно: *утка* – основной ингредиент, *Пекин* – региональное отличие или способ приготовления. Есть блюда, которые в названии имеют китайскую метафору. Например, 蚂蚁上树, калькируется как «муравьи залезают на дерево»

или «муравьи на дереве». Дело в том, что название описывает внешний вид блюда: кусочки мясного фарша прилипают к лапше фунчоза, напоминая ползущий по веткам муравьев. Подобные этому блюда чаще всего переводятся калькированием, поскольку этот способ позволяет передать экзотичность самим названием. Однако, иногда калькирование создает необычные или неаппетитные названия. Например, 口水鸡 дословно переводится как «цыпленок со слюной». Использование такой кальки в меню не вызовет у посетителя ресторана желание его попробовать, поэтому более подходящим названием выбирают «аппетитная курица». В переводческой практике также можно встретить смешанный вариант перевода, способы часто комбинируются. Например, блюдо 宫保鸡丁 переводят как «курица по-гунбао». Здесь *курица* является калькой, а *по-гунбао* – транслитерацией. Гунбао – это имя титулованного сановника, который считается создателем блюда, поэтому опустить его в названии будет неправильно.

Итак, транслитерация и калькирование имеют свои слабые и сильные стороны. Транслитерация сохраняет национальный колорит, сохраняет идентичность блюда, но не передает смысл названия. Калькирование, напротив, передает смысл, способ приготовления, ингредиенты, но неудачный подбор кальки может нести за собой отталкивающий образ блюда. На практике в равно степени встречается использование каждого способа отдельно и комбинация этих двух приемов. Это позволяет достичь того баланса, закрыть необходимость в передаче, например, места или имени в названии.

Литература:

1. Таганова, Т.А. Гастронимы современного английского языка: структурные и семантические особенности. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – № 7(1). – С. 38–41.
2. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
3. Буркова П. П. Кулинарный рецепт как особый тип текста: автореф. дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 29 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Zhu H., Ang L.H. Is Culture Reflected in Transliteration? Transliteration of Chinese Street Food Names in Malaysia // SAGE Open. 2025. Vol. 15. No. 3. 13 p.

© Сарваретдинова В.А., 2026

УДК 81'42:316.77:070

Саяхова Д.К.,

канд. филол. наук, ООО «Яндекс»,

г. Уфа, Россия

Фаткуллина Ф.Г.,

д-р филол. наук, профессор УУНУТ,

г. Уфа, Россия

ЦИФРОВОЙ ЯЗЫК: КАК ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРУЮТ ЯЗЫК МЕДИА В 21 ВЕКЕ

Введение. В последние десятилетия XXI века цифровые технологии кардинально изменили не только способы распространения информации, но и сам язык, которым пользуются средства массовой информации. Появление новых мессенджеров и социальных сетей — TikTok, Telegram, Вконтакте, X (Twitter), Instagram* (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) — привело к формированию принципиально иной коммуникативной среды, где традиционные языковые нормы соприкасаются с инновационными формами выражения. Как справедливо отмечают

Л. А. Коханова, Ю. Е. Черешнева и Е. М. Людькова, в современных медиа наблюдаются активные процессы трансформации текстов вследствие «техногенности» и «текстогенности» [1: 406]. Иными словами, сам носитель начинает диктовать правила языкового поведения, а объёмы порождаемого контента ускоряют семантические и структурные сдвиги.

Проблема, однако, заключается в диссонансе между традиционными языковыми нормами и практиками цифровых редакций. С одной стороны, сохраняется представление о «правильном», литературном языке медиа; с другой — редакции вынуждены адаптироваться к ожиданиям мультикультурной аудитории, воспитанной на клиповом мышлении и мультимодальности социальных сетей. Цель настоящей статьи — выявить закономерности трансформации языка медиа под влиянием технологий, глобализации и новых коммуникативных потребностей. Для достижения этой поставлены следующие задачи:

1. описать смешение жанров в современном медийном пространстве;
2. проанализировать сокращения, эмодзи и хэштеги как семиотические сдвиги в языке СМИ;
3. разобрать конкретные кейсы российских медиа, иллюстрирующие различные стратегии использования цифрового языка.

Языка цифровых медиа активно изучается в зарубежной лингвистике. Особого внимания заслуживает работа Дж. Андрецопулоса, посвящённая гибридизации жанров в социальных медиа: учёный демонстрирует, как традиционные медийные жанры — новость, аналитика, интервью — трансформируются под воздействием цифровых платформ, приобретая черты разговорности, интерактивности и мультимедийности [7]. В области прагматического анализа эмодзи и хэштегов важное место занимает коллективная монография К. Тэгг и Ф. Сирджента, где авторы исследуют, как невербальные элементы влияют на восприятие сообщения и формирование интенциональности в условиях ограниченного объёма текста [3]. Нельзя не упомянуть и актуализированное издание классической работы Д. Кристала о языке интернета, где автор рассматривает семантическую и семиотическую эволюцию смайликов и сокращений как полноценных элементов письменной коммуникации [4]. В российской лингвистике проблематика цифрового языка также является актуальным полем для исследований. В широком теоретическом контексте исследователи также указывают на «демократизацию языка» как следствие коммуникационного сдвига, вызванного цифровизацией [1: 407].

Новизна настоящей работы заключается в комплексном анализе одновременного влияния трёх факторов — технологий платформ, глобализации и мультимодальности — на язык медиа в постковидный период (2021–2026). В отличие от предшествующих исследований, которые рассматривали каждый из этих аспектов по отдельности, данная статья предлагает интегративную модель описания языковых изменений, учитывающую также появление генеративных нейросетей в редакционных процессах. Предметом исследования выступают лексико-синтаксические, графические и семиотические изменения в языке онлайн-СМИ (новостные сайты, соцсети медиа, Telegram-каналы), а также стратегии использования эмодзи, сокращений и хэштегов в профессиональном медийном дискурсе.

Обсуждение и результаты

Одним из наиболее заметных последствий цифровой трансформации стало размывание границ между традиционными медийными жанрами. Новость перестаёт быть строго информационным сообщением: она обретает черты аналитики, блога, рекламы или развлекательного контента. Этот процесс наиболее ярко проявляется в Telegram-каналах, где формат подталкивает авторов к постоянному экспериментированию.

Яркими примерами гибридизации могут служить такие явления, как «лонгрид с комментариями в реальном времени», где читателю предлагается не только текст, но и встроенная дискуссия; «новостной твит с элементами мема», когда серьёзная новость сопровождается ироничной визуализацией или юмористическим комментарием; а также «каналы-агрегаторы», где быстрая сводка сочетается с элементами сторителлинга, опросами и репостами. Последствия такого жанрового смешения двойственны: с одной стороны, возрастает вовлечённость аудитории и упрощается восприятие сложных тем; с другой — возникает риск девальвации фактической информации, подмены анализа мнением и общей фрагментации восприятия.

Цифровая коммуникация не только изменила жанры, но и трансформировала сам инструментарий языка. Особое место в этом процессе занимают сокращения. Анализ современных медиатекстов позволяет выделить несколько тенденций: во-первых, широкое использование латиничных аббревиатур (LOL, IDK, WTF) в русскоязычных СМИ; во-вторых, активное применение кириллических усечений («ср» — сравните, «ща» — сейчас, «и т.д.» всё чаще заменяется на «и пр.» или графические отточия); в-третьих, заимствования из глобального интернет-лексикона (FOMO — страх упущенных возможностей, POV — точка зрения, IRL — в реальной жизни), которые адаптируются редакциями для привлечения молодой аудитории. Как справедливо замечают авторы исследования по материалам социальных сетей, «пользователи пишут короче, активно используют эмодзи, сокращения и хэштеги», и этот тренд быстро подхватывается профессиональными медиа&

Эмодзи представляют собой полноценный семиотический сдвиг. Они выполняют целый ряд функций: при технических ограничениях (таких как объем знаков в сообщении) они замещают целые слова (например, ☹, ❤, ☹), выступают в роли синтаксических маркеров («встреча завтра ☹»), задают общую тональность сообщения и даже заменяют пунктуацию. Современное программное исследование роли эмодзи в русскоязычной интернет-коммуникации подтверждает, что «эмодзи стали играть роль глобального и универсального языка», одновременно выполняя функции эффективной передачи эмоций, сжатой коммуникации и модалного кода.

Хэштеги также претерпели эволюцию. Первоначально служившие лишь тематическими метками, сегодня они выполняют нарративные, оценочные и даже дейктические функции. Хэштег способен стать главным смысловым элементом сообщения, конкурируя по значимости с заголовком. Так, хэштег «#какбыло» в посте-воспоминании не просто маркирует тему, а создаёт целый нарративный контекст, отсылающий к определённом стилю говорения и даже эмоциональному регистру.

Проиллюстрируем стратегии использования цифрового языка на двух конкретных примерах из практики российских медиа.

Кейс 1. RT на русском — экспрессивная лексика без эмодзи [5]. В своей практике телеканал Russia Today сознательно отказывается от активного использования эмодзи, делая ставку на эмоционально окрашенную лексику, сарказм и парадоксальные формулировки. Характерный пример — пост об интервью с археологом Александром Бутягиным: «Бутягина задержали в Польше в конце 2025 года за якобы «незаконные» раскопки в Крыму. Киев добивался его экстрадиции, польский суд её одобрил.» [Там же]. Здесь нет ни одного эмодзи, но намеренное преувеличение («угроза нацбезопасности») создают экспрессивный эффект не хуже любого графического символа. При этом пост сопровождается картинкой строгого официального вида. Выбор такой стратегии вполне осознан: RT ориентируется на аудиторию,

привыкшую к аналитическим изданиям и воспринимающую большое количество эмодзи как маркер «жёлтой» прессы. Таким образом, **отсутствие** эмодзи становится семиотическим жестом, сигнализирующим о серьёзности намерений, что парадоксальным образом вписывается в общую логику экспрессивного языка.

Кейс 2. Enter Media — интерактивные эмодзи как двигатель вовлечения [6]. Enter Media, напротив, строит свою коммуникацию вокруг эмодзи-реакций и визуально-развлекательного сопровождения. Типичный пост на актуальную новость оценивается реакциями в виде эмодзи.

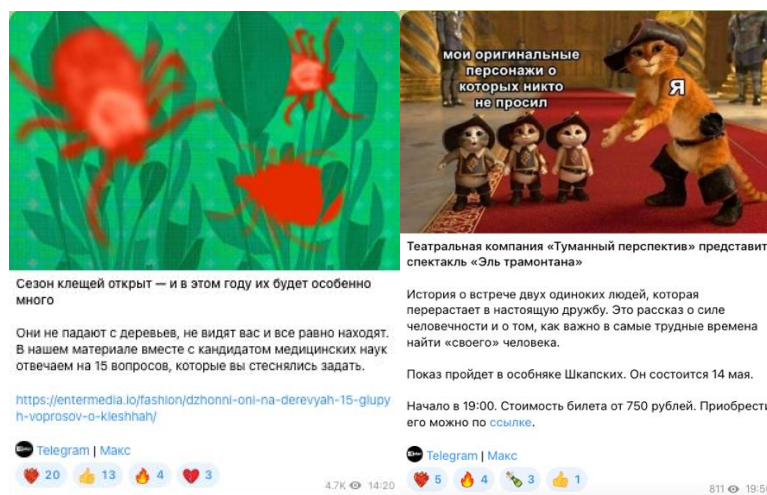

Рис.1 Скриншоты telegram-канала Enter media

При этом в самих текстах эмодзи присутствуют исключительно в постах развлекательного характера. Сопровождающая каждую новость картинка носит откровенно развлекательный характер — это или стикер из популярной игровой вселенной, или кадр из мема. Такая стратегия превращает хэштег и эмодзи из пассивных маркеров в активные инструменты диалога. В данном случае реакция аудитории становится неотъемлемой частью опубликованного контента, а сам язык медиа обретает черты игрового пространства.

Оба кейса демонстрируют два полюса современной языковой стратегии: экспрессивная лексика без эмодзи у RT и интерактивные эмодзи как двигатель вовлечения у Enter Media. Выбор того или иного подхода определяется целевой аудиторией и позиционированием издания.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько ключевых выводов. Язык современных медиа стал более гибридным, визуальным и быстрым. Глобализация ускоряет процессы унификации — англоязычные сокращения, эмодзи и хэштеги распространяются по всему миру практически мгновенно. Однако, как справедливо отмечается в ряде исследований, независимо от глобализации и других мегатрендов нашего времени, национальные ценности и приоритеты остаются значимыми в медиапространстве каждого государства. В России это выражается в адаптации глобальных форм под локальные языковые паттерны — например, в активном использовании кириллических сокращений.

Цифровые технологии не просто «портят» язык, а порождают новые функциональные форматы коммуникации. Эмодзи, сокращения и хэштеги больше не являются маргинальными элементами; они стали полноправными участниками синтаксиса и семантики медийного

сообщения. Трансформации медиатекстов, обозначенные Л.А. Кохановой и её коллегами как результат «техногенности» и «текстогенности», продолжают набирать обороты [1: 408].

Перспективы дальнейшего исследования лежат в области влияния искусственного интеллекта на новостной синтаксис, а также в изучении эволюции эмодзи в сторону полноценных пунктуационных знаков. Практическая значимость проведённого анализа для редакций очевидна: осознанное использование цифрового языка — выбор между экспрессивной лексикой и интерактивными эмодзи — должно диктоваться не сиюминутными трендами, а долгосрочной стратегией взаимодействия с аудиторией. Только так, сохраняя баланс между новациями и традицией, современные СМИ смогут оставаться и востребованными, и доверенными.

Литература:

1. Коханова, Л. А. Трансформация языка современных медиа в результате коммуникационного сдвига / Л. А. Коханова, Ю. Е. Черешнева, Е. М. Людькова. – Текст: электронный // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 26–29 марта 2025 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025. – С. 406–408. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/145889> (дата обращения: 02.05.2026).
2. Аль-Бдер, А. Х. Л. Эволюция русского языка в цифровой среде: корпусный анализ / А. Х. Л. Аль-Бдер. – Текст: электронный // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2025. – № 12(138). – URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/19402> (дата обращения: 02.05.2026).
3. Tagg, C. Taking Offence on Social Media: Conviviality and Communication on Facebook / C. Tagg, P. Seargeant, A. A. Brown. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – 235 p. – ISBN 9783319567167. – Text: direct.
4. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 304 p. – ISBN 9780521868594. – Text: direct.
5. RT на русском [Сообщество ВКонтакте]. – URL: https://vk.com/rt_russian (дата обращения: 02.05.2026). – Текст: электронный.
6. Enter Media [Telegram-канал]. – URL: https://t.me/enter_ufa (дата обращения: 02.05.2026). – Текст: электронный.
7. Androutsopoulos J. Language change and digital media: A review of conceptions and evidence. Standard languages and language standards in a changing Europe. Kristiansen T., Coupland N. (eds.). Oslo: Novus Press, 2011, 145–159.

© Саяхова Д.К., Фаткуллина Ф.Г., 2026

УДК 81'11

Сергиенко Н.А.,
д-р филол. наук, доцент, БУ ВО СурГУ,
г. Сургут, Россия
Таджибова А.Н.,
канд. филол. наук, доцент, БУ ВО СурГУ,
г. Сургут, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ТОПОНИМИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Появление географических наименований определяется совокупностью значимых социально-познавательных факторов, находящихся в диалектической взаимосвязи. Исходя из этого их изучение требует многостороннего подхода, предусматривающего интеграцию данных из целого ряда смежных научных дисциплин.

В рамках современного языкознания особое место среди методов анализа топонимической лексики занимает географическое направление. Его суть состоит в выявлении воздействия природно-географической среды на формирование собственного наименования, прослеживании его территориального распространения и очерчивании ономастических зон. Помимо этого, в науке выделяется лексикографическое направление изучения топонимов, находящее своё воплощение в специализированных ономастических словарных изданиях. Примечательно, что значительная часть подобных словарей ориентирована на этимологический анализ: в них устанавливается происхождение лексических единиц, восстанавливается их исторический путь, раскрывается словообразовательная организация и обосновывается семантическая мотивированность наименований.

Для реализации определяющих методологических принципов ономастических исследований применяются разнообразные методы и приёмы: этимологический, исторический, словообразовательный, количественный, картографический. Этимологический и исторический методы позволяют проследить и выявить связи между топонимами и другими пластами лексики. Топонимная лексика содержит закодированную языково-историческую информацию, которую можно выяснить лишь с помощью специального этимологического исследования, что «...позволяет увидеть живую связь времён, полнее воссоздать древний мир и заполнить «белые пятна» в истории народов» [1]

Процесс раскрытия происхождения собственных названий основывается на нескольких принципах: определении словообразовательной модели названия; выяснении производящего апеллятива (преимущественно каждое собственное название вторично по отношению к идентичному нарицательному); выявлении семантической мотивации онима, в связи с чем часто возникает необходимость этимологизации самого апеллятива. Сложность обусловлена необходимостью индивидуального подхода к анализу каждого названия, которое необходимо рассматривать на широком фоне аналогичных образований, учитывая все его варианты, детально осмысливая фонетические закономерности структуры и особенности словообразования.

Культурно-исторический фон, представленный топонимной лексикой, позволяет выявить круг источников топонимов. Этот метод предполагает анализ всех обстоятельств, при которых возник топоним, таких как картографические особенности местности, природный фактор, то есть флора и фауна, социальный, экономический и этнический статус населения, определённые исторические события, время заселения и многое другое. Только на основании исследования исторических условий и причин рождения топонима можно точно объяснить его значение. По мнению В. А. Никонова, «историзм не выражен в единичных названиях, а составляет «основу всех названий» [3].

Географические названия являются историческими не в узком смысле (как сообщение о каком-либо событии), а в самом широком: история диктует обществу выбор из окружающей действительности тех или иных признаков, свойств, которые характеризуют объект. Данные истории, реже географии в топонимии создают предпосылки лингвистического анализа названия. Они чрезвычайно важны для определения общей языковой принадлежности топонимов к определённому времени или региону. При отсутствии достаточных исторических сведений исследователь не может установить значение многих древних названий даже при условии хорошего знания языка.

Этимологический анализ является одним из основных, поскольку позволяет сравнивать древние языковые формы с современными, а также соотносить их с историческим развитием окружающего мира, общества и т. д. Цель этимологического анализа слова – определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением зародилось слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю [4].

При описании топонимов как единиц ономастики внимание лингвистов направлено, прежде всего, на этимологию и культурно-исторический контекст. Важнейшая особенность

топонимической лексики состоит в том, что она является культурным артефактом, в котором своеобразно отражены история, пути формирования и результаты развития материальной и духовной культуры.

Благодаря словообразовательному анализу устанавливаются механизмы образовательного потенциала топонимной лексики; выявляются наиболее продуктивные форманты, используемые для образования топонимов, и вариантность их основ и аффиксов. В структурном отношении топонимы могут быть одно-, двух- или многословными. Топономасты часто сочетают структурно-словообразовательный анализ с лексико-семантическим, хотя они представляют разные аспекты лингвистического исследования. В комплексном исследовании собственных названий удельный вес того или иного подхода может существенно изменяться. В моноструктурных топонимах преобладает лексико-семантический подход. В сфере сложных топонимов классификация происходит сначала по структурно-словообразовательным признакам и лишь после этого в рамках каждой структурной группы топонимы рассматриваются на лексико-семантическом уровне [1].

В лексико-семантическом отношении топонимы можно исследовать с точки зрения их дономастического значения, то есть анализировать внутреннюю форму исходных слов с позиции их функциональной ономастической семантики или подвергнуть анализу их постномастическое значение, которое они получили в процессе своего функционирования [4]. Установление лексико-семантического значения топонимов – процесс поэтапный, заключающийся в постепенном выяснении одного значения за другим. Такой анализ можно подчинить методу «лексико-семантической пирамиды», наиболее часто применяемому в исследовании.

Топонимические исследования не могут считаться исчерпывающими без привлечения количественного измерения при анализе собственных наименований. Статистический фактор имеет первостепенное значение для установления состава топонимической системы, а числовые показатели способны существенно обогатить и конкретизировать научные заключения. Диахронное, стратиграфическое и пространственное рассмотрение топонимических единиц с применением количественных методов позволяет определить границы ономастических ареалов, восстановить маршруты территориального распространения топонимических моделей сквозь столетия, а также установить характер взаимообусловленности их развития с социально-историческими и природно-географическими обстоятельствами образования этнических общностей и наций.

Согласно позиции Э. М. Мурзаева, топонимы выступают неотъемлемой составляющей картографических источников: они соотносятся с конкретными пространственными объектами, зачастую несут информацию о ландшафтных особенностях местности, фиксируют историю освоения территорий человеком, а также отражают сведения о природных богатствах и иных географических характеристиках региона [2]. Сказанное обуславливает значимость картографического метода в системе топонимического анализа.

Картографическая номенклатура по своей природе тяготеет к народно-разговорной речи, однако непременным условием её функционирования остаётся соответствие нормативным стандартам. Это особенно актуально применительно к передаче иноязычных топонимов, при заимствовании которых нередко допускаются смысловые и фонетические искажения. В условиях, когда один и тот же географический объект в разных государствах имеет различные наименования, всё более насущной становится задача унификации географических названий – выработки единых общепризнанных норм их воспроизведения [6].

Языковые факторы номинации являются достаточно конкретными, зависимыми от строения и состояния развития языка, но всегда обусловлены временем и историческими условиями этноса. В конкретных ситуациях на основе диалектического единства общественно-исторического и языкового факторов образуется определённый топонимический тип, содержащий в себе общие топонимические признаки как в структуре, так и семантике. Топонимия развивается также в тесном взаимодействии с географией и этнографией, она

является ценным источником для исследования истории языка и одновременно иллюстрацией для лексикологии, диалектологии, этимологии, лингвистической географии.

Таким образом, современные подходы к исследованиям топонимики базируются на следующих положениях:

- совокупность топонимных элементов, сочетание реальных фактов и взаимосвязь между ними подчиняются принципу системности. Для его реализации использован исторический метод, согласно которому анализируются особенности исторических событий, экономический и этнический статус населения, особенности местности и т. д.;
- первичное значение топонимов, причины их мотивации, исторические условия возникновения и развития раскрываются посредством этимологического анализа;
- наиболее продуктивные топоосновы, их вариативность, структурные типы устанавливаются благодаря словообразовательному анализу;
- применяется метод «лексико-семантической пирамиды», согласно которому осуществляется комплексный лексико-семантический анализ топонимов;
- наиболее продуктивные топоформанты, количественное и процентное соотношение топонимов определяются благодаря статистическому анализу;
- изображение на картах пространственно-территориальных особенностей наиболее распространённых топонимных названий соответствует картографическому методу.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Югры в рамках научного проекта № 2025-621-08/2025.

Литература:

1. Басик, С. Н. Общая топонимика. – Минск. – БГУ, 2006. – 200 с.
2. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география. – М.: Наука, 1995. – 304 с.
3. Никонов, В. А. Введение в топонимику. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 184 с.
4. Откупщиков, Ю. В. Очерки по этимологии. – СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 479 с.
5. Тленшиева, Р. Н. Древнее значение слов как исторический источник. – Гуманитарная парадигма. – 2022. – № 1 (20). – С. 65–80.
6. Фаткуллина Ф.Г. Национально-культурный компонент языковой картины мира (на материале топонимов Республики Башкортостан) // IV всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Наука. Образование. Профессия» 11 марта 2024 г. – Уфа: БГАУ, 2025. С. 112–116.

© Сергиенко Н.А., Таджибова А.Н., 2026

УДК 811.11-112

Сираева Р. Т.,
канд. филол. наук, доц. УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ЭВФЕМИЗМЫ КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Эвфемизмы представляют собой одну из разновидностей стилистических средств языка. Это не просто нейтральные лингвистические субституты, а культурные коды, позволяющие смягчить неприятную или запретную тему, а также возможность избежать коммуникативных конфликтов при слишком прямолинейной номинации определенных предметов, действий и свойств [3: 65]. Этими причинами объясняется возникновение таких выражений, как «быть в интересном положении», «в чем мать родила», «отойти к Господу» и др.

В процессе межкультурной коммуникации эвфемизмы играют особую роль: то, что вежливо и приемлемо в одной лингвокультуре, может быть грубым и непонятным в другой. В данной статье эвфемизмы рассматриваются через призму межкультурной лингвистики.

Согласно Л. Парахонко, в основе эвфемизации лежат семантические механизмы переосмысления, особенно ярко проявляющиеся во фразеологизмах. Именно образность позволяет смягчить неудобную тему или пейоративную (отрицательную) оценку [7: 91]. Таким образом, эвфемизмы функционально близки с фразеологическими единицам и противопоставлены дисфемизмам (грубым, неприятным обозначениям), в межкультурном аспекте различают универсальные и культурно-специфические (обладающие социальным контекстом) эвфемизмы [6: 57].

Проанализировав, эвфемизмы можно распределить по следующим сферам их употребления:

1) Бытовые эвфемизмы.

В данной тематической группе самым распространенным является тема смерти. Данная тема табуирована практически во всех культурах, что порождает множество метафор. В русском языке наблюдается большая вариативность, связанная с религиозным дискурсом: *отправиться к праотцам, отойти к Господу, уйти из жизни*. Глагол «уходить» вместо «умереть» используется для смягчения потери и эмоционального напряжения. Прямое упоминание смерти («умер») кажется жестоким и окончательным, в то время, как глагол «уходить» ассоциируется с переходом в другое состояние или с временным отсутствием человека, но не с окончательным исчезновением. В английском языке преобладают бытовые метафоры: *to pass away, to go west, to be no more, to kick the bucket* (стилистически сниженное). В некоторых культурах, например, узбекской количество эвфемизмов смерти значительно выше, что говорит о более высоком уровне суеверий [1: 15].

2) Гендерные эвфемизмы.

Англичане демонстрируют концепт политкорректности: *African American* вместо *black*, *visually impaired* вместо *blind*, *senior citizen* вместо *old person*. Согласно Т.Э. Алимову, в русской культуре гендерные эвфемизмы носят более этикетный характер: *незрячий* вместо *слепой*, *мудрый* вместо *пожилой*.

3) Социально-экономические эвфемизмы (бедность и болезнь).

В русском языке эвфемизмы бедности выражаются через уменьшительно-ласкательные формы: *перебиваться с хлеба на квас, сводить концы с концами*. В английском языке, где признание бедности крайне стигматизировано используют абстрактные термины либо фразеологизмы: *needy* (нуждающиеся), *economically disadvantaged* (экономически неблагополучные), *negative economic growth* (отрицательный экономический рост – вместо кризис), *living from hand to mouth* (сводящий концы с концами) [5: 75].

Для обозначения болезни рак в английском языке существует эвфемизм *The Big C*, в русском – эта болезнь или диагноз, что демонстрирует схожий механизм умолчания. Всеми обсуждаемой болезни КОВИД в русском языке присуще такие эвфемизмы, как *ковидла* (пренебрежительно-уменьшительное), *корона* (частый, нейтрально-сниженный), *пандемия* (прямое замещение «коронавируса»), *респираторка* (жаргон врачей), *карантин* (как эвфемизм для болезни: «уйти на карантин» = заболеть). Для английской языковой картины мира характерны следующие понятия: *The Rona* (уменьшительно-ласкательное), *The Vid* (нейтрально «I caught the vid»), *The plague* (мрачная ирония), *lockdown* (частый, нейтрально-сниженный), *PPE = Personal Protective Equipment* (персональные средства защиты-абстракция вместо масок и перчаток). Как видим, медицинские эвфемизмы по употреблению схожи во многих языках, наблюдается попытка избежать прямого употребления слова «КОВИД». Следует заметить, что в английском языке появился новый глагол *to get covided*, что значит отменить мероприятия по причине массового заражения населения.

4) Рекламные эвфемизмы.

Основная функция рекламных эвфемизмов – смягчение негативной коннотации (вместо «дорого» используют слово «премиальный», «budget-friendly» вместо «expensive»,

«flexible payment options» вместо «loan / deb»). Рекламные эвфемизмы являются мощным инструментом позитивной репрезентации, в английском языке, например, они чаще ориентированы на индивидуализм («for you unique lifestyle») а в русском – на коллективное благополучие и экономию («выгодное предложение для всей семьи»).

5) Политические эвфемизмы.

Данные эвфемизмы, как правило, содержат подтекст, целью которого является ввести в заблуждение общественное мнение, а также выразить что-либо неприятное в деликатной форме. Например, «Undernourishment of children in India» подразумевается голод «starvation». В русском языке *высшая мера* вместо *смертной казни* [10;11].

6) Уголовные эвфемизмы.

Главная функция уголовных жаргонов - событие, вуалирование сущности обозначаемого понятия, иногда с элементами словесной шутки, игры, каламбура. Например, *community home* - *тюремная камера*, *piss-house* – *туалет*, *workhouse* – *исправительная колония*; *bimbo*, *jerry-girl* – *чувиха*, *пустышка*. В русском языке - *фраер*, *мент*, *мусор* - работник милиции, *откидка* - освобождение, *филки* - деньги.

Таким образом, эвфемизмы представляют собой обширную область для исследований общественных изменений и менталитета. Сравнение неродственных языков показывает, что при сходстве универсальных человеческих страхов (смерть, болезнь) культурная специфика проявляется в доминантных сферах эвфемизаций. Для английского языка, например, это сфера политкорректности (гендер, раса), для русского - бытового этикета и социального статуса. Понимание и исследование эвфемизмов требует не просто языковой компетенции, но глубокого знания культурных контекстов и религиозных установок.

Литература:

1. Алимов Т.Э. Функционально-семантическая характеристика личных эвфемизмов...// Филология: научные исследования, 2024. №11
2. Арсентьева Ю.С. Аспекты изучения эвфемизмов в английском и русском языках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2011. - № 127. – с 136-142.
3. Белова А.Н., Вержинская И.В. Лингвистическая природа эвфемизмов (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – №10. – Ч. 3.
4. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Москва, 2007. – 260 с.
5. Саакян Л.Н., Северская О.И. Эвфемия в межкультурной коммуникации // КиберЛенинка, 2015.
6. Швабаур Е.А. Эвфемизмы и дисфемизмы в англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе // СПбГУ, 2024.
7. Parahonco L. The semantic mechanism of euphemization in Russian and English idioms. 2024.
8. Усманов Р. Ш. Канафина А. Р. Сопоставительный анализ предложных и послеложных конструкций как средств выражения пространственных отношений. Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. №11-1(89). С. 176-180.
9. Усманов Р.Ш. Ассоциативно-образные и аксиологические характеристики концепта "Размер" (на материале английского, русского, башкирского и турецкого языков)/Вестник Башкирского университета, 2009. Т.14, №1. С.152-156.
10. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. – 127 с.
11. Фаткуллина Ф.Г. Отрицание как способ репрезентации категории деструктивности // Доклады Башкирского университета, 2022, Т.7, № 6. С.345-351.
12. Хисамова Д.Д., Ахмадуллина И.Р. Типологическое исследование лексико-морфемных и морфологических средств выражения отрицания в разноструктурных языках //Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 5. № 3. – С. 73-76.

*Ситдикова А.Ф.,
магистрант УУНУТ,*

г. Уфа, Россия;

Фаткуллина Ф.Г.,

д-р филол. наук, профессор УУНУТ,

г. Уфа, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ О СЕМЬЕ

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к взаимосвязи языка и культуры, а также необходимостью системного анализа паремиологических средств вербализации концепта «семья» в русском языке. **Материалом исследования** послужили пословицы из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа». Были проанализированы разделы «Род – Племя», «Семья – Родня», «Жених – Невеста», «Муж – Жена», «Дети – Родины», а также смежные разделы «Любовь – Нелюбовь», «Свое – Чужое», «Сознание – Улика», «Друг – Недруг». **Цель статьи** – выявить лингвокультурологические характеристики русских пословиц о семье: тематику, ключевые концепты, ценностные доминанты.

Теоретические основания анализа.

В настоящем исследовании, вслед за практикой В.И. Даля, паремиологический фонд понимается широко: собиратель сознательно включал в свой сборник наряду с пословицами «пословичные изречения, поговорки, присловья... даже простые обороты речи» [5:9]. К числу общепризнанных признаков пословиц относят: широкую употребительность в народе, анонимность, устойчивость, краткость, законченность фразы, рекомендательный характер, обобщение опыта, образность и переносный смысл [1:34].

В.И. Даль назвал составленный им сборник «сводом народной опытной премудрости и семуудрия», «цветом народного ума, самобытной стати», «житейской народной правдой» [5:10]. Функциональный репертуар пословиц включает информативную (передачу содержания), аргументационную (апелляцию к авторитету народной мудрости), эстетическую (украшение речи) и накопительную (фиксацию, сохранение и передачу ценного опыта) функции [10:103].

С.Н. Иконникова относит пословицы и поговорки к числу тех форм народной культуры, в которых находит воплощение национальный характер [6:318]. Паремии о семье и доме указывают на организацию «внутреннего» мира человека, на взаимоотношения в семье и создание домашнего очага [12:107]. Изучение паремий позволяет выявить фундаментальные многовековые ценности семейных отношений [14:75].

Собрание В.И. Даля содержит обширный пласт паремий о семье, сконцентрированный в разделах «Семья – Родня», «Муж – Жена», «Дети – Родители» и др., что делает его репрезентативным источником для лингвокультурологического анализа.

Концептуализация семьи в русской паремиологии (по В.И. Далю)

Анализ раздела «Род – Племя» позволяет выявить фундаментальные основания, на которых строится русская концептуализация семьи. Пословицы этого раздела формируют представление о том, что семья («род») выступает первичным источником и пределом возможного для индивида. Эта идея выражена через систему устойчивых биоморфных и аграрных метафор, формирующих модель наследственной предопределённости: «Яблоко от яблоньки недалеко падает», «От худого семени не жди доброго племени», «У рыжей лисы не чернобровые щенята», «Свинья не родит бобра».

Народная мудрость, однако, не сводится к принципу жёсткой предопределённости, предлагая более сложную, диалектическую модель внутривидовых отношений. Эта модель вводится через паремии-коррективы:

Пословица *«Из одного дерева икона и лопата»* признаёт, что общность происхождения не отменяет глубокого неравенства в статусе и судьбе членов семьи. Наличие неудачливого или порочного члена (*«В семье не без урода»*, *«Один брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок»*) осмысливается не как трагедия, а как статистическая норма. Отношение к возможности изменения предопределённой судьбы ярко проявляется в пословицах *«Из грязи, да посажен в князи»*, *«Гряды пахал, да в воеводы попал»*. Социальный взлёт осмысливается как редкое исключение, подтверждающее незыблемость общего правила.

Анализ этого раздела подтверждает наблюдения Ю.В. Вайрах, которая выделяет в макроконцепте «род» три мотивирующих признака: наследственность, природу человека и социальную характеристику [2:678].

Переходя от абстрактного «рода» к повседневным взаимодействиям, анализ **раздела «Семья – Родня»** раскрывает русскую модель семьи как пространство напряжённого взаимодействия идеала и практики. Как подчёркивают исследователи, вести полноценное хозяйство в патриархальной России можно было только сообща, поэтому так важно было, чтобы в доме царили мир и согласие [3:445].

Идеал «лада» предстаёт как высшая ценность, суть которой конкретизируется в пословицах, связывающих его с советом и любовью: *«Советно жить – время коротать»*, *«Любовь да совет – так и нуждочки нет»*, *«На что и клад, коли в семье лад»*, *«Где мир да лад, там и Божья благодать»*.

Однако рядом с этим идеалом паремии фиксируют и многочисленные отклонения от него. На одном полюсе – конкретные ролевые конфликты: *«Свекор – гроза, а свекровь выест глаза»*, *«Золовки-колотовки, побей головки»*. На другом – более общее ощущение дискомфорта близости: *«Чужих нет, а своих мало»*, *«Чужие не идут, а свои не поддаются»*. Прагматизм и горький опыт выражены в афоризмах *«Родных много, а пообедать не у кого»*, *«Родня до полдня, а пообедать негде»*.

Таким образом, семья в русской паремиологии – это динамическое поле, где ценность «лада» постоянно проверяется опытом бытовых сложностей и конфликтов.

Анализ **раздела «Жених – Невеста»** раскрывает прагматическое восприятие брака как важнейшего социально-экономического акта. Русская паремиология представляет создание семьи не как эмоциональный союз, а как институциональное и хозяйственное предприятие.

В народной картине мира брак осмысливается, с одной стороны, как нормативная необходимость (*«Не женат – не человек»*, *«Холостой – полчеловека»*), а с другой – как ответственный и необратимый шаг: *«Жениться – не лапоть надеть»*, *«Жена не лапоть: с ноги не сбросишь»*, *«Женитьба есть, а разженитьбы нет»*. Отсюда – горькие констатации последствий поспешности: *«Женился скоро, да на долгое горе»*, *«Скорая женитьба – видимый рок»*.

Паремии предписывают оценивать не внешность или личные чувства, а общественную репутацию и происхождение: *«Жену выбирай не глазами, а ушами»*, *«Выбирай корову по рогам, а деву по родам»*. Эта знаковая параллель с выбором рабочего скота обнажает суть подхода: невеста оценивается как будущая функциональная единица семейного хозяйства.

Материальная основа брака-договора откровенно признаётся: *«Денежки на стол, и девушку за стол»*. Приданое выступает как важный фактор социального веса невесты: *«Бесприданница – безответница»*, но при этом *«Не жить приданым, а жить богоданным»*. Сам процесс сватовства описывается терминами, сходными с куплей-продажей: *«Просватанная, что проданная»*.

Раздел «Муж – Жена» представляет собой сложный дискурс, в котором нормативная модель сосуществует с описанием реальной практики. Русская паремиология задаёт нормативную иерархию в браке чётко и образно, однако сама же демонстрирует, насколько эта модель далека от однозначности.

С одной стороны, муж определяется как глава и опора: *«Муж – голова, жена – душа»*, *«Муж в дому, что глава на церкви»*. Его роль кормильца противопоставлена внутренней, хозяйственной роли жены: *«От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом»*. Эта

иерархия поддерживается суровыми предписаниями: *«Бабе спустишь – сам баба будешь»*, *«Не петь куре петухом, не владеть бабе мужиком»*.

Однако народная мудрость откровенно признаёт фактическое влияние жены: *«Худое дело, коли жена не велела»*, *«Чего жена не любит, того мужу век не едать»*. Паремии фиксируют гендерное распределение инструментов влияния в конфликте: *«Муж кочадыком, баба языком»*. Эта метафора чётко разграничивает сферы влияния: мужское воздействие видится как грубое и предметное, женское — как постоянное вербальное воздействие. Сила женского влияния подчёркивается и в других формулировках: *«Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет»*, *«У нее муж по ниточке ходит»*.

Паремии подробно фиксируют широкий спектр супружеских проблем. Здесь представлены побои как обыденный элемент семейной жизни: *«Кого люблю, того и бью»*, *«Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее»*. М. Горький, хорошо знавший деревенскую жизнь, утверждал, что «нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне», и именно с этим фактом связывал существование самих «пословиц-советов», которые были не просто отражением жестокости, но и механизмом её воспроизводства [4:2].

Наряду с этим встречаются пословицы, фиксирующие негативные последствия побоев для самого мужа: *«Бил жену денечек, сам плакал годочек»*, *«Муж грызет на свой на хребет»*. Особо выделяется образ «злой жены», которая наделяется почти демоническими чертами: *«Злая жена – та же змея»*, *«Всех злыдней злее жена злая»*, *«От злой жены одна смерть спасает да пострижение»*.

Несмотря на описанные конфликты, ключевым оказывается мотив глубокой практической и эмоциональной связи. Наиболее глубоко суть этого союза раскрывает бытовая метафора: *«Муж с женой, что мука с водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь)»*. Этот образ нерасторжимо единства резюмируется в афоризме *«Муж с женой – одна сатана»* и подтверждается житейским наблюдением *«Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится»*. Как отмечает В.В. Колесов, такая неразрывность держится на взаимодополняющих усилиях супругов и глубоко укоренена в русской ментальности, для которой характерно приоритет нравственности над правом, «сердечность», стремление к солидарности [8:70;17].

Все пословицы, так или иначе касающиеся любви, Даль поместил в отдельный раздел **«Любовь – Нелюбовь»**. Обращение к содержанию этого раздела обнаруживает его внутреннюю неоднородность. В нём сосуществуют, по крайней мере, две группы пословиц.

Первая группа рисует любовь как гармонию, согласие, божественный дар: *«Где любовь, там и совет»*, *«Совет да любовь, на этом свет стоит»*, *«Где любовь, там и бог»*, *«Равные обычаи – крепкая любовь»*. Вторая группа представляет любовь как стихийную, иррациональную силу, неподвластную человеку, приносящую не только радость, но и страдание: *«Любовь зла, полюбит и козла»*, *«Любовь слепа»*, *«Любовь не пожар, а загорится – не потушишь»*, *«Где любовь, там и напасть»*.

В.В. Колесов отмечал, что в народных говорах слово «любовь» сохраняло множество значений, далёких от романтической страсти: это и «охота», и «желание», и даже «аппетит»; производное «любехонько» означало «согласно, со взаимным пониманием» [8:106]. Именно эта многозначность объясняет, почему в паремиологической системе любовь не сводилась исключительно к семейно-брачной сфере. В рамках концепта «семья» эта многозначность оборачивается чётким функциональным разделением: любовь-согласие составляет эмоциональную основу «лада», тогда как любовь-страсть осмысливается как иррациональная и опасная сила, способная этот институт подорвать.

Анализ раздела **«Дети – Родины»** раскрывает концепт семьи как живой цикл продолжения рода, наполненный противоречивым единством радости, труда и эмоциональной связи. Рождение детей осмысливается как безусловное благо: *«Дети – благодать Божья»*, а их многочисленность – как естественный ход вещей (*«Сталась двоечка, так будет и троечка»*).

Однако за этим нормативным представлением стоит более сложный опыт, зафиксированный в парадоксальных формулах: *«С ними горе, а без них вдвое»*, *«Детки –*

радость, детки ж и горе». Как отмечает А.В. Леднева, «такое двойственное отношение к детям было связано с суровостью жизненных условий того времени» [9:155].

Сквозь эти трудности неизменно проступает безусловная родительская любовь: *«Свое дитя и горбато, да мило», «Свой дурак дороже чужого умника*». Наиболее полное воплощение родительская любовь обретает в образе матери: *«При солнце тепло, а при матери добро», «Нет такого дружка, как родная матушка*». Утрата матери становится конечной катастрофой: *«Без отца – полсироты, без матери и вся сирота*». Как отмечает Л.Н. Пушкирев, мать занимает особое место в русских пословицах: она вынесена за пределы отношений мужчины и женщины, стоит над ними, является символом жизни вообще; на неё никогда не переносятся отрицательные оценки, в отличие от жены [13: 33].

Любовь требует деятельного воплощения в воспитании: *«Умел дитя родить, умей и научить», «Не вскормивши малюго, не видать и старюго*». Патриархальная традиция оправдывала телесные наказания: *«Розгой в могилу ребенка не вгоняешь, а калачом не выманишь», «Наказуй детей в юности, успокоят тя на старости*». От детей ожидается почитание: *«Живы родители – почитай, померли – поминай!», «Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает», «На свете всё найдёшь, кроме отца да матери*».

Обращение к разделам **«Свое – Чужое», «Друг – Недруг», «Сознание – Улика»** раскрывает универсальный критерий оценки социальных связей. В пословицах раздела **«Свое – Чужое»** чужое последовательно наделяется негативными коннотациями: *«Чужая шкура не болит», «Чужая беда – смех», «Чужая душа – потемки*».

Та же установка (*«Всяк сам себе ближе»*) проявляется и во внутренней организации семейных отношений. С одной стороны, *«Свой своему поневоле друг», «Свой своему лежа помогает»* — кровное родство предполагает взаимовыручку. С другой стороны, *«Вся семья своя, да всяк любит себя»* — естественный человеческий эгоцентризм не отменяется даже внутри семьи.

Однако в паремиологической картине мира существует и иной тип близости. Пословицы раздела **«Друг – Недруг»** утверждают приоритет дружеских уз: *«Доброе братство милее богатства», «Друг денег дороже», «Кто друг прямой, тот брат родной*». Тем самым понятие «братства» расширяется за пределы кровно-родственного круга.

Кульминацией этой логики становится пословица из раздела **«Сознание – Улика»**: *«Близкий сосед лучше дальней родни*». Та же мысль варьируется: *«Без брата проживу, а без соседа не проживу», «Жить в соседах – быть в беседах*». Как показывает В.В. Колесов, в древнерусском языке понятия «ближний» и «близкий» прошли сложную эволюцию: от обозначения исключительно кровного родича в X веке до возможности считать «близким» не только того, кто связан кровью, но и того, кто стал своим через повседневное общение [7:9-10].

Таким образом, в русской паремиологии понятие «свой» лишено абсолютности и отличается высокой ситуативной гибкостью. Кровное родство осознаётся как фундаментальная данность, однако его практическая значимость постоянно проверяется – как внутренним напряжением между родовым долгом и личным интересом, так и в неявной конкуренции с иными формами близости – дружеской и территориальной.

Заключение

Проведённый анализ позволяет реконструировать целостную паремиологическую модель семьи в русской языковой картине мира. Эта модель строится на постоянной диалектике нормативного идеала и житейской практики. Идеал «лада» — гармонии, основанной на совете и взаимном уважении — составляет ценностное ядро, однако в реальности он неизменно сталкивается с конфликтами, иерархией и драматизмом отношений.

Фундаментальным принципом модели выступает кровная детерминированность («порода»), которая предопределяет социальные рамки семьи и формирует восприятие брака как хозяйственного договора, а не эмоционального союза. При этом любовь в паремиологии представлена двумя проявлениями: любовь-согласие (основа «лада») и любовь-страсть

(стихийная, иррациональная сила). Эти две формы сосуществуют в паремиологическом фонде, однако именно любовь-согласие составляет ценностное ядро семьи.

Временное измерение и кульминацию внутренних противоречий модель обретает в отношениях родителей и детей, где ценность продолжения рода сосуществует с конфликтом поколений и асимметрией чувств. Мать занимает исключительное положение как непререкаемый символ защиты и жизни.

Прагматическим механизмом, позволяющим этой системе функционировать в повседневности, становится гибкое понятие «свой». Оно определяется не только кровным родством, но и действительной близостью, взаимопомощью, совместным бытом. Именно поэтому сосед оказывается «ближе» дальней родни, а подлинная дружба приравнивается к родству.

Таким образом, русская паремиология рисует образ семьи как устойчивого, но внутренне конфликтного института, где переплетаются долг и чувство, предопределение и воля, кровное родство и избранная близость.

Литература:

1. Бредис М. А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование [Электронный ресурс] / Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация № 3, 2019г. – с. 34–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslovitsa-v-sovremennoy-lingvistike-opredelenie-status-funktsionirovanie> (дата обращения: 13.02.2026).
2. Вайрах Ю. В. Образно-метафорический слой макроконцепта род (на материале паремий тематической группы род – племя) [Электронный ресурс] / Вестник Кемеровского государственного университета Т. 24, № 6, 2022г. – с. 678–685. – URL: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-678-685> (дата обращения: 15.02.2026).
3. Гасанова Г. А. Паремиологические средства выражения концепта «семья» в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Мир науки, культуры, образования № 3 (76), 2019г. – с. 445–447. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paremiologicheskie-sredstva-vyrazheniya-kontsept-a-semya-v-russkoj-yazykovoj-kartine-mira> (дата обращения: 14.02.2026).
4. Горький М. О русском крестьянстве / Берлин: Издательство И. П. Ладыжникова, 1922г. – 4 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] – URL: https://azbyka.ru/fiction/wp-content/uploads/bg_forreaders/poslovicy-russkogo-naroda_17945.pdf (дата обращения: 11.02.2026).
6. Иконникова С. Н. Ментальность и национальный характер: коммуникативные проблемы и возможности [Электронный ресурс] / Лихачёвские чтения, 2015г. – с. 317–319. – URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2015_Sbornik/2015_Dokladi/2015_sec2_010.pdf (дата обращения: 11.02.2026).
7. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000г. – 70 с.
8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006 г. – 184 с.
9. Леднева А. В. Концепт «ребенок» в пословичном фонде (на материале русских и немецких пословиц и поговорок) [Электронный ресурс] / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение № 3, 2011 г. – с. 153–158. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-rebenok-v-poslovichnom-fonde-na-materiale-russkih-i-nemetskih-poslovits-i-pogovorok> (дата обращения: 18.02.2026).
10. Максудов У. О. Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе [Электронный ресурс] / Вестник Санкт-Петербургского университета Серия 13 Вып. 1, 2012 г. – с. 102–109. –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskie-poslovitsy-i-pogovorki-vozniknovenie-i-razvitiie-paremiologicheskikh-slovarey-v-arabskoy-literature> (дата обращения: 11.02.2026).

11. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М.: Издательский центр «Академия», 2001г. – 208 с.

12. Омри А. Использование паремий о семье в процессе преподавания арабского языка [Электронный ресурс] / Минбар. Исламские исследования Т. 6, № 1, 2013г. – с. 106–111. – URL: <https://www.minbar.su/jour/article/viewFile/281/282> (дата обращения: 14.02.2026).

13. Пушкарев Л. Н. Гендерные отношения по русским рукописным пословицам рубежа XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс] / Женщина в российском обществе № 1, 2014г. – с. 21–33. – URL: <https://womaninrussiansociety.ru/article/pushkarev-l-n-gendernye-otnosheniya-po-russkim-rukopisnym-poslovicam-rubezha-xvii-xviii-vv-str-21-33> (дата обращения: 16.02.2026).

14. Сиями Эйджак Х. Вербализация концепта «семья» в русской и иранской языковых картинах мира (на материале пословиц) / Гуманитарный вектор Т. 17 № 1, 2022г. – с. 75–85.

15. Усманов Р.Ш. Метафорические переносы в номинации параметрических прилагательных / Актуальные проблемы развития современной науки и образования: Сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях. – М., ООО "АР-Консалт", 2015. С. 142-143.

16. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. – 127 с.

17. Фаткуллина Ф.Г. Сопоставительная лингвокультурология: учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 104 с.

18. Чжан Сяоюй, Фаткуллина Ф.Г. Концепт радость / 高兴 в русской и китайской лингвокультурах // Казанский лингвистический журнал. 2026. Т.9., № 1. С.140-150 / <https://www.kljournal.ru/jour/article/view/163/><https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.140-149/>

© Ситдикова А.Ф., Фаткуллина Ф.Г., 2026

УДК 811.111'42

Соломко Д.П.,

Студент 4 курса ИГСН УУНиТ, г. Уфа

Научный руководитель: Фаткуллина Ф.Г.,

д. филол. наук, проф., УУНиТ, г. Уфа

ТЕКСТОВАЯ И СЕМИОТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИДЕОИГР

На сегодняшний день индустрия видеоигр представляет собой специфическую область, возникшую на пересечении художественного творчества и прогрессивных технологий. Прodelав путь от примитивных аркад, таких как Computer Space или Pong, до колоссальных виртуальных пространств, интерактивные проекты превратились в мощный культурный фактор и основной способ проведения досуга для колоссальной аудитории. По мере расширения этого рынка и выхода девелоперов на глобальный уровень вопрос адекватной языковой адаптации софта приобрел особую актуальность.

В течение долгого времени ведущие российские и международные издательства подвергались жесткой критике со стороны пользовательского сообщества за посредственную работу переводчиков. К сожалению, нередко случается так, что одна неточно переданная фраза или техническая оплошность превращают драматизм серьезного сценария в фарс. В этой связи стоит признать, что видеоигра как объект лингвистического анализа нуждается в глубоком теоретическом осмыслении и тщательном подборе вербальных эквивалентов.

В рамках лингвистических изысканий коммуникацию в этой сфере принято рассматривать как подвид компьютерного дискурса. Игровым продуктам свойственны его базовые параметры: цифровая среда бытования, опосредованность общения (дистанция между

участниками), анонимность, а также естественное переплетение устных и письменных форм речи.

Тем не менее, ключевым свойством видеоигры выступает её мультимедийный характер. Она функционирует как сложный креолизованный (или поликодовый) текст, где лингвистические компоненты неразрывно спаяны с визуальными образами и звуковым фоном. Анализируя данный тип дискурса, мы подразумеваем целую систему, в которой аудиальный ряд (голоса актеров, шумы) и визуализация (архитектура мира, облик героев) работают в синергии. Языковой материал здесь представлен одновременно и в звучащей речи, и в графическом виде на мониторе. Стоит добавить, что интерактивность требует от переводчика не просто трансляции смысла, но воссоздания эмоционального отклика пользователя. Это делает работу над проектом гораздо более трудоемкой, чем, к примеру, адаптацию киноленты.

Достижение коммерческого успеха на международной арене сегодня невозможно без кропотливой подготовки продукта для локальных рынков. В профессиональной среде традиционное понятие «перевод» постепенно вытесняется более емким термином — «локализация».

Под этим процессом понимается комплексная адаптация программного обеспечения к национальным и культурным стандартам. Речь идет не только о лингвистической правке, но и о настройке региональных форматов дат, изменении графических символов и даже переработке музыкальных тем под запросы целевой аудитории. Важно, чтобы итоговый текст был органично интегрирован в программный код с учетом жестких ограничений пользовательского интерфейса.

В современной исследовательской литературе принято выделять несколько уровней такой адаптации:

1. Базовый уровень предполагает перевод лишь сопроводительной документации и упаковки.
2. Частичная локализация без озвучивания затрагивает только внутриигровые тексты и меню.
3. Вариант с субтитрами дополняет предыдущий пункт переводом диалогов при сохранении оригинальной аудиодорожки.
4. Полная локализация подразумевает создание полноценного дубляжа и перерисовку графических элементов интерфейса. Именно такой подход обеспечивает игроку эффект предельного погружения в вымышленную реальность.

Специфика индустрии и этнокультурные различия ставят перед лингвистом ряд сложных задач. Как показывает анализ существующих локализаций, игровые тексты часто становятся «зеркалом» чужого мировосприятия, транслируя концепты, не имеющие прямых соответствий в языке перевода.

К наиболее значимым вызовам в этой области можно отнести:

- работу с антропонимами и авторскими неологизмами;
- интерпретацию узкоспециального жаргона и сложных метафор;
- адаптацию специфических пластов лексики (системы мер, политические реалии, религиозные аллюзии);
- передачу культурных кодов (например, описание «типичного американского завтрака» как маркер определенного образа жизни);
- воссоздание диалектизмов и сленговых выражений, что нередко требует от переводчика настоящего литературного сотворчества.

Учитывая, что виртуальные миры перенасыщены отсылками к кино и литературе, специалист должен обладать широкой эрудицией [4\$ 5]. Необходимо добиться того, чтобы персонажи воспринимались естественно, а контекст каждой сцены был полностью сохранен. Большинство ошибок в этой сфере происходит именно из-за дефицита контекстуальных данных о конкретной игровой ситуации.

Наглядным примером колоссального объема работы лингвистов служит китайский проект *Genshin Impact*. Перед нами детально сконструированный мир (Тейват), в котором переплетены элементы множества реальных эпох и культур.

В процессе прохождения пользователи сталкиваются с разнообразием вымышленных систем письма, имеющих вполне реальные прототипы:

1. Тейватский скрипт, опирающийся на латинскую графику.
2. Иероглифика региона Ли Юэ, стилизованная под древнекитайские печати.
3. Инадзуманское письмо, визуально напоминающее японскую хирагану с её специфическим порядком начертания.
4. Шрифт Фонтейна, имитирующий европейский курсив.

Особую сложность здесь представляет передача имен собственных, поскольку в китайской традиции они крайне информативны. К примеру, имя протагониста в английской версии — *Aether* (Эфир), что семантически близко китайскому 空 (*Kōng*) — «небо, пустота». Имя его сестры — *Lumine* (от лат. *lumen* — свет) соответствует оригиналу 荧 (*Yīng*). Имена других героев, таких как *Бэй Доу* (название созвездия) или *Сяо* (горный демон), играют ключевую роль в формировании образа. Задача локализатора — найти баланс между благозвучием и верностью «лору» (внутриигровой истории).

Дополнительные трудности создает вокализация. Разница в прочтении одних и тех же знаков в разных языках Азии часто приводит к фонетическому диссонансу, что требует от переводчиков особого внимания к звуковому облику имен.

Подводя итоги, видеоигру можно назвать одним из самых комплексных объектов в современной лингвистике. Её адаптация — это не механическая замена слов, а междисциплинарный синтез технического и художественного проектирования [Sayakhova, Fatkullina 2020].

Успешная реализация подобных проектов требует слаженной работы программистов, отвечающих за код, и сценаристов, создающих смыслы. Полностью избежать недочетов в текстах такого объема практически невозможно, однако их минимизация — вполне достижимая цель. От специалиста по адаптации это требует не просто уверенного владения языком, но и понимания психологии аудитории, а также учета всех медийных особенностей цифровой среды.

Литература:

1. Борисова, А. С. Особенности локализации видеоигр как вида мультимедийного перевода в эпоху цифровизации / А. С. Борисова // Вестник филологических наук. — 2023. — Т. 3, № 4. — С. 112–118.
2. Жигалов, Ю. А. Стратегии и тактики локализации компьютерных игр в контексте лингвокультурной адаптации / Ю. А. Жигалов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 8. — С. 45–63.
3. Иванова, Е. М. Видеоигра как поликодовый текст: лингвистический и семиотический аспекты / Е. М. Иванова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2024. — № 1. — С. 89–97.
4. Усманов Р.Ш. Метафорические переносы в номинации параметрических прилагательных / Актуальные проблемы развития современной науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях. — М., ООО "АР-Консалт", 2015. С. 142–143.
5. Фаткуллина, Ф. Г. Цифровая коммуникативная реальность: состояние и перспективы / Ф. Г. Фаткуллина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2024. — № 6s. — С. 154–162. — DOI 10.20339/PhS.6s.24.154.

6. Sayakhova, D. K. Discourse and technical features of videogames localization [Электронный ресурс] / D. K. Sayakhova, F. G. Fatkullina. – URL: https://www.researchgate.net/publication/347392799_Discourse_And_Technical_Features_Of_Videogames_Localization (дата обращения: 02.04.2026).

© Соломко Д.П., 2026

УДК 81'44

Сулейманова А.К.,
проф., д-р филол. наук, проф. УГНТУ,
г. Уфа, Россия
Кукасова Д.Г.,
канд. филол. Наук,
г. Благовещенск, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ: ФУНКЦИИ И МОДЕЛИ

Антропоцентрическая парадигма современных исследований терминосистем различных областей знания расширяет рамки нормативного и дескриптивного подходов и предопределяет определенную «предсказуемости» языковой картины мира специалиста как представителя определенного этноса, ее постоянной динамики, а также единства языка, сознания и мышления – трех компонентов ментально-лингвального комплекса – «функционирующей на основе человеческого мозга самоорганизующейся информационной системы, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу (трансляцию) информации».

Метафора как способ мышления, восприятия мира, его познания и структурирования признается современными исследователями первичной по отношению к дискурсивно-логическому мышлению. Терминологическая метафора имплицитно присутствует в сознании языковой личности специалиста и транслирует истинное научное знание, поскольку «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и *деятельность*» [Дж. Лакоффа и М. Джонсона].

Присутствие терминов-метафор в языке каждой их научных/производственных областей знания объясняется широким набором функций, которые выполняет терминологическая метафора:

- *коммуникативная функция*, обеспечивающая передачу научной информации, возможность общения специалистов;
- *когнитивная (или познавательная) функция*, способствующая активизации исследовательской мысли, развитие научного знания;
- *номинативная функция*, в термине-метафоре представлено научное знание, существенные свойства;
- *прагматическая функция*, реализуется при замене термином-метафорой немотивированных заимствованных терминов или терминов с большим количеством терминоэлементов, например: *вм. фонтанное оборудование на устье скважины – фонтанная ёлка (ёлка), вм. конусообразное металлическое устройство для предохранения от разбрызгивания глинистого раствора – юбка* и др.;
- *моделирующая (схематизирующая) функция*, которая позволяет сохранить связь с культурой страны, народа: *баба, материнский пласт, порода, тело; головка, бок, тело, затылок долота* и др.;
- *изобразительная функция* реализуется на начальном этапе метафорического терминообразования, после закрепления метафорического термина в терминосистеме определенной области знания образность метафоры стирается, оставляя термин как языковой

знак, называющий научное или техническое понятие: *макароны* (соединение из тонких труб), *грифон* (резкий прорыв воды в нефтяной пласт) и др.

Функции научной (терминологической) метафоры, как и функции научного языка, не являются четко разграниченными, они тесно связаны друг с другом и взаимообусловлены. Функции терминологической метафоры способствуют реализации функций, выполняемых термином в сообщении (устном или письменном) научного (профессионального) характера.

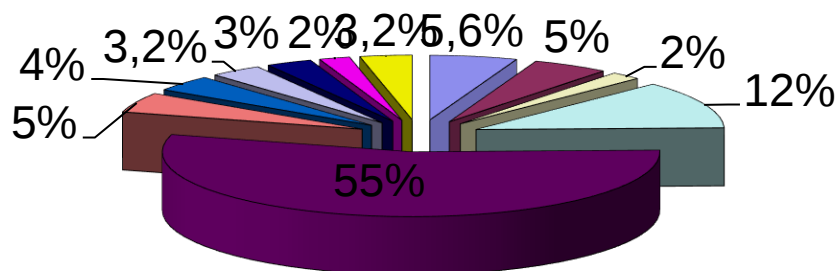
Слова общел, безусловно, не выражигитературного языка, вовлекаемые в процесс терминообразования, сами по себеают научного понятия. Чтобы стать терминами, они проходят сложный путь перекодирования (терминологизации) обыденного знания в научное. Поэтому, чтобы знать значение термина, недостаточно знать «обиходный смысл» слова, от которого образован термин, нужно знать соответствующую научную область знания и специальные понятия, которые связаны в науке с данными терминами и являются элементами определенной терминосистемы. В дискурсе нефтепромыслового дела выделены различные пути метафорических переносов, но наиболее активными можно считать переносы на основании сходства формы, функции, местоположения, назначения общеупотребительного и специального понятия и др., например, метафора по:

- форме: *свеча* – предварительно свинченные бурильные трубы; *фонтанная елка* – верхняя часть фонтанной арматуры; *серьга* – петля/скоба на талевом блоке;
- функции: *покрышки* – непроницаемые горные породы; *свита* – совокупность последовательно залегающих пластов горных пород;
- форме и функции: *колонна* – свинченные друг с другом бурильные трубы; *рукав* – гибкий шланг; *башмак* – нижняя часть колонны, *якорь* – устройство для закрепления колонны подъемных труб;
- местоположению и функции: *подошва* – стратиграфическая нижняя поверхность, ограничивающая пласт; *кровля пласта* – верхняя плоскость пласта;
- производимому действию: *задавливание* скважины – прерывание работы фонтанирующей скважины путем заполнения ее пластовой водой или глинистым раствором;
- сходству формы и эмоциональных впечатлений: *баба* – ударная часть штамповочного устройства.

Следует признать, что разграничение метафорических переносов на основании объективных признаков (форма, местоположение, функция и др.) достаточно условно.

Исследование моделей терминологической метафоры нефтепромыслового дискурса подтвердило ее тесную связь с языковой картиной мира. Специалист, метафорически интерпретирует окружающий мир через личный опыт и ассоциативно-образные символические связи между объектами. В терминосистеме нефтяного дела функционируют следующие лексико-семантические группы терминов-метафор:

Метафорические модели нефтяного дискурса (%)

- Физическая жизнь человека
- Психическая жизнь человека
- Социальная жизнь человека
- Соматизмы (название частей и внутренних органов человека)
- Бытовые метафоры
- Вооружение, военные термины

1. Метафоры, в основе которых физическая жизнь человека и живых существ: *дыхание* резервуара, *вдох* (фаза добычи), *выдох* (фаза нагнетания жидкости в скважину), *возраст* породы.

2. Метафоры, в основе которых психическая жизнь человека: *возбуждение* пласта, *истощение* пласта, *депрессия*.

3. Метафоры, в основе которых социальная жизнь человека: *свита*, *восстание* пласта, *сопротивление* пласта, *(не)компетентная* порода.

4. Метафоры – соматизмы: *голова* (вышки, инструмента), *кулак* тормоза, *нос* башмака колонны, *тело* (скважины), *нога* (вышки), *шейка* (буровой трубы), *плечо* (отклонителя, буровой трубы), *палец* (насоса, вышки), *пятка*.

5. Быт человека: названия одежды, обуви и пр. (подробнее вернусь к этому позже).

6. Термины-метафоры, в основе которых название оружия, военные термины: *вторжение* воды, *выстрел*, *гильза*, *вооружение* долота, *батарея* скважин, *заряд*, *запал*, *обстреливание*, *патрон*, *пуля*.

7. Метафоры – зоосемизмы, названия животных, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся, частей тела и внутренних органов, а также места их обитания: *крыло*, *лапа*, *паук*, *перо*, *ерш*, *бабочка*, *зев* крюка, *хвост* колонны, *червяк* (элемент конструкции), *гнездо* (форма залегания месторождения).

8. Метафоры-биосемизмы: *ветвь* трубопровода, *куст* скважин, *елка* скважины;

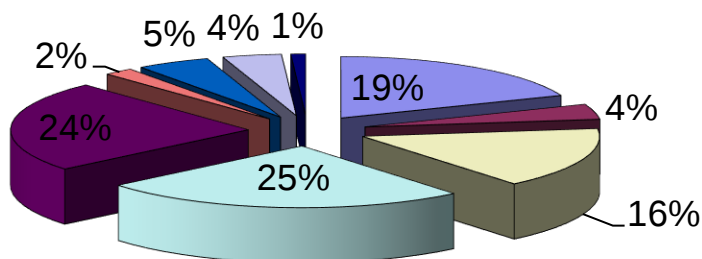
9. Геоосемизмы: *бухта* трубы, *устье* скважины, *горизонт*, *свод* горизонта, *циклон* гидравлический.

10. Метафоры, в основе которых названия транспорта, его элементов: *дышло* (поршневое сцепление), *покрышка*, *рейс* долота, *седло* задвижки;

11. Метафоры, в основе которых названия с морской тематикой: *мачта*, *якорь*, *трап* газовый, *буй* скважины.

Значительную долю метафорических моделей составляют бытовые метафоры, что, безусловно, вполне объяснимо.

Метафорические модели в группе "Бытовые метафоры"

■ Предметы одежды и ее части
■ Обувь и ее части

В эту группу входят метафоры, в основе которых:

- ассоциации с предметами одежды, ее частей: *ворот* насоса, *воротник* бура, *выточка* на трубе, *карман*, *пояс* трубы, *рубашка* насоса, *штаны* (бурение двух стволов в одной скважине), *юбка*, *кабельный чулок*;
- названия головных уборов: *шапка* (способ посадки трубы), газовая *шапка*, *козырек* поршня, *косынка*;
- названия обуви и ее частей: *башимак* колонны, *подошва* пласта;
- названия принадлежностей туалета, украшений: *серьга* вертлюга, *подвеска* трубы, *кольцо* цементное, *зеркало* скольжения, *гребенка*, *гребень* месторождения, *веер* взрывных скважин, *лента* стальная, *шпилька*;
- ассоциации с бытом человека, домашней утварью: *вилка* ротора, *коромысло* вариометра, *подсвечник*, *корзина* цементировочная, *сигара*, *сухарь*, *люстра*, *лифт*, *ворота* вышки, *чашика* вискозиметра, *ковёр* бурения;
- постройки и их элементы: *замок* на трубе, *крыша* бурового насоса, *купол*, *арка* антиклинали, *окно* в трубе, *палаты* верхового, *фонарь* верхового, *колодец* вертлюжный, *кровля* пласта, *ферма* опорная;
- название постели и постельных принадлежностей: *ложе* трубопровода, *люлька* верхового, *подушка* бетонная;
- названия процессов шитья: *игла*, *катушка*, *нитка* трубопровода, *шов*;
- названия музыкальных инструментов, частей музыкальных произведений: *барабан*, *струна* талевой системы; *вступление* воды;
- название продуктов питания: *сухарь*, *макаронны*.

Представленные данные свидетельствуют о том, что в нефтяном дискурсе преобладают антропонимические термины-метафоры, основой метафорического переноса которых является человек как биологическое и социальное существо.

Таким образом, специалист, являясь частью определенного этноса и носителем той или иной языковой картины мира, воспринимает окружающий его мир как сложную структуру, созданную «по его образу и подобию» [8;9]. В терминологии нефтяного дела, как и в терминологиях других отраслей знания, довольно отчетливо прослеживается тенденция к антропонимизации термина, тесной связи терминологических единиц со словом общелитературного языка, связанным с окружающим человека миром, этот В.Н. Прохорова очень точно назвала «процессом «очеловечивания в обозначении специальных понятий».

Литература:

1. Воробьев В.В., Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г., Хайруллина Р.Х. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана: монография. – Уфа, 2014.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Сулейманова А.К. Топоним как лингвокультурологический феномен // *European Social Science Journal*. – 2014. – №5-1(44). – С. 287-293.
4. Сулейманова А.К. Отражение особенностей материальной и культурной жизни этноса в реалиях Башкортостана // *European Social Science Journal*. – 2014. №4-1(43). – С. 317-323.
5. Сулейманова А.К. Лингводидактические основы комплексного учебного тематико-терминологического словаря генеративного типа (на материале терминосистемы "Бурение нефтяных и газовых скважин"). Дисс. ... канд. пед. наук. – Уфа, 1999.
6. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа. – Уфа, 2014.
7. Фаткуллина Ф.Г. Коммуникативные характеристики брендинга как фактора продвижения имиджа региона // III всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Наука. Образование. Профессия» 12 марта 2024 г. – Уфа: БГАУ, 2024. С.57-60.
8. Фаткуллина Ф.Г. Сопоставительная лингвокультурология: учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ УУНИТ, 2023. – 104 с.
9. Лингвокультурология: общая, сопоставительная, прикладная. Энциклопедический словарь / Составители В.В. Воробьев, Р.Х. Хайруллина, Ф.Г. Фаткуллина [текст] – Москва: Флинта. 2026. – 172 с.

© Сулейманова А.К., Кукасова Д.Г., 2026

УДК 81'42

Сун Нань,
аспирант БГПУ им. М. Акмуллы,
Тунляо, Китай

ФИТОНИМЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Русская культура сформировалась в условиях проживания народа в средней полосе России. Исконно русские люди жили в окружении природы и хорошо знали внешние признаки, лечебные свойства и применение разных видов растительности, их пригодность для приготовления еды. Занимаясь оседлым земледелием, крестьяне сеяли пшеницу, рожь, овес, гречиху и другие злаковые культуры. Кроме того, на Руси было распространено огородничество и садоводство, а в свободное время женское население занималось сбором и заготовкой грибов и ягод в близлежащих лесах и равнинах. Также было распространено целительство с помощью трав, листьев и корней растений, цветоносов деревьев, грибов, которые заготавливались с весны до осени, главным образом, людьми пожилого возраста – стариками и бабками. Около избы было принято сажать деревья и кустарники, цветы.

Все эти знания, представления и суеверия о видах растительности нашли отражение в языковой (фразеологической) картине мира [3; 7; 10], а именно в составе фразеологизмов и пословиц, компонентами в которых выступают фитонимы, или наименования различных видов русской флоры.

В лингвистике используется несколько терминов (общих и частных) для обозначения видов растительности: *фитоним*, *флоризм*, *флороним*, *дендроним*. В нашей работе вслед за автором «Словаря русской ономастической терминологии» (1978) Н.В. Подольской

используется широкий термин «фитоним» как «собственное имя любого растения» [9]. Под фитонимом (от греч. *phyton* — «растение» и *онима* — «имя, название») понимается «название растения» («Словарь лингвистических терминов» Т.В. Жеребило, 2010). Впервые толкования фитонимов были рассмотрены в работе основоположника мифологической школы в России Ф.И. Буслаева «Значение собственных имен лютики, вильцы и волчки в истории языка», выявившей связь наименований растительности с жизнью народа, с его культурой, нравами и верованиями [2].

В настоящее время структурно-семантические и лингвокультурологические исследования фитонимов – их семантики, культурных коннотаций, типов мотивации и других вопросов представлены в работах В.А. Меркуловой [Меркулова, 1967], В.В. Копчевой [Копчева, 1985], В.А. Иванова [Иванов, 1985], Работа И.В. Бродского [Бродский, 2023], М.А. Осоровой [Осорова, 2024] и др.

Использование термина с широким значением позволяет классифицировать наименования растений близко к ботанической номенклатуре, которая построена на распределении видов растительности по группам (таксонам) на основе родственных связей, сходства и различия признаков.

1. Деревья, кустарники, их плоды и сорта (берёза, дуб, яблоня) – *Яблоко от яблони недалеко падает, Заблудиться в трех соснах, Одного поля ягоды, От осинки не родятся апельсинки;*
2. Лианы и их плоды (виноград, плющ) – *Красна лоза виноградом, Зелен виноград, когда не дают, Зелен виноград – не вкусен, молод человек – не искусен;*
3. Цветы и травы (астра, мак) - *Маков цвет, Маковой росинки во рту не было, Божий одуванчик, Ниже травы, тише воды;*
4. Огородные травянистые растения, клубнеплоды и корни (огурец, картофель, морковь, хрен) – *Как огурчик, Любовь не картошка, не выбросишь в окошко, Горох да репа животу не крепка, Хрен редьки не слаще;*
5. Водные и болотные растения (водоросль, осока, хвощ) - *Хвощ – деревенский овощ;*
6. Партитивные фитонимы — обозначающие части растений (ветка, корень, гроздь, сук, усик) – *Рубить сук, на котором сидишь; Стар дуб, да корень свеж.*
7. Наименования растительных совокупностей, составляющих единое целое (лес, ивняк, ельник, листва) - *Волков бояться – в лес не ходить. За деревьями леса не видно.*
8. Наименования пограничных между флорой и фауной реалий (грибы) - *Гриб не хлеб, а ягода не трава, Ежели бы да кабы, да во рту росли грибы, Назвался груздем – полезай в кузов.*

Однако говоря о лингвистической и лингвокультурологической классификации фитонимов, следует отметить, что не все они могут быть использованы в качестве компонентов фразеологизмов и пословиц. Это обусловлено, прежде всего, с произрастанием отдельных видов растительности на территории средней полосы России, применением их в повседневной жизни людей, знаниями их отличительных свойств. Как показывает предварительный анализ русских фитонимов, наиболее частотными в роли компонентов фразеологизмов и пословиц выступают наименования деревьев, злаковых культур, овощей, грибов и некоторых других.

В русской культуре с отдельными видами растительности связаны и языческие суеверия. Например, в культурологических словарях говорится об осине как «проклятом дереве», его связывали с нечистой силой. Из нее нельзя было строить дом, баню, топить осиновыми дровами печь, что вело к беде. Отсюда выражение: *Вбить осиновый кол в могилу*. Липа считалась святым деревом, ее цветами лечились, ее ветками украшали дома славяне. Из ее коры изготавливали лыко – материал для изготовления обуви (лаптей), хозяйственных предметов (кулей, рогожек, веревок) – *Ободрать как липку, Не лыком шит, Лыка не вяжет*. Занятие огородничеством для выращивания съедобных корнеплодов (картофеля, редьки, брюквы, репы), капусты и зеленных трав обусловило хорошие знание их качеств, практики применения и т.д.

Таким образом, изучение фитонимов как лингвокультурных знаков в составе русской фразеологии с точки зрения их семантических и лингвокультурных признаков дает возможность раскрыть мир русского человека в окружении природы и в единении с ней.

Литература:

1. Бродский И.В. Фитонимы в составе вепских топонимов // Russian Linguistic Bulletin. 2023, № 12 (48), с. 1-7.
2. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. – СПб., 1861 – 643 с.
3. Ван Сюецзяо, Фаткуллина Ф.Г. Концепт «здоровье / 健康» как лингвокультурный феномен: монография / Ван Сюецзяо, Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: Уфимский университет, 2025. – 174 с.
4. Иванов В.А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров): 10.02.01. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 220 с.
5. Копчева В.В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений). Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 1985. – 255 с.
6. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. – 259 с.
7. Ни Сюй, Фаткуллина Ф.Г. Трудности при переводе пейзажной лексики с русского языка на китайский // Вестник башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Серия: Филологические науки. 2025, № 2. – С. 22-28.
8. Осорова М.А. Названия растений: формально-семантическая структура и мотивационные признаки (на материале якутского, тувинского, хакасского, алтайского языков): 5.9.8. Дисс...канд. филол. наук, Абакан, 2024. – 20 с.
9. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. М.: Наука, 1978. – 200 с.
10. Фаткуллина Ф.Г. Универсальное и этническое во фразеологии как объект изучения сопоставительной лингвокультурологии // Русский язык в меняющемся мире: XV Конгресс МАПРЯЛ: (12-16 сентября 2023 г) Избранные доклады [Электронный ресурс] / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. – СПб.: МАПРЯЛ, 2024. С. 1510-1515.
11. Liliya R. Sakaeva, Marat A. Yahin, Fliuza G. Fatkullina, Roman E. Shkilev. Specifics of advertising text in the green economy as the main unit of marketing communications in Russian and English // «Sustainable Cooperation for the Creation of Green Supply Chains Based on Environmental Technologies and Responsible Innovations, Sustainable Civil Infrastructures, Springer. - 2024. Глава 18. Pp.151-159

© Сун Нань, 2026

УДК 81

*Тимерханова Д. М.,
магистрант, КФУ,
г. Казань, Россия*

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВЕДУЩЕГО ШОУ О МОДЕ И КРАСОТЕ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ХАЙДИ КЛУМ

Современное медиапространство характеризуется многообразием жанров, среди которых особое место занимают развлекательные шоу, посвящённые индустрии моды и красоты. В эпоху глобализации англоязычные медиапродукты приобретают всемирную популярность, транслируя не только эстетические стандарты, но и специфические речевые модели. Ведущий

такого шоу выступает ключевым медиатором между миром моды и массовым зрителем, а его речь является мощным средством воздействия и формирования доверия.

В данной статье на материале публичных выступлений, интервью и телевизионных проектов Хайди Клум (Germany's Next Topmodel, Project Runway, подкаст Armchair Expert) предпринято комплексное исследование лексических, стилистических, грамматических и просодических черт, формирующих речевой портрет современного англоязычного ведущего шоу о моде и красоте.

Теоретической базой исследования послужили труды по лингвоперсонологии (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик), медиалингвистике (Т.Г. Добросклонская) и речевому портретированию (М.В. Панов, Л.П. Крысин). Вслед за Ю.Н. Карауловым языковая личность понимается как многоуровневая структура, включающая вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни, а речевой портрет – как её функциональная модель, реализованная в конкретных речевых практиках. Шоу о моде и красоте рассматриваются в работе как особый тип медиадискурса, сочетающий информационную, развлекательную и воздействующую функции; в основе их драматургии нередко лежит архетип инициации, где ведущий выполняет роль «проводника» через ритуал перехода.

Проведённый анализ лексического уровня показал, что словарь Хайди Клум формируется на пересечении немецкой культурной основы и глобального профессионального опыта. С одной стороны, она уверенно использует экспертную терминологию модной индустрии (casting, walk, agency, contract), что подкрепляет её авторитет судьи. С другой стороны, в неформальных интервью и спонтанных комментариях активно применяет разговорную и эмоционально-оценочную лексику с интенсификаторами (absolutely incredible, literally obsessed, completely devastated), а также просторечные формы (kinda, gonna, wanna). Гипербола становится фирменным приёмом: фраза «This is the most amazing thing I've ever seen» произносится даже в отношении рядового успеха участницы, что удерживает внимание аудитории и усиливает драматический эффект. Особого внимания заслуживают культурные маркеры: Хайди Клум сознательно подчёркивает свои немецкие корни, используя германизмы (Schadenfreude, Kindergarten) и эмоциональные восклицания (Ach!, Genau!), что делает её образ аутентичным и узнаваемым. К числу речевых клише, ставших визитной карточкой ведущей, относятся такие высказывания как «One day you're in, the next day you're out», а также фразы «Make it work», «You have to bring it», «This is your last chance» – все они выполняют функцию маркеров жанра и способствуют формированию запоминающегося имиджа.

На синтаксическом уровне речь Хайди Клум демонстрирует характерные черты устной спонтанной коммуникации, даже в условиях подготовленных интервью. Наиболее заметным приёмом является парцелляция – расчленение единой синтаксической структуры на несколько самостоятельных отрезков. Например, в спонтанном уличном интервью она отвечает: «На мне кроссовки Изабель Марант, спортивные штаны «Баленсиага», топ «Баленсиага» и сумка... понятия не имею... Она от Томаса Уайлда. Семейная реликвия от мамы». Короткие динамичные фразы акцентируют внимание на ключевых элементах высказывания и создают эффект естественности. Также широко используются эллиптические конструкции, вводные обороты (Honestly, I think..., You know what?, I mean...) и слова-заполнители (oh, you know, anyway), которые смягчают категоричность суждений и имитируют диалог с участниками и зрителями. Примечательно, что даже в роли строгого судьи Хайди Клум избегает прямых императивов, предпочитая конструкции, сохраняющие «лицо» участника: «I need you to focus» вместо «Focus!», «Let's see what you've got» вместо «Show me». Лишь в критических ситуациях (нарушение дедлайна) команда становится жёсткой и лаконичной: «Stop working. Now.» – краткость и отсутствие смягчений подчёркивают беспрекословность требования.

Стилистические приёмы в речи Хайди Клум служат созданию драматического напряжения и контраста, присущих миру моды. Безусловно к числу стилистических приемов относятся и те, что были указаны выше (например, парцелляция, гипербола и др.), однако ключевым инструментом является развёрнутая метафора, построенная на оппозициях «успех – провал», «внешнее – внутреннее», «гламур – труд». Знаменитая фраза «В мире моды сегодня

ты в деле, а на следующий день тебя уже нет» представляет собой не просто констатацию факта, а яркий образ вращающейся двери, которая может в любой момент выбросить человека из индустрии. Персонификация используется для оживления абстрактных понятий: шоу Project Runway Хайди Клум называет своим «первым телевизионным ребёнком», что создаёт у зрителя ощущение глубокой, почти родственной связи между ведущей и проектом. Стилистические сравнения, например уподобление собственного любопытства эмоциям «ребёнка в кондитерской лавке», делают речь эмоционально заразной. Антитеза регулярно проявляется в противопоставлении внешнего лоска и тяжёлой повседневной работы: «В то время как другие люди видят только конечный продукт, мои дети знают, сколько труда стоит за красивой картинкой».

Просодические и паралингвистические средства органично дополняют вербальный портрет. Хайди Клум демонстрирует виртуозное владение интонацией: в ситуациях оценки конкурсантов преобладают уверенные нисходящие тоны, подчёркивающие окончательность вердикта; в моменты личных переживаний интонация становится мягче, появляются восходящие тоны, создающие эффект искренности. Темп речи варьируется от умеренного (при объяснении заданий) до ускоренного (в спонтанных интервью), что имитирует естественную разговорность. Драматические паузы перед объявлением имени победителя или исключённого участника управляют ожиданием аудитории и усиливают эмоциональное напряжение. На невербальном уровне открытая жестикуляция, наклоны корпуса в сторону участницы (сигнал эмпатии) и мгновенное выпрямление с поднятием подбородка для возвращения к роли ведущего демонстрируют способность переключаться между ролями «друга» и «ментора». Характерный высокий тембр голоса, который Клум сознательно не корректирует, превращён ею в личный бренд и элемент узнаваемости.

Обобщая результаты исследования, можно утверждать, что речевой портрет Хайди Клум представляет собой многомерную функциональную модель языковой личности, в которой синтезируются типы «эксперт» и «шоумен». Её коммуникативная стратегия строится на иерархической модели, подкреплённой многолетним профессиональным опытом, но при этом включает элементы самоиронии, эмпатии и доверительности. Успешность речевого поведения определяется не соответствием единому стандарту, а аутентичностью – сохранением немецкого акцента, фирменного тембра голоса, использованием личных метафор и афоризмов. Полученные выводы могут быть применены в курсах по медиалингвистике, лингвоперсонологии и при подготовке телеведущих развлекательных программ, а также служить основой для сопоставительных исследований речевых портретов ведущих с разным культурным прошлым.

Литература:

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
2. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1990. – 453 с.
3. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-01.htm> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 31 с.
5. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 45–56. – URL: <https://medialing.ru/massmedijnyj-diskurs-v-sisteme-medialingvistiki/> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Орлова К. Е. Влияние положительного имиджа шоумена на ток-шоу // Научные труды Кубанского государственного университета. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-polozhitelnogo-imidzha-shoumena-na-tok-shou> (дата обращения: 20.02.2026).

7. Усманов Р.Ш. Метафорические переносы в номинации параметрических прилагательных /Актуальные проблемы развития современной науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях. – М., ООО "АР-Консалт", 2015. С. 142-143.

8. Усманов Р. Ш. Параметрическая категоризация адъективной лексики. Уфа: ГУП РБ УПК, 2011.

9. Усманов Р. Ш. Канафина А. Р. Сопоставительный анализ предложных и послеложных конструкций как средств выражения пространственных отношений. Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. №11-1(89). С. 176-180.

10. Хисамова Д.Д. Сопоставительный анализ прошедшего неопределенного времени в башкирском языке и настоящего перфектного времени в английском языке // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 2. С. 304-306.

© Тимерханова Д.М., 2026

УДК 81.37

Фаткуллина Ф.Г.,
д. филол. наук, проф. УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ДЕСТРУКТИВНЫМ ГЛАГОЛОМ «БИТЬ» С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

Глагол «бить» (из индоевропейской праформы *bheia-) [2] относится к разряду активной лексики в современном русском языке и служит наименованием (в первом, основном значении) актуальной области физических воздействий.

Согласно этимологическому словарю Н.М. Шанского, глагол «бить» в арм. *bir* - 'палка', нем. *Beil* - 'топор', греч. *phitros* - 'полено, дубинка', лат. *perfringes* - 'разбиваешь' [4]. Этимологический словарь М. Фасмера приводит следующие значения: дрвнем. *bihal* - 'топор', арм. *bir* - 'палка, дубинка', ирл. *Бешш* - 'режу, бью', *biail* - 'топор' [3].

Таким образом инвариантная часть семантики глаголов фр. *battre/abattre*, англ. *to beat*, по данным переводных словарей [3; 8], включает значения 'рубить', 'ломать'; 'избивать' (в англ. *to beat up*); 'бить оружием, убивать' и предположительно восходит к исконной семантике праформы *bheia-.

«У глаголов *бить, колотить, хлестать, протыкать* и под. значение «наносить удары» является основным в их семантической структуре, поэтому все толковые словари отмечают его первым среди многих других или несколькими самостоятельными значениями: БАС – «1. Наносить кому-нибудь удары, колотить кого-нибудь. 6. Ударять, стучать»; МАС – «1. Ударять, колотить»; Сл. Ушакова – «1. Наносить кому-нибудь удары, колотить кого-нибудь. 7. Ударять, стучать»; Сл. Ожегова – «1. Ударять». Среди указанных глаголов выделяются глаголы нанесения удара с помощью какого-либо орудия: (*хлестать плетью, проткнуть ножом, колоть, пырнуть шпагой*)» [5;6]. Смысл – «наносить удары» – передается многими оттенками значений, употреблениями, он лежит в основе значений фразеологизмов: *бить себя в грудь, бить в хвост и в гриву, бить баклуши*.

Концептуальный анализ этих выражений позволяет восстановить связанные с ними денотативные ситуации, отраженные в семантике глагола *бить*. Общая часть в структуре таких ситуаций представляет собою физическое воздействие с помощью многократного либо однократного нанесения ударов, в соответствии с целями, которые преследует человек, а также характером объектов воздействия: неживой объект/живое существо (человек или животное). Подобное воздействие преследует цели деформации/разрушения твердого неживого объекта или же причинения боли живому существу/его умерщвлению.

Рассмотрим семантическое варьирование глагола *бить* (и его приставочных образований) в составе фразеологизмов, которые представляют собой не только факты языка,

но и факты культуры, отражающие особенности национального мировидения и мировосприятия.

Исследуемый нами глагол обладает множеством значений и смыслов, он очень продуктивен в словообразовательном плане: соединяется со всеми глагольными приставками, а так же с суффиксом -ся. Приставочные глаголы этой группы образуют обширное семантическое поле, в центре которого – глаголы, сохраняющие связь с основным глаголом (*вбить, выбить, добить, забить, избить, прибить, побить* и др.), а на периферии – глаголы, в значительной степени эту связь утратившие (*выбиться, добиться, сбиться* и др.) [1].

Отметим, что данный глагол является одним из самых фразеологически активных, что обусловлено его внутренними свойствами и подтверждается многочисленностью и разнообразием фразеологических единиц, включающих глаголы этого ряда. Наблюдения показывают, что самыми частотными являются фразеологические сращения, а также фразеологические единства, что свидетельствует об их древнем происхождении: «*бить баклуши*», «*бить челом*», «*биться об заклад*», «*вбивать осиноый кол в могилу*», «*выбиться в люди*», «*набить глаз*», «*набить руку*», «*набивать себе цену*», «*отбиться от рук*», «*у разбитого корыта*», «*сбиться с ног*», «*Богом убитый*»; «*бить в одну точку*», «*бить ключом*», «*бить по карману*», «*бить по рукам*», «*бить через край*», «*вбить клин*», «*вбить себе в голову*», «*забивать себе голову*», «*пробивать себе дорогу в жизнь*», «*разбить сердце*», «*убить двух зайцев*» и под. [6; 8]

Приведенные фразеологизмы демонстрируют яркую экспрессивность: «*разбиться в лепешку*», «*Богом убитый*», «*бить по рукам*», «*отбиваться руками и ногами*», «*хоть головой об стену бейся*» и т. п.). В стилистическом отношении эти выражения более или менее однородны – почти все они разговорно-бытовые или просторечные.

Большинство из них имеет четко оценочный характер. В этой группе отсутствуют словосочетания с положительной оценочностью, встречаются выражения грубо-просторечные: «*выбивать дурь из головы*», «*вбивать в голову (в башку)*» и др.

Интересным является факт наличия ФЕ с глаголом *бить*, которые встречаются в речи представителей разных профессий. К примеру, фразеологизмы «*набить глаз*» (приобрести умение, опыт, сразу же определять что-либо) и «*набить руку*» (приобрести умение, сноровку в каком-л. деле), вероятно, использовали мастера художественных промыслов и ремесленники; выражения «*вбить клин*», «*клин клином выбивать*» – плотники; «*убить двух зайцев*» – охотники и т.д.

Таким образом, фразеологизмы с деструктивным глаголом *бить* представляют собой обширный класс языковых явлений, отражающих устойчивые особенности национального мировидения и миропонимания.

Литература:

1. Миронова Д.М. Об исконной семантике глагола «бить» // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 30-34.
2. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1 (А-О). М.: Наука, 1959. 674 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 (А-Д). М.: Прогресс, 1967. 562 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Системность и антропоцентричность глагольной лексики (поле деструктивности): монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 180 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Понятие деструкции в лексической семантике: монография. Уфа, Изд-е Башкирского университета, 2002. 268 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. 127 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1987.
8. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1961. 403 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДЕСТРУКТЕМ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Деструктемы, обладая богатой синонимикой, развитой вариативностью значений и широкими возможностями переносного употребления, образуют большое количество фразеологических единиц в составе любого языка.

В данной статье представлена попытка анализа особенностей употребления и функционирования деструктем, повышающих экспрессивность и оценочность фразеологических единиц деструктивной семантики в разноструктурных (русском и башкирском) языках с целью осмысления как самой категории деструктивности так и проявления деструктивных тенденций в современном обществе, выявлении глубинных смыслов фразеологизмов, их культурных и духовных основ, отражающих национальную специфику и особенности языкового мышления [3].

Деструктемы — «это языковые репрезентанты речевой деструкции, в основе которой находится негативная интенция (унижение, оскорбление, агрессия, манипуляция и т.п.), направленная на адресата. Также деструктема трактуется как ключевая смысловая единица текста, которая определяется на основе заложенной в нём интенции разрушения и соответствующей ей цели воздействия» [2].

В условиях современных реалий повышается значимость всестороннего изучения фразеологизмов деструктивной семантики двух разноструктурных языков. Исследование их происхождения и эволюции, анализ в разных контекстах позволяет понять глубинные смыслы фразеологизмов, ее культурные и духовные основы и обеспечивает более полное их понимание.

История изучения фразеологии в русском и башкирском языках имеет свои особенности и этапы развития, отражающие общие тенденции развития лингвистики и специфику каждого языка. Различные аспекты фразеологических единиц (ФЕ) – структура, семантика, происхождение, функционирование – разрабатывались многими известными лингвистами, такими как В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, А.В. Кунин, В.П. Жуков, Д.Н. Ушаков и др. в русском языке; исследованием башкирской фразеологии активно занимались Г.Г. Саитбатталов, З.Г. Ураксин, Т.М. Гарипов, Ф.Г. Хисамитдинова и др. Ими детально исследованы вопросы формирования башкирской фразеологии, ее структура, семантика, связи с фольклором и диалектами.

Основными различиями в истории изучения фразеологии в русском и башкирском языках является то, что русская фразеология имеет более длительную и богатую историю, с более развитой теоретической базой и обширной библиографией. Башкирская фразеология начала активно развиваться позже, и ее становление связано с развитием башкирского языкознания в целом. В башкирской фразеологии большое внимание уделяется изучению фразеологизмов в контексте башкирской культуры, фольклора и менталитета. История изучения фразеологической лексики в русском и башкирском языках представляет собой интересную картину развития лингвистической мысли и отражает специфику каждого языка. Изучение фразеологии позволяет глубже понять культуру и менталитет народа, а также расширить наши знания о языке и его возможностях.

Рассмотрим далее, как отражается национальная языковая картина мира этноса при функционировании деструктем в составе фразеологического поля деструктивности [1].

Отражение национально-культурной специфики:

История и мифология: ФЕ часто уходят корнями в исторические события, легенды и мифы. Например, выражения «ахиллесова пята» (слабое место); «Карфаген должен быть разрушен»; «око за око» отсылают к древнегреческим мифам и исторической древности.

Традиции и обычаи: ФЕ могут отражать особенности быта, праздников, религиозных обрядов и социальных отношений. Например: *ломать шапку, ломать копыя, давить медведя, сорвать пуп, бить рублем, давать дрозда, ломать комедию, дать березовой каши, шибить бабки, Ваньку ломать, отделять злаки от плевел / кара кан койоу, он-талканга эйләндереу, арканың асқы өлөшөн/умыртка һөйәген һындырырга, койрокто кыскартыу*), (букв. энә менән тиреләү и т.п.

2. Передача ценностей и моральных норм:

Добро и зло: ФЕ часто выражают отношение к добру и злу, справедливости и несправедливости. Например, «возвращается бумерангом» подразумевает, что плохие поступки обязательно вернутся к виновнику.

Мудрость и глупость: ФЕ могут выражать представления о мудрости и глупости, опыте и наивности. Например, «*семь раз отмерь, один раз отрежь*» призывает к обдуманному действию (русс.) / *Ауызыңа изтибар ит* – Следи за своим языком. Отражает важность контроля над речью и избежания грубых выражений (башк.) / «*Ил алдында йөзө кызармашлык*» – Чтобы не краснеть перед народом. Означает быть честным и достойным человеком, чтобы не опозориться перед обществом (башк.).

Категоризация и концептуализация:

Метафорическое осмысление: ФЕ часто содержат метафоры для осмысления абстрактных понятий. Например, «*перейти дорогу*» (кому-то) – значит помешать, создать препятствия (рус.) / «*Күккә карап төкөрмә*» – Не плюй в небо. Означает не испытывать судьбу, не говори плохо о тех, кто выше тебя (башк.); *Битһея как рыба об лёд* (русс.) // *Корога сыккан балык кеүек тылпырау* (башк.); *Намять* (помять, обломать) бока (русс.) / *Кабырғаһын һанау; һырт кайышын алыу* (башк.); *Срывать/сорвать маску* (маски) // *(Ысын) йөзөн асыу; битлеген асыу; Хоть глаз (глаза) выколи* (русс.) / *Күзгә төртһәң күренгезеһеҙ* (күренмәһеҙ) (башк.).

Фреймы и сценарии: ФЕ могут активировать определенные фреймы (структуры знания) и сценарии (типичные последовательности событий). Например, услышав «*развязать войну*», мы автоматически представляем себе ситуацию конфликта, сражений и разрушений. Например: *Наломать дров* (русс.) / *Хата ебәреу; яңылышыҡ эшләу; эште бозоу* (башк.) Гнуть/согнуть (скрутить) в бараний рог (русс.) // *баи эйзереу; бишкә бөкләу* (башк.) *Драть (сдирать/содрать) шкуру* (русс.) // *Ете кат тиреһен тунау* (нык изеу, талау) (башк.). *Подрезать/подрезать (обрезать/обрезать) крылья* (русс.) // *Канатын кыркыу кемдең күңелен төшөрөү* (башк.).

Таким образом, можно констатировать, что фразеологические единицы – это ценный источник информации о языковой картине мира. Они отражают культурную специфику, передают ценности, формируют категории и концепции, а также придают речи эмоциональную окраску.

Анализ деструктем в составе ФЕ позволяет обобщить и выявить их следующие интегральные семантические признаки: деструктема обладает не только собственно лингвистическими свойствами, но также когнитивными и лингвокультурологическими.

Литература:

1. Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Хайруллина Р. Х., Скарнев Д. С. Отражение единства человека и природы в мифологической картине мира (на материале русских, тувинских и башкирских фольклорных текстов) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 664–680. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-664-68.
2. Карабулатова И. С., Копнина Г.А. Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти / *Медиалингвистика*, 10 (3), 319-335. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.303>.
3. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. 127 с.

*Фатыхова Л. Ф.,
Магистрант УУНУТ
Фаткуллина Ф. Г.,
доктор филол. наук, профессор УУНУТ,
Г. Уфа, Россия*

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА «НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА» В РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Введение. В условиях глобализации традиционный костюм остаётся одним из немногих устойчивых маркеров этнической идентичности [10]. Однако за внешним сходством функций в разных культурах могут стоять глубоко различные смыслы. Особый интерес представляет сопоставление русской и татарской традиций, которые веками сосуществуют на одной территории, но восходят к разным цивилизационным моделям – православной и исламской. Лингвокультурологический подход позволяет увидеть эти различия не умозрительно, а через анализ реально зафиксированных в языке единиц – слов, фразеологизмов, пословиц [3;4].

В современной науке под лингвокультуремой понимается комплексная единица, интегрирующая языковое значение и культурный смысл. Это понятие близко к термину «концепт», но обладает большей привязкой к предметному миру и этнической специфике. Культурный конструкт – ещё один термин, используемый в работе как синонимичный; он подчёркивает, что представление об одежде сконструировано обществом исторически [1;4;7].

Цель данной работы – реконструировать и сопоставить фрагменты русской и татарской наивных картин мира, связанные с традиционной одеждой. Материалом послужили толковые словари (В.И. Даля, Ф.С. Сафиуллиной), фразеологические сборники (А.И. Молоткова, татарские своды), паремиологические издания (пословицы народов России) и тексты художественной литературы (А.С. Пушкин, Г. Тукай). Используются методы компонентного анализа, когнитивного моделирования и лингвокультурологической интерпретации.

Основная часть

Понятийный слой: ядерные лексемы двух культур.

Русская лексическая система, репрезентирующая национальный костюм, включает такие ключевые единицы, как «рубаха», «сарафан», «кокошник», «душегрея», «лапти», «армяк», «зипун», «кафтан». Одна из самых заметных особенностей – развитая социальная маркировка. «Лапти» и «армяк» – не просто обувь и верхняя одежда, но символы крестьянства, бедности, низкого статуса. «Кафтан», напротив, маркирует зажиточность, а «мундир» официально обозначает дворянство. Показательно наличие уменьшительно-уничижительных форм: «рубашонка», «шапчонка», «лаптишки». Эти дериваты выражают пренебрежение или жалость, что говорит о восприятии одежды как чего-то изнашиваемого, временного, не вполне достойного полного уважения.

Татарская лексическая система строится вокруг иных доминант. Ядерные единицы: «күлмәк» (прямая широкая рубаха-платье), «читән» (камзол), «калфак» (женский бархатный головной убор), «түбәтәй» (мужская тюбетейка), «читек» (сафьяновые ичиги). Первое и главное отличие – гипердифференциация головных уборов: в татарском языке существует более двадцати наименований для разных типов головных уборов. Это отражение культурной значимости: исламская традиция предписывает женщинам скрывать волосы, а мужчинам покрывать голову во время молитвы. Форма, материал и вышивка головного убора содержат информацию о возрасте, семейном положении, достатке владельца. Второе отличие – практически полное отсутствие уничижительных дериватов. В татарском языке невозможно образовать от «күлмәк» или «калфак» слово со значением «плохое, рваное платье». Это свидетельствует о более почтительном, даже благоговейном отношении к предметам гардероба.

Образно-метафорический слой: одежда в переносных смыслах

Русский язык исключительно богат метафорами, где одежда символизирует нечто ненадёжное, притворное или не соответствующее сути. Классическая формула закреплена в пословице «Встречают по одежке – провожают по уму». К этому же кругу идей принадлежат фразеологизмы «фрак с чужого плеча» (вещь не своя, взятая напрокат), «маскарадный костюм» (притворство), «одежка не по росту» (несоответствие положению). Одежда здесь выступает как маска, как оболочка, которая может вводить в заблуждение.

Второй мощный пласт – зооморфные метафоры. Поскольку традиционная одежда часто шилась из меха, свойства животного переносились на носителя. «Медвежья шапка» – о человеке грубом, неуклюжем. «Заячий тулуп» – о трусливом. «Лисий воротник» – о лживом. Работает принцип «одежда + вторая кожа + характер».

Третья значимая сфера – символика пояса («кушак»). В русской традиции пояс – не просто деталь одежды, а оберег, магическая граница между телом и внешним миром. «Распоясаться» – потерять контроль над собой, утратить самообладание. «Затянуть пояс потуже» – терпеть лишения.

Татарские метафоры обнаруживают иную семантическую направленность. Иронический тон здесь практически отсутствует. Доминируют темы моральной чистоты и религиозного долга. Фразеологизм «күлмәгәң ак булсын» (буквально «пусть платье твоё будет белым») – это не пожелание чистоты одежды, а пожелание чистоты души, честности, отсутствия грехов. Белый цвет в исламской традиции – цвет первозданной природы человека.

Фразеологизм «түбәтәй кидерү» (буквально «надеть тюбетейку») означает не просто действие с головным убором, а ритуал включения в мужское сообщество, доверие ответственности, признание зрелости. Снять тюбетейку публично – значит нанести оскорбление. Идиома «калфак ачу» (буквально «открыть калфак») имеет значение «раскрыть тайну» или «утратить сдержанность». Калфак плотно закрывает волосы, его «открывание» символизирует обнажение того, что должно оставаться скрытым.

Ценностно-оценочный слой: пословицы и поговорки

Русские паремии об одежде демонстрируют устойчивую установку на критическое, ироничное отношение к внешнему. «Не по одежке суди, по делу гляди» – эта формула прочно вошла в языковое сознание. «Не всё то золото, что блестит» – поговорка, активно применявшаяся к парчовым и бархатным кафтанам. «Одежка сокола, да походка вороны» – ещё один пример несоответствия между дорогим костюмом и недостойным поведением. «Без порток, да в шапке» – о нелепой претензии выглядеть значимым при полной бедности. Одежда в русских пословицах – диагностический инструмент, которому не доверяют до конца.

Татарские пословицы выстраиваются вокруг других ценностей – чести, происхождения, нравственной ответственности. «Атны кизүе салдыра, ирне – түбәтәе» («Коня красит упряжь, джигита – тюбетейка») – достоинство человека проявляется в правильных атрибутах. «Кигән киемеңә карап сан күтәрмә, күңелеңә карап сөй» («Не уважай по одежде, люби по душе») – эта паремия близка к русской, но в ней нет иронии, это прямой этический императив. «Яңа күлмәк – яңа бәхет» («Новое платье – новое счастье») – уникальная формула положительной связи обновки и счастья, не имеющая аналога в русском фольклоре. «Читәнле кыз – чибәр, читәнсез – ямьсез» («Девушка в камзоле – красавица, без камзола – некрасива») – прямое утверждение эстетической и этической нормы.

Смысловые лакуны и зоны пересечения.

Сопоставительный анализ выявляет единицы, присутствующие в одной культуре и отсутствующие в другой. В татарской картине мира есть «маңгай тәңкәсе» – налобное украшение из монет, не имеющее прямого аналога в русском языке. Татарская дифференциация «түбәтәй» и «калфак» также не воспроизводится в русском, где оба предмета попадают в общее понятие «головной убор». В русской картине мира есть «душегрея» – тёплая кофта без рукавов, которая не выделяется в татарском языке в отдельную лексику. Русские «лапти» в переносном значении – символ крайней бедности, тогда как татарские «чабата» такого негативного символизма не имеют.

Различается и цветовая символика. В русской традиции сакральным цветом является красный – красная рубаха как оберег от сглаза, красный сарафан как праздничная одежда. В татарской культуре сакральны зелёный (цвет ислама, рая, пророка) и белый (чистота, фитра). При этом есть и зоны пересечения. В обеих культурах пояс («кушак» / «билбау») выступает как граница тела и духа, как оберег. В обеих традициях головной убор имеет высокий семиотический статус: снять шапку публично означает проявить неуважение.

Заключение

Проведённое исследование лингвокультуры «национальная одежда» в русской и татарской языковых картинах мира позволяет сделать следующие выводы.

В понятийном слое русский язык демонстрирует развитую социально-стратификационную модель: одежда маркирует сословие и достаток, причём часто в уничижительном ключе. Татарский язык акцентирует гипердифференциацию головных уборов и не знает уничижительных дериватов, что говорит о более почтительном отношении к предметам гардероба.

В образно-метафорическом слое русские метафоры строятся на идеях обмана, несоответствия и зооморфизма. Татарские метафоры связаны с этическим и религиозным измерением: чистота души, взросление, сокровенная тайна.

В паремиологическом слое русские пословицы ироничны и прагматичны («Встречают по одежке»). Татарские пословицы нравственно-императивны, а уникальная формула «Новое платье – новое счастье» фиксирует положительную связь обновления и жизни.

Обнаружены лакуны («маңгай тәңкәсе» в татарском, «душегрея» в русском, разная цветовая символика). При этом пояс и головной убор в обеих культурах имеют сходную символическую нагрузку.

Типологический вывод: для русской языковой картины мира характерен социально-символический вектор с иронией; для татарской – этико-конфессиональный вектор с почтительным отношением к одежде как проводнику моральных норм.

Результаты могут быть применены в переводческой практике, при составлении двуязычных словарей культурных реалий и в курсах межкультурной коммуникации. Перспективы исследования – диахронический анализ изменений под влиянием урбанизации и расширение материала на другие этнические группы Поволжья.

Литература

1. Воркачёв С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области варьирования. – Волгоград: Перемена, 2007. – 248 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1999.
3. Лингвокультурология: общая, сопоставительная, прикладная. Энциклопедический словарь / Составители В.В. Воробьев, Р.Х. Хайруллина, Ф.Г. Фаткуллина – Москва: Флинта. 2026. – 172 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов. – М.: Академия, 2018. – 256 с.
5. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
6. Накипова И.Г. Татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре / Татарские народные пословицы и поговорки. – Казань: Мәгариф, 2018. – 192 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Сафиуллина Ф.С., Замалетдинов Р.Р. Татарско-русский тематический словарь: традиционная культура и быт. – Казань: Татарское книжное издательство, 2015. – 416 с.
9. Усманов Р.Ш. Метафорические переносы в номинации параметрических прилагательных / Актуальные проблемы развития современной науки и образования: сб. науч.

тр. по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях. – М., ООО "АР-Консалт", 2015. С. 142-143.

10. Фаткуллина Ф.Г. Национально-культурный компонент языковой картины мира (на материале топонимов Республики Башкортостан) // IV всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Наука. Образование. Профессия» 11 марта 2024 г. – Уфа: БГАУ, 2025. С. 112–116.

11. Фаткуллина Ф.Г. Универсальное и этническое во фразеологии как объект изучения сопоставительной лингвокультурологии // Русский язык в меняющемся мире: XV Конгресс МАПРЯЛ: (12-16 сентября 2023 г) Избранные доклады [Электронный ресурс] / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. – СПб.: МАПРЯЛ, 2024. С. 1510-1515 .

© Фатыхова Л. Ф., Фаткуллина Ф.Г., 2026

УДК 81'373

Хайруллина Р.Х.,

*д-р филол. наук, профессор БГПУ им. М.Акмиллы,
г. Уфа, Россия*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА: ДВУПЛАНОВАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА И ПОДХОДЫ К ЕЕ ИЗУЧЕНИЮ

В лингвистике большой интерес представляет исследование путей формирования фразеологической образности [Алефиренко, 2020, Гачев, 1988, Добровольский 1990, 1996, Маслова, 2007, Мокиенко, 2010, Солодуб 1990, Хайруллина, 2008 и др.]. Совокупность фразеологизмов языка образует фразеологическую картину мира, под которой мы понимаем «часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии, в которой каждый ФО является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности...Фразеологическая картина мира – это один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности» [8: 26].

Как известно, «строительным материалом» для фразеологической единицы выступает свободное словосочетание, которое в процессе его использования в переносно-образном, метафорическом значении переходит в воспроизводимую языковую единицу с устойчивой семантикой. Образная семантика оборота базируется на его буквальном (исходном) значении. В одном случае основой для фразеологизации словосочетания является ситуация, закрепившаяся во фразеологическом обороте (*ловить рыбу в мутной воде, таскать каштаны из огня*), а в другом случае отдельные компоненты могут выступать в качестве семантически опорных компонентов для создания фразеологического образа (*как рыба в воде, свет в окошке, ни рыба ни мясо*). Д.О. Добровольский определяет такие случаи, как компонентный и ситуативный виды мотивации фразеологической семантики. Соотношение актуального (буквального) и образного значения фразеологизма говорит о двуплановости семантики устойчивого оборота как об одном из его отличительных свойств.

Двуплановость фразеологической семантики разные ученые трактуют по-разному. Д.О. Добровольский отмечает, что такая двуплановость определяется сосуществованием во фразеологической картине мира (ФКМ) двух «слоев»: ФКМ-1 и ФКМ-2. Первая образуется значениями образных субстратов, то есть буквально понятых исходных словосочетаний (*сидеть на двух стульях, подливать масла в огонь, намылить шею* и т.д.). ФКМ-2 является частью актуальной картины мира народа и образуется совокупностью актуальных значений устойчивых оборотов [3: 47]. Связующим звеном между ФКМ-1 и ФКМ-2 является внутренняя форма фразеологизмов.

По мнению Д.О. Добровольского, ментальная природа фразеологического образа является достаточно неоднозначной с точки зрения ее мотивированности, поскольку говорить можно лишь о тех образах, которые получают закрепление в языке. «Для лингвистического описания семантики идиом, – отмечает он, – интересны, по-видимому, лишь те элементы ментального образа, которые находят языковое выражение» [4: 73]. Сферами создания фразеологической образности, по его мнению, являются, прежде всего, основные сферы практической жизнедеятельности людей (работа, семья, быт, общение, досуг), в рамках которой идет накопление коллективного житейского опыта, выступающего мотивационной базой фразеологической семантики. В данном случае можно говорить о прототипических мотивационных моделях фразеологизмов, определяющих формирование их образной семантики. Такие модели отражают как культурно-историческое развитие человечества в целом, так и историю, культуру и образ жизни конкретного народа, носителя языка. Этим и определяется как эквивалентность, тождество фразеологизмов, так и этнокультурное своеобразие устойчивых оборотов в разных языках, причем даже с одинаковыми компонентами. Когда понятийной базой фразеологизмов выступают универсальные логические структуры, характеризующие общечеловеческое понимание и интерпретацию предметов и одинаковую оценку каких-либо понятий, возникают фразеологические эквиваленты. Если коллективный опыт познания закрепляется в призмах национальной культуры, создаются безэквивалентные обороты. Таким образом, один и тот же образ может быть выражен в языке с помощью разных концептов, а один и тот же концепт может выступать базой для формирования разных фразеологических образов.

Например: концепт «Дом» во фразеологии всех языков отражает его восприятие как оплот безопасности, места, где человек хозяин, где живет его семья (**русск.** *Дома и стены помогают; В гостях хорошо, а дома лучше*; **англ.** *East or west home is best* 'Восток или запад – дом лучший'). А вот концепт «Волк» интерпретируется в европейских (славянских) и тюркских языках по-разному: в славянских с отрицательной коннотацией, а в тюркских – чаще с положительной и символизирует мудрость, силу, выносливость, в силу того, что волк был тотемом для многих тюркских народов (**русск.** *Хоть волком вой, Сколько волка не корми, он все в лес смотрит*; **тюркск.** *eski kurt* 'старый волк' – опытный, мудрый человек, *kurt gibi* 'как волк' знаток мастер своего дела).

В работах известного культуролога, литературоведа Г.Д. Гачева двуплановость фразеологической семантики рассматривается с точки зрения отражения во фразеологии культуры народа, поскольку фразеологическая картина мира – это хранилище его культурного опыта, закрепленного в образах [8; 10]. По его мнению, национальный образ мира у разных народов (а фразеология – это образное картирование мира) можно выявить на «двух этажах» культуры: на поверхностном уровне (природа, быт, артефакты) и на глубинном уровне (способы осмысления объективной реальности и его репрезентация в образах, в том числе и языковых). «Брошенный в природу, в данный климат, данную территорию: в горы, в долины, в пески, в тундру – народ обживался, приспосабливался, а одновременно и природу стал приспособлять к себе и развил самобытную, точно отвечающую данному месту природы материальную культуру и соответствующую психику, язык, мышление и т.д.», – пишет Г.Д. Гачев [2: 15]. Природно-климатические условия проживания народа формируют тип хозяйствования, ремесла и промыслы, его традиции и обычаи. Изба, юрта, сакля, чум – само жилище человека обусловлено его природным окружением (леса, реки, море, степь, горы), оседлый или кочевой образ жизни определяется ландшафтом и климатом. Окружающий мир закрепляется в языке сквозь призму культуры, что и придает языку, и в частности фразеологическому фонду национального языка этническую окраску.

Например: **русск.** *Хлеб всему голова, Где пирожки, там и дружки, Один с сошкой, семеро с ложкой* (оседлое земледелие); **башк.** *Малды таба белмәгән тотә ла белмәс* 'Тот, кто не умеет разводить скот, тот и не сумеет за ним ухаживать', *әсә күнеле балала, бала күнеле далала* 'Душа матери в ребенке, душа ребенка в степи', *Ирзен юлдашы ла ат, мондашы ла ат*

'У мужчины конь и спутник, и душевный друг', *Аты барзын – канаты бар* 'У кого есть конь – у того есть крылья' (кочевое скотоводство).

Таким образом, особенности двуплановой природы фразеологической семантики можно выявить двумя путями: ономастическим (от предмета к образу) и семасиологическим (от слова к образу) [2: 7;9-10]. Первый обуславливается интерпретацией культурно-исторического развития народа в контексте его повседневного бытия в определенных природных условиях, а второй основывается на языковых данных, изучении лингвокогнитивных механизмов формирования фразеологических образов. Они не взаимоисключают, а, наоборот, дополняют друг друга, что позволяет выделить во фразеологической картине мира универсальные и этнокультурные свойства как в содержании, так и в структуре.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2020. 288 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. – М.: Советский писатель, 1988. 445 с.
3. Добровольский Д.О., Малыгин В.Т., Коканина Л.Б. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) – Владимир, 1990. 79 с.
4. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.
5. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 318 с.
6. Мокиенко В.М. Роль внутренней формы фразеологических единиц в концептуализации их смыслового содержания // Проблемы семантики и функционирования единиц разных уровней: сб. научн. ст. Иваново: изд. Ивановск. Ун-та, 2010, с.123-127.
7. Солодуб Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. – 1990. – №6. – С.55–65.
8. Фаткуллина, Ф.Г. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) / В.В Воробьев., Ф.Г Фаткуллина, Ш.Ю. Кужугет // Новые исследования Тувы, 2023, №. 4. С. 153-170. DOI: 10.2511/nit.tuva.asia/nit/article/view/1278/1593.
9. Фаткуллина Ф.Г. Особенности изучения разноязычных концептосфер // Теоретические и практические проблемы современной гуманитарной науки. Материалы XI Международной научно-практической конференции (Уфа, 23 апреля 2025). – Уфа: РИЦ УУНИТ, 2025. С. 127-129.
10. Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию. Уфа: БГПУ, 2008. 300 с.

© Хайруллина Р.Х., 2026

УДК 070.19

Халиуллина Ю.Ш.,
доцент кафедры журналистики УУНИТ
г. Уфа, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕЙ

Актуальность статьи обусловлена тем, что по данным сервиса Pressfeed, 66% российских журналистов уже используют нейросети при подготовке материалов, а 86% не верят, что

генеративный ИИ оставит их без работы. Генеральный директор ТАСС Андрей Кондрашов сформулировал доминирующий профессиональный нарратив: «ИИ – это блестящий ассистент, но пока еще не очень талантливый творец», который освобождает журналиста от рутины, позволяя больше времени уделять расследованиям и контакту с аудиторией. Однако эмпирические кейсы последних лет демонстрируют системную проблему. Экспериментальный номер РБК, выпущенный в апреле 2023 года на основе работы нейросетей GigaChat и Kandinsky 2.1, был объявлен главным редактором Петром Канаевым «шансом изобрести профессию заново». Практически этот эксперимент не привел к институциональным изменениям. В 2025 году крупнейшая пакистанская газета Dawn напечатала статью с фрагментом нейросетевого текста из диалога с пользователем («Если хотите, я также могу создать еще более яркую первополосную версию...»), который попал и в печатную, и в интернет-версию текста. Аналогичный случай произошел в немецком журнале Der Spiegel, где после публикации пришлось удалить статью из-за обнаруженного читателями «сырого» фрагмента, оставшегося от работы с ИИ. Эти инциденты – не технические сбои, а симптом глубинного дефицита: у журналистов отсутствует рефлексия по поводу границ применения нейросетей и понимание того, как именно ИИ должен встраиваться в профессиональный процесс.

Эту тенденцию заметили маркетологи, которые начали утверждать, что «ИИ убил рынок контента». В частности, эксперт по медиакоммуникациям Наталья Кузнецова предложила метафору, имеющую прямое отношение к журналистике: искусственный интеллект «включил свет в комнате, где посередине была огромная пропасть» между теми, кто умеет думать, и теми, кто просто копировал и «подшаманивал». Эта метафора фиксирует ключевое свойство нейросетей: они выступают как мультипликатор профессионального мышления. Журналист, владеющий логикой построения текста, методами анализа данных и пониманием аудитории, получает возможность масштабировать свою работу в десятки раз (разложение одного смысла на множество форматов). Напротив, специалист, не обладающий этой базой, даже используя самые совершенные модели, будет продуцировать «пластмассовую ерунду» и неспособность отличить ее от качественного текста, что уже продемонстрировали работники Dawn и Der Spiegel. Таким образом, нейросеть диагностирует наличие профессионального мышления там, где раньше его отсутствие можно было скрыть ручным трудом.

Традиционное журналистское образование исторически строилось вокруг воспитания специалистов, реализующих свой талант и опыт в определенных жанрах и форматах: репортер, корреспондент, журналист-аналитик. В эпоху нейросетей, способных мгновенно переупаковывать содержание в любой формат, эта модель теряет смысл. Отрасль уже отреагировала появлением фигуры «смысловика» – специалиста, который не привязан к формату, а работает со смыслами: анализирует целевую аудиторию, выделяет проблему и акценты ее развития, выстраивает логику повествования, а затем ставит задачу нейросети и критически оценивает результат. Такому специалисту «вместо 10 ручных навыков нужно всего два: думать головой и уметь использовать искусственный интеллект. Но самое главное – это голова, это мышление». Следовательно, устойчивым конкурентным преимуществом журналиста становится не владение конкретным нейроинструментом (они быстро меняются и осваиваются стихийно), а способность к смыслопорождению и промпт-инжинирингу как новой форме редакционной постановки задачи.

Наиболее распространенная сегодня реакция системы высшего образования на вызов нейросетей – внедрение курсов по работе с ChatGPT, Midjourney и другими моделями. Этот подход создает иллюзию инновационности, но несет в себе серьезный риск. Выпускник, обученный писать промпты, но не способный отличить значимый факт от информационного шума, задать «неудобный вопрос» источнику, выявить нейрогаллюцинации в данных нейросети или осознать этические последствия автоматизированного производства контента, становится не «журналистом новой волны», а оператором ИИ. Технологический фетишизм подменяет цель: нейросети должны быть не объектом изучения, а инструментом, который осваивается студентом самостоятельно в процессе решения реальных профессиональных

задач. Образовательные программы требуют не добавления новых дисциплин, а радикальной ревизии существующих – с акцентом на развитие критического мышления, логики, медиаэтики и понимания социального контекста журналистики.

Нейросети не создали новой профессии и не «изобрели журналистику заново», но они сделали очевидным то, что раньше можно было скрыть: наличие или отсутствие у журналиста собственного профессионального мышления. ИИ выступает как диагностический инструмент, который усиливает сильного и обнуляет слабого. Для системы высшего журналистского образования это означает необходимость стратегического сдвига: от обучения ручным операциям и форматам – к формированию метакомпетенций смыслового моделирования, критической верификации и этической рефлексии. Задача заведений высшего профессионального образования сегодня – не научить работать с нейросетями (этому студенты учатся быстрее и эффективнее вне аудиторий), а сформировать тот когнитивный базис, без которого использование ИИ превращается из профессионального усиления в профессиональную деградацию.

Таким образом, журналист будущего – это не оператор нейросети, а «смысловик», для которого искусственный интеллект является инструментом выполнения профессиональных задач, тогда как стратегия, ответственность и гарантия качества остаются за человеком.

Литература:

1. «Искусственная журналистика»: как ИИ изменит правила игры в медиа [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/tech/53636559-iskusstvennaya-zhurnalistika-kak-ii-izmenit-pravila-igry-v-media/>.
2. ИИ убил рынок контента [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/marketing_anarbacho/437.
3. Кондрашов: ИИ не заменит журналистов, но кардинально поменяет эту профессию [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/nauka/25559699>.
4. Пакистанская газета случайно напечатала подсказку ИИ вместе со статьей. Кого-то уволят. [Электронный ресурс]. URL: <https://incruasia.ru/news/pakistanskaya-gazeta-sluchajno-naprechatala-podskazku-ii-vmeste-so-statej-kogo-to-uvolyat/>.
5. РБК и «Сбер» выпустили первый номер газеты в России с помощью GigaChat [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/644b7d839a794771c1dc9885>.

© Халиуллина Ю.Ш., 2026

УДК 811.161.1

*Хисамова Г.Г.,
д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Методика преподавания русского языка руководствуется дидактическими принципами: экстралингвистическим принципом, предполагающим сопоставление единиц языка и реалий; функциональным принципом, заключающемся в показе функций языковых явлений в языке и речи; структурно-семантическим принципом, определяющим рассмотрение языковых явлений с точки зрения структуры и с точки зрения значения, которым обладает данная языковая структура; нормативно-стилистическим принципом, раскрывающим механизм выбора в речи языковых явлений со стороны их норм употребления и уместности использования; историческим принципом, предполагающим учет исторических изменений,

которые в той или иной форме сохранились в русском языке, и лингвокультурологическим принципом, предусматривающим осознание языка как явления культуры.

Статья посвящена использованию художественного текста в качестве источника лингвокультурологической информации в практике преподавания русского языка в национальной аудитории.

Формирование билингвальной и полилингвальной личности предполагает воспитание личности, которая в свободной форме владеет двумя и более языками. Свободное владение языками основано на усвоении языковой картины мира народов, говорящих на разных языках, когда усваиваются языковые средства вместе с материальной или духовной культурой народов-носителей языков [1:166-171].

Следовательно, билингвальная (двуязычная) личность – это личность, усвоившая вместе с языковыми средствами две национальные картины мира, две национальные культуры. Полилингвальная (многоязычная) личность – это личность, усвоившая вместе с языковыми средствами три и более национальные картины мира и национальные культуры.

Особая роль в формировании билингвальной и полилингвальной личности принадлежит художественному тексту. Он обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств языкового выражения, языковая рефлексия над ним дает читателю определенные знания, учит тому, как получить новые, помогает изучающему язык освоиться в новом языковом пространстве. Без чтения художественной литературы не может быть полноценного владения языком [2:8].

Антропоцентрическая парадигма предполагает подход к художественному тексту в неразрывной связи с человеком и культурой народа. Исходя из этого, анализ художественного текста в обучении русскому языку нерусских учащихся должен проводиться не только с позиций лингвистики, но и лингвокультурологии.

Лингвокультурология определяется как дисциплина интегративного типа, занимающая промежуточное положение между науками, проблемами которых является язык и культура.

Целью лингвокультурологического анализа художественного текста является работа по определению и характеристике языковых единиц, имеющих отношение к этнокультурному пространству, к духовной и материальной реальности народа, которые выражают национально-языковой колорит и создают культурный фон текста, а, следовательно, обеспечивают отображение национальной картины мира и играют роль эстетических знаков культуры народа [7:150].

Учитывая специфику текстового материала, а также особенности восприятия художественной литературы и принимая во внимание общую направленность практического языкового курса, можно следующим образом сформулировать основные цели работы над конкретным художественным текстом на занятии русского языка как неродного:

- 1) Понимание текста, его смысловое восприятие;
- 2) Обучение речемыслительной деятельности на изучаемом языке, овладение стратегиями понимания.

Поставленные цели определяют прежде всего отбор текстового материала. Художественные тексты, которые предлагаются обучаемым для понимания, должны быть:

- 1) Интересными для конкретного читателя, то есть должны вызывать желание понять их;
- 2) Посильными для нерусского учащегося (имеется в виду характер предполагаемых трудностей, преодоление которых планируется за единицу учебного времени).

Отбор учебных текстов осуществляется с учетом критериев содержательной и художественной ценности.

Произведения русской классической литературы являются отражением авторского поиска универсального национального характера: каждый писатель стремится сосредоточить свое внимание на неповторимости, своеобразии человеческой личности [4: 60-61].

Национальный характер – это представление народа о самом себе, это важный элемент народного самосознания. Русский национальный характер получил глубокое освещение в произведениях русской литературы XIX-XX веков. Это произведения А.С. Пушкина, И.С.

Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, Н.С. Лескова, В.М. Шукшина, В.П. Астафьева, В.Г. Распутина и др. В текстах этих писателей присутствует яркая, неповторимая личность героя, они отличаются драматизмом и напряженностью сюжета.

Так, например, в романе «Капитанская дочка» (1836 г.) А.С. Пушкин реалистично изобразил разные слои русского общества: от беглых и крепостных крестьян до служивых дворян, от самозванца до императрицы. На их примере автор правдиво раскрыл положительные и отрицательные черты русского народа, но главной проблемой произведения явилась проблема чести и долга, которое прослеживается на судьбе двух персонажей – Петра Гринева и Алексея Швабрина.

Духовный мир русского человека получил яркое воплощение в женских литературных образах. Л.Н. Толстой представил «идеал женщины» в образе Наташи Ростовской из романа «Война и мир» (1868 г.), ставшей олицетворением «русской души» во всех ее проявлениях. Писатель убедительно показывает, как с годами меняются ее ощущения, ее восприятие жизни.

Все творчество Н.С. Лескова посвящено утверждению и защите национального своеобразия русского народа. В своем творчестве Лесков обращался к изображению особого типа людей – праведников: добрых, бескорыстных, умеющих сострадать и бороться со злом. Тульский рабочий Левша из одноименного рассказа (1881 г.) является олицетворением народного таланта, высокого мастерства. Образу Левши присущи все черты, свойственные лесковским праведникам.

Отражением авторского поиска универсального национального характера является приверженность В.М. Шукшину к особому человеческому типу – обычному человеку с необычным складом души, «чудику». Воссоздание характеров странных, чудаковатых, но самообытных, талантливых, ищущих выхода своим нерастратенным силам, нашло отражение в поэтике Шукшина. Поступки «чудиков» противоречат «здравому смыслу», благоразумию, шукшинские герои действуют в силу внутренних понятий (рассказы «Чудик», «Микроскоп», «Степка», «Сапожки» и др.).

Герои Распутина, как и сам писатель, родились в Сибири. Сибирская природа, тайга как бы оживают на страницах его книг. Но в своих произведениях писатель сумел пробудить интерес в читателе не только к своему великому краю, но и к его людям, обитателям этого края. Сочетание «сибирский характер» воплощает такие качества человека, как мужественность, стойкость, надежность, решительность, бескорыстную доброту и благородство (рассказы «Василий и Василиса», «Уроки французского» и др.).

Таким образом, художественные тексты являются практическим руководством к пониманию культурно-поведенческих традиций, его обрядов и обычаев [6].

Практическая направленность занятий по русскому языку в национальной аудитории с использованием произведений русской литературы выражается в нацеленности системы учебных заданий на развитие продуктивной речи обучающихся, на формирование умений лингвистического анализа единиц и фрагментов текста, а также обогащение и активизацию лексического запаса.

Для методики преподавания русского языка как неродного характерно повышенное внимание к проблеме отражения в языке национально-культурной семантики. На лексико-фразеологическом уровне выявляются единицы с национально-культурной семантикой: безэквивалентная лексика, фоновая и коннотативная лексика; фразеологизмы, афоризмы, крылатые выражения, прецедентные тексты; изобразительно-выразительные средства языка, которые сопоставляются с фактами родного языка и культуры, что способствует выделению общего и национально-специфического в языковых единицах. Погружаясь в богатый и многообразный мир русской классической литературы, учащиеся сталкиваются с трудностями: сложны для понимания как особенности описываемой эпохи, так и отдельные слова, и понятия, исчезнувшие из обихода и изменившие свой смысл. Евгений Онегин спешит к умирающему дяде, «летя в пыли *на почтовых*». Что означает строка «Стремглав по *почте* поскакал? Что значат слова «*Ярем он барычины* старинной оброком легким заменил?» Устаревшая лексика нуждается в комментариях, пояснении, толковании.

«Русский дух» пронизывает все произведения Л.Н. Толстого и содержится в названиях блюд (*потолок, травник, лепешечка черной муки на юраге, жаркое*); в названиях средств передвижения (*дрожки, долгуша, линейка* и др). [5:496].

Особый интерес представляют исследования Р.Х. Хайруллиной относительно анализа этнического своеобразия художественного текста с помощью языковых маркеров. К ним относятся языковые единицы, обладающие национально-культурной семантикой за счет закрепления в языке наименований реалий и понятий национальной культуры: имен собственных (личных имен, топонимов, гидронимов), экзотизмов, диалектной лексики, терминов родства, наименований культурных реалий быта (одежды, обуви, орудий труда, элементы жилища, хозяйственные постройки); устаревшей лексики; устойчивых оборотов (поговорок, пословиц, фразеологизмов) с национальным содержанием.

Например, в ранней поэзии С. Есенина используется большое количество диалектной лексики для описания жизни и быта села: *косники, махотка, свясло, зыбка, покосник, гутарить*. Если некоторые диалектизмы можно объяснить через синонимы (*зыбка* – колыбель, *покосник* – косарь, *гутарить* – говорить), то другие необходимо комментировать с помощью описательного оборота, так как исчезли реалии, которые обозначают эти слова (*косники* – ленты для кос; *махотка* – глиняный горшок, крынка; *свясло* – собранные в узел злаковые стебли для вязки снопов) [3:].

Описание реалий культуры, лексики с национально-культурным компонентом в русском и родном языках и культурах позволит ускорить когнитивную базу, необходимую для общения, что будет способствовать совершенствованию обучения русскому языку.

Таким образом, художественный текст является источником лингвокультурологической информации, что позволяет студентам не только обогащать словарный запас, расширять кругозор, но и использовать его как посредника в диалоге культур.

Литература:

1. Закирьянов К.З., Зайнуллин М.В. Башкирско-русское двуязычие как феномен взаимообогащения культур // Вестник Башкирского университета. – 2015. Т. 20. №1. – С. 166-171.
2. Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 137.
3. Хайруллина Р.Х. Филологический анализ текста: лингвокультурологический аспект. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2025. – 134 с.
4. Хисамова Г.Г., Ишмуратова С.Р. Тайны русской души: особенности национального характера (лингвокультурологический аспект исследования). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 74 с.
5. Хисамова Г.Г., Махмутова А.С., Ишмуратова Л.Н. Художественный текст в обучении русскому языку билингвальной личности // Вестник Башкирского университета. – 2018. Т. 23. №2. – С. 495-498.
6. Хисамова Г.Г., Махмутова А.С., Кульсарина И.Г. Особенности национального характера в произведениях русской литературы XIX-XX веков: лингвокультурологический аспект исследования. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – 160 с.
7. Шербашина И.В. Теоретико-методические основания использования лингвокультурологического анализа художественного текста в практике преподавания языковых дисциплин // Вестник Майкопского государственного технологического университета – 2022. Т. 14. №4. – С.146-158.

© Хисамова Г.Г., 2026

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ (CODE-SWITCHING) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Современный мир, характеризующийся ускоренным прогрессом в области технологий и интенсивным развитием научных исследований, порождает потребность в освоении второго языка. Актуальность статьи обусловлена устойчивым ростом числа билингвов и мультязычных людей во всех возрастных группах во всём мире, включая самых маленьких детей. Современные отечественные и зарубежные лингвисты уделяют этому вопросу пристальное внимание ввиду растущей необходимости владения двумя и более языками в условиях интеграционных процессов, взаимодействия локальных и официальных языковых систем, а также экономического, социального, образовательного и культурного развития общества. Вопросы изучения и использования второго языка, процессы языкового овладения и критический возраст овладения вторым языком – являются предметом дискуссий. Эти дебаты привели к появлению множества определений билингвизма, что, в свою очередь, породило многочисленные заблуждения.

В последнее время многочисленные исследования показывают, что изучение другого языка в раннем возрасте предоставляет множество преимуществ для ребёнка. Тем не менее, ответы на многие вопросы, такие как: какой путь следует избрать в этом процессе, должен ли существовать доминирующий язык, следует ли изучать другие языки после освоения родного, как функционируют языковые системы и основывается ли другой язык на системе родного языка, стали актуальными для учителей, исследователей и, особенно, для родителей. Способность коммуникатора оперативно переключаться с родного языка на другой и обратно рассматривается как показатель высокого уровня билингвальной компетенции. Код-свитчинг (code-switching) – это распространенное явление, к которому регулярно прибегают билингвы. При код-свитчинге у билингвов слова из двух языков используются в рамках одного дискурса.

В некоторых исследованиях код-свитчинг путают с код-миксингом: код-миксинг определяется как практика смешения языков в пределах одного предложения, тогда как код-свитчинг может происходить как внутри предложения, так и между предложениями в рамках одного дискурса или конституента.

Е. А. Проценко в статье «Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике» определяет переключение кодов как «по переменное использование элементов двух и более языков в рамках одного коммуникативного акта» [4, с. 123]. Вместе с тем среди исследователей отсутствует единое мнение относительно семантических различий терминов «переключение кодов» (code-switching) и «смешение кодов» (code-mixing). А. В. Русан указывает, что трактовки понятия «смешение кодов» варьируются: от неограниченного количества вкраплений единиц заимствованного языка, фонетически и грамматически неадаптированных, до использования элементов другого языка в пределах одного предложения [5, с. 22].

По И.Г.Морозовой, говорящий может непроизвольно переключаться с одного языка на другой прямо в ходе высказывания – это происходит подсознательно или даже полностью без осознания. Такой бессознательный код-свитчинг особенно типичен для билингвов, долго

живущих в двуязычной среде, например для студентов зарубежных вузов, для семей, где родители общаются с ребёнком на двух языках, дети иммигрантских семей оказались вынуждены быть билингвами. Новое поколение столкнулось с влиянием второго языка, даже если этого не желали [3].

Код-свитчинг был хорошо изучен у взрослых билингвов, особенно в отношении грамматических и коммуникативных функций этого явления Cantone (2007), Gumperz (1971), MacSwan (2014), Poplack, (1980) и др. Сложность код-свитчинга у взрослых билингвов, как правило, свидетельствует о глубоком знании грамматики обоих языков и отражает их компетентность в их соответствующем использовании.

Исследователи из многих стран рассматривали широкий спектр вопросов, связанных с ранним детским код-свитчингом: асимметричное усвоение двух грамматик детьми, приводящее к нарушениям некоторых ограничений билингвальной речи (Paradis et al., 2000); прагматическая роль код-свитчинга в игровых контекстах (Bauer et al., 2002); мотивации, функции и траектории развития раннего код-свитчинга (Ervin-Tripp, Reyes, 2005); код-свитчинг в триадных взаимодействиях, включающих двух билингвальных братьев/сестёр и их мать (Rontu, 2007); код-свитчинг как маркер языковой компетенции у детей (Yow et al., 2018); связи между интерсентенциальным и интрасентенциальным код-свитчингом и языковым доминированием у билингвов, трилингвов и мультиязычных детей (Poeste et al., 2019) и др.

С 1990-х годов раннее код-свитчинг поведение у детей исследовалось на множестве языковых пар: немецко-французском (Meisel, 1994); англо-испанском (Deuchar, Quay, 1998); англо-немецком (Bauer et al., 2002); норвежско-английском (Lanza, 2004); франко-английском (Paradis et al., 2000; Comeau et al., 2003; Kuzyk et al., 2020); финско-шведском (Rontu, 2007); англо-мандаринском (Yow et al., 2018); немецко-английском (Lanvers, 2001; Quick, Hartman, 2021); нидерландско-английском (Sczепurek et al., 2022); а также немецко-французском и турецко-итальянском (Schächinger Tenés et al., 2023).

Многочисленные исследования показали, что когнитивные процессы преимущественно зависят от лингвистических навыков (Bialystok, Craik, 2009). По результатам проведённых работ было установлено, что двуязычные дети демонстрируют большую успешность, чем одноязычные, в когнитивной обработке языковых процессов. Соответственно билингвы располагают двумя или более словами для обозначения объекта или понятия, позволяет им рассматривать события с иной перспективы. В результате было отмечено, что билингвы являются личностями, обладающими креативностью, открытостью мышления, гибкостью, развитым воображением и высокими языковыми навыками (Backer, 2001, с. 148).

В исследовании Ковача и Мехлера (Kovács, Mehler, 2009), посвящённом двуязычным младенцам, было выявлено, что билингвы легче адаптируются к изменениям, чем монолингвы. Кроме того, было установлено, что двуязычные младенцы обладают более обширным словарным запасом в обоих языках по сравнению со своими одноязычными сверстниками (Crivello, Kuzyk, Rodrigues, Friend, Zesiger, Poulin-Dubois, 2016). Согласно Пулен-Дюбуа (Poulin-Dubois, 2016), по мере взросления детей и роста их словарного запаса переключение с одного языка на другой ускоряется, и эти переключения становятся более частыми. По этой причине двуязычные дети демонстрируют более гибкий подход к решению сложных задач и отличаются большей избирательностью и сфокусированностью в навыках решения проблем (Desjardins, 2016).

Еще одна область исследований билингвизма и мозга – то, как языки билингвов представлены в их сознании. Сейчас важным становится вопрос: представления о разных языках – независимы ли они друг от друга или имеются между ними взаимосвязи (Baker, 2001c: 143). Такие исследователи, как Фаббро (2002), использовали методы ПЭТ и фМРТ, чтобы выяснить организацию языковых систем в мозге билингвов; они изучали ответы на лингвистические стимулы – обработку слов, предложений и небольших рассказов – и пытались выявить механизмы языковой переработки у билингвов. По результатам выяснилось, что представления о словах на языках L1 и L2 чаще всего локализуются в одних и тех же областях мозга, независимо от возраста овладения языком. Вместе с тем слова L1 и L2, усвоенные после критического возраста, оказываются связанными с системами декларативной памяти, локализованными в левых ассоциативных зонах коры, участвующих в языковых функциях. При сравнении мозговой активности билингвов, начавших двуязычие в раннем и позднем возрасте, во время выполнения заданий на понимание предложений на L1 и L2 оказалось, что в раннем двуязычии в обоих языках наблюдается одинаковая активация в зонах Вернике и Брока; у же поздних билингвов при активации в области Брока обнаруживаются существенные различия между L1 и L2. Также у поздних билингвов выявлены две отдельные, но соседние, центры в левой области Брока.

Код-свитчинг в российской лингвистике исследуется с конца XX – начала XXI века. Исследования этой области охватывают как теоретические вопросы (определения, типологии, социолингвистический и прагматический анализ), так и эмпирические исследования (корпуса, разговорный материал, интернет-коммуникация, медиа). Интерес к теме усилился в связи с миграцией, глобализацией, ростом билингвизма и смешанных сообществ (семьи, профессиональные группы, студенты).

В отечественной лингвистике прагматика рассматривается как одно из важных направлений при изучении код-переключения. На материале устной речи Г. Н. Чиршева выделяет следующие прагматические функции код-переключения: адресатная, эзотерическая, предметно-тематическая, фатическая, металингвистическая, декоративная, эмоциональная, эмфатическая, функция воздействия, функция самоидентификации и экономии языковых средств.[6]

В башкирском языкознании интерес к кодовым переключениям появился только в последние годы в исследованиях Бускунбаевой. Но прагматическая роль перехода с башкирского на русский в устных дискурсах до сих пор не получила полного освещения. Носители воспринимают такие переключения по-разному.[1] С одной стороны, они облегчают общение: как отмечал социолингвист Р. Т. Белл, языковое смешение вовсе не усложняет, а, напротив, облегчает обмен между билингвами [2: 156]. Люди обычно берут чужие слова и выражения, которые понятны всем участникам беседы; когда возникают трудности с подбором лексики, они обращаются к тому языковому запасу, слова которого первыми приходят на ум. С другой стороны, широкое и частое переключение кодов в ситуации башкирско-русского двуязычия может служить признаком языкового сдвига: это ведёт к утрате некоторых национально-специфических черт и к проникновению чужеродных слов и выражений, засоряющих родную речь.

В последние десятилетия растущий объём исследований изучает не только социолингвистические аспекты код-свитчинга, но и его нейрочувствительные основы. Понимание механизмов, лежащих в основе код-свитчинга, важно для теорий билингвального контроля, для клинической оценки билингвов и для образовательных практик.

Ранние исследования поведенческих проявлений языковой альтернации у детей исходили из предположения, что билингвальные дети смешивают или переключают языки потому, что 1) испытывают состояние когнитивной путаницы или 2) обладают недостаточной лингвистической компетентностью. Согласно подходу, утверждающему, что дети-билингвы смешивают языки из-за невозможности дифференцировать их (например, гипотеза единой языковой системы у детей до 3 лет; Genesee, 1989), лексиконы и грамматические системы обоих языков на ранних этапах сосуществуют в виде единой системы и лишь постепенно, в результате процесса языковой дифференциации, развиваются в два отдельные лингвистические механизма. В рамках этой концепции смешение различных языковых элементов в пределах одного высказывания у маленьких билингвальных детей рассматривалось как индикатор стадии подразделения и, следовательно, трактовалось как отражение их неспособности разграничивать две языковые системы.

Литература:

1. Бускунбаева 2022 – Бускунбаева Л. А. Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир (на материале монологических текстов восточного диалекта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 17–26.
2. Белл 1980 – Белл Р. Т. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы / пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1980. 318 с.
3. Морозова И.Г. «Смешение языков» в процессе и за рамками обучения иностранным языкам // Гуманитарная наука сегодня. 2011. № 2. С. 42-52.
4. Проценко Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123–127.
5. Русан А.В. Смешение и переключение кодов в речи эмигрантов (на материале прозы Й. Шкворецкого). СПб.: СПбГУ, 2017. 96 с.
6. Усманов Р. Ш. Канафина А. Р. Сопоставительный анализ предложных и послеложных конструкций как средств выражения пространственных отношений. Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. №11-1(89). С. 176-180.
7. Чиршева 2004 – Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 189 с.

© Хисамова Д.Д., 2026

УДК 81

Эртурк Оздемир Ф.,
д-р филологии, преподаватель кафедры
современных тюркских языков и литератур
Университета Омера Халисдемира, г. Нигде, Турция
Усманов Р. Ш.,
канд. филол. наук, доц. УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МЕТАФОРЫ

В современной лингвистике категория оценки занимает одно из ключевых мест, что связано с антропоцентрической направленностью исследования языка. Человек не только отражает окружающий мир, но и интерпретирует его через собственный опыт и систему ценностей, что определяет выбор языковых средств [4: 247]. Процесс познания включает отражательный и оценочный компоненты, обусловленные взаимодействием объективного и субъективного

начал. Формируя языковую модель мира, человек соотносит воспринимаемые явления с нормами, установками и культурными стандартами, вследствие чего когнитивные структуры тесно переплетены с аксиологическими [6: 101].

Оценка как результат практического освоения мира опирается на идеализированные представления о норме, выражающие соответствие объекта определённым эталонам [1: 896]. Положительная или отрицательная оценка определяется признанием ценности объекта, что проявляется на всех уровнях языка, но в наибольшей степени – в лексико-семантическом. В широком понимании оценка трактуется как квалификация объекта на основе его сравнения с нормативом (Спиноза). В узком смысле – как установление ценностного отношения субъекта к объекту. Универсальность оценки объясняется её когнитивной природой: она опирается на знания о мире и потребностях человека [14: 209]. При этом оценочная категоризация отличается от естественной тем, что объединяет явления не по физическим, а по аксиологическим критериям, отражая антропоцентрическую интерпретацию действительности [3: 123].

Когнитивный подход, ориентированный на взаимодействие языка и мышления, наиболее релевантен для исследования оценки, поскольку позволяет анализировать её как компонент процесса концептуализации мира [13: 207]. Особенно тесно оценочность связана с метафоричностью, поскольку перенос значения неизбежно включает аксиологическую интерпретацию. В ходе анализа выявлено, что параметрические прилагательные, в том числе пространственной семантики, несут существенный аксиологический потенциал. Они репрезентируют социальные, интеллектуальные, нравственные и эмоциональные характеристики: *narrow interests*, *broad-minded*, *low life*, *high and mighty*, *low spirits* и др.

Оценивание объекта представляет собой цепь когнитивных операций от сенсорного восприятия до формирования этического или эстетического отношения. Хотя большинство слов не содержит явной оценки, существуют единицы, в значении которых эксплицитно или имплицитно присутствует эмоционально-оценочный компонент. Параметрические прилагательные взаимодействуют с нормой: в паре тупой – острый именно «острый» репрезентирует нормативное значение [9: 22]. Однако аксиологическая норма не совпадает с параметрической: её стандартизация возможна главным образом для артефактов и искусственно выделяемых категорий [1: 896]. По М. Бирвишу, параметрические прилагательные выражают лишь сам факт наличия нормы, не конкретизируя её содержания [2: 36].

Ценностная составляющая ярко проявляется в метафорических переносах пространственных признаков, например, в оппозициях *big/small*, большой/маленький, *büyük/küçük*, зур/бәләкәй. Несмотря на то, что *small* занимает отрицательный полюс параметрической шкалы, в переносных значениях оно может нейтрализовать или переосмысливать семантику («обычный поступок», «слабое сердце», иногда – «смелое сердце»). Аналогично *high* реализует положительную оценку в значениях «важный, влиятельный». Прагматический компонент слова может отражать отношение говорящего к адресату, его социальный статус, эмоции, что также проявляется в оценочных употреблениях: *low joke* и др.

Таким образом, анализ параметрических прилагательных, в том числе в рамках пространственной метафоры, показывает, что соответствующий концепт включает понятийную, образно-ассоциативную и аксиологическую составляющие. Понятийная часть универсальна и отражает процессы концептуализации мира, тогда как аксиологическая зависит от культурных норм и может существенно различаться в разных языках. Оценка может пониматься и как универсальная когнитивная способность, и как культурно обусловленный компонент концепта, подверженный смещению от позитивного к негативному и наоборот. Вербализация концепта «размер» и других пространственных признаков в сопоставлении языков демонстрирует отсутствие единообразия: реализация аксиологических и образных характеристик зависит от того, функционирует ли прилагательное как самостоятельная номинация или как элемент словосочетания, а также от семантики соседних компонентов и культурно-языковой картины мира в целом.

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бирвиш, М. Некоторые семантические универсалии немецких прилагательных / М. Бирвиш // *Foundations of Language*. – 1967. – Vol. 3, № 1. – P. 1–36.
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: монография / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2002. – 123 с.
4. Болдырев, Н. Н. Отражение пространственных отношений в языке / Н. Н. Болдырев // *Логический анализ языка. Языки пространств*. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – С. 247–261.
5. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // *Филологические науки*. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
6. Геляева, А. И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А. И. Геляева. – Нальчик, 2002. – 320 с.
7. Зайнуллина, Л. М. Вербализация в языке концепта «оценка» / Л. М. Зайнуллина // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2004. – № 7. – С. 38–41.
8. Зайнуллина, Л. М. Ценности и антиценности в корпоративной культуре / Л. М. Зайнуллина // *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: сборник трудов участников Второй Международной научно-практической конференции*. – 2015. – С. 174–176.
9. Усманов Р.Ш. Метафорические переносы в номинации параметрических прилагательных / *Актуальные проблемы развития современной науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях*. – М., ООО "АР-Консалт", 2015. С. 142-143.
10. Поцелуевский, Е. А. Нулевая степень качества: описание значений качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. А. Поцелуевский. – Москва, 1974. – 22 с.
11. Усманов, Р. Ш. Ассоциативно-образные и аксиологические характеристики концепта «размер» (на материале английского, русского, башкирского и турецкого языков) / Р. Ш. Усманов // *Вестник Башкирского университета*. – 2009. – Т. 14, № 1. – С. 152–156.
12. Усманов, Р. Ш. Оценочный компонент в семантической структуре параметрических прилагательных / Р. Ш. Усманов // *Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов*. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 477–481.
13. Усманов, Р. Ш. Параметрическая категоризация адъективной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Р. Ш. Усманов. – Уфа, 2009. – 22 с.
14. Форма, значение и функция единиц языка и речи: сборник научных статей / отв. ред. Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2002. – 207 с.
15. Хисамова Д.Д. Сопоставительная лингвистика и лингводидактика // *Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика*. 2016. С. 459-463.
16. Хисамова Д.Д. Сопоставительное исследование форм прошедшего времени в башкирском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хисамова Д.Д. Казань, 2009. – 23 с.
17. Van Dijk, T. A. Language and Cognition. An Interdisciplinary Study of Language Use in Discourse / T. A. Van Dijk // *Computational Linguistics*. – 1989. – Vol. 15, № 3. – P. 209-225.

© Эртурк О.Ф., Усманов Р.Ш., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

1	Алимбаева Г.Г., Бердигулова А.Н. История изучения словосочетаний в русском и тюркском языкознании.....	3
2	Аширова Г.А. Прозвища в башкирском языке как отражение психологического мира личности.....	5
3	Аширова Г.А. Амиргалина Г.Д. Работа с художественным текстом на занятиях русского как неродного и иностранного: метод «учебного чтения» Н. В. Кулибиной	7
4	Бастинovich Е.В. Зооморфизмы в немецкой и русской лингвокультурах..	9
5	Бердигулова А.Н. Сравнительная лексикология английского и башкирского языков: основные направления исследований	12
6	Бурханова К.Р. Интеграция искусственного интеллекта в процесс обучения иностранным языкам: анализ эффективности и новые вызовы	14
7	Валиахметова Н.З. Репрезентация образа женщины в поэзии Расимы Ильясовой	18
8	Валиева А.А., Исянгулова Г.А. Современные подходы к оценке языковой компетенции при изучении башкирского и турецкого языков.....	23
9	Ван Сюецзяо Проблемы и тенденции развития китайского языка в России в современную эпоху	25
10	Габдрахманова И.Ю. Репрезентация ценностей в англоязычных детских блогах	28
11	Гайнуллина Г.У. Модальное оформление трансформированных эллиптических предложений	30
12	Галеева Р.Р. Молчание как коммуникативный феномен в российской и китайской деловой культуре	33
13	Галеева Р.Р., Фаткуллина Ф.Г. ИмPLICITные формы вежливости в современной китайской бизнес-коммуникации	35
14	Галиуллина Т.М. Понятие инфлюенсерского дискурса в русском и английском языках	37
15	Ганеева Л.В. Речевое поведение в социальных сетях как отражение цифровой коммуникации (на материале русского и английского языков) ...	40
16	Ганеева Л.В., Фаткуллина Ф.Г. Языковые особенности комплиментов в социальных сетях (на материале русского и английского языков)	42
17	Гареева Г.Н. Идеино-тематическое содержание современной башкирской прозы.....	43
18	Гафурова А.А. Особенности дискурса видеоигр	47
19	Гирфанова Г.Р. Лексикология английского и башкирского языков: заимствования	50
20	Дабаева Г.Р., Полякова Е.В. Контаминация как окказиональный способ словообразования в нейминге	52
21	Давлетбаева А.Ф. Лингвопрагматический потенциал употребления модальной частицы 吧 в китайском языке	56
22	Дивеева Г.Р. Экономический дискурс: цели, задачи и основные функции..	58

23	Дивеева Г.Р., Фаткуллина Ф.Г. Методы и процедуры сопоставительного анализа в экономическом дискурсе	60
24	Доронина Ю.А. Проблемы изучения языковой локализации прагматонимов в китайском языке	62
25	Дуйсенбина А.У. Ты/Вы, You и Sen/Ciz: местоименные системы вежливости в русском, английском и казахском языках	64
26	Закирьянов К.З. Активный билингвизм как способ сохранения родных языков народов полиэтнической России.....	66
27	Зарипова И.Ф. Залог и транзитивность: механизмы перестройки глагольного управления.....	68
28	Зиятдинова Р.Ф. Символика вежливости в русской и китайской паремиологии: семантический и культурологический анализ	70
29	Зубайдуллаев И.А. Термин «фетва» в русскоязычном дискурсе: история заимствования и современное функционирование	73
30	Ильясова С.В., Назарова А.Е. Имидживизация как лингвистическая категория в современном политическом медиадискурсе.....	76
31	Казанцева Е.А. Динамика ценности труда в русском культурном коде.....	79
32	Казарбаева В.Н. Актуальные проблемы изучения фразеологизмов в русском, башкирском и английском языках.....	82
33	Казарбаева В.Н., Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурная и лингвопрагматическая характеристика фразеосемантического поля «состояние природы» в русском, башкирском и английском языках.....	85
34	Каримова З.С. Особенности обучения русскому и татарскому языкам в условиях двуязычия	88
35	Костюнина М.В., Шукурова И.В. Политическая риторика: стратегии воздействия и их реализация в публичных выступлениях	90
36	Кульсарина И.Г. Башкирские образы и мотивы в творчестве М. Д. Львова	93
37	Кушнырь Л.А., Сергиенко Н.А. Формирование навыков двуязычного общения студентов в контексте межкультурной коммуникации	95
38	Малыбаева Л.Д. Хисамова Д.Д. Заимствования в башкирском и английском языках: сравнительный анализ лексических влияний.....	98
39	Махмутова А.С. Формирование лингвокультурологической компетенции обучающихся на материале русских паремий с компонентом-антропонимом	101
40	Насырова А. З., Хисамова Д.Д. Лингвистические средства убеждения в текстах судебных речей в английском языке	103
41	Нафикова С.Р., Гимашева Г.М. Речевое поведение и художественный текст.....	107
42	Ни Сыюй, Фаткуллина Ф.Г. Вербализация весеннего пейзажа в китайской и русской поэтической картине мира (на примере перевода М.И. Басмановым стихотворения Су Ши «Деляньхуа»)	110
43	Полякова Е.В., Поподько Е.А. Скрытое влияние: китайские заимствования в тюркских языках	113
44	Салех С.Я. Сопоставительный анализ коммуникативных стратегий в арабском и русском языках: речевой этикет и культурные особенности	116
45	Сарваретдинова В.А. Транслитерация и калькирование как доминирующие способы перевода китайских гастронимов.....	118

46	Саяхова Д.К., Фаткуллина Ф.Г. Цифровой язык: как технологии формируют язык медиа в 21 веке	120
47	Сергиенко Н.А., Таджибова А.Н. Актуальные подходы к топонимическим исследованиям в современной лингвистике.....	124
48	Сираева Р.Т. Эвфемизмы как феномен межкультурной лингвистики.....	127
49	Ситдикова А.Ф., Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурологические характеристики русских пословиц о семье.....	130
50	Соломко Д.П. Текстовая и семиотическая характеристика видеоигр	135
51	Сулейманова А.К., Кукасова Д.Г. Моделирование терминологической метафоры: функции и модели	138
52	Сун Нань Фитонимы как лингвокультурный феномен: к постановке проблемы.....	142
53	Тимерханова Д.М. Речевой портрет англоязычного ведущего шоу о моде и красоте: лингвостилистический анализ (на материале выступлений Хайди Клум)	144
54	Фаткуллина Ф.Г. Фразеологизмы с деструктивным глаголом «бить» с лингвокультурологической и прагматической точек зрения.....	147
55	Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурологические параметры деструктем в составе фразеологических единиц.....	149
56	Фатыхова Л.Ф., Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурема «национальная одежда» в русской и татарской языковых картинах мира	151
57	Хайруллина Р.Х. Фразеологическая семантика: двуплановая языковая природа и подходы к ее изучению	155
58	Халиуллина Ю.Ш. Трансформация журналистских компетенций в эпоху нейросетей.....	156
59	Хисамова Г.Г. Художественный текст как источник лингвокультурологической информации в обучении русскому языку	158
60	Хисамова Д.Д. Проблема классификации и интерпретации переключения кодов (code-switching) в отечественной и зарубежной лингвистике	162
61	Эртурк Оздемир Ф., Усманов Р.Ш. Оценочный компонент в семантической структуре пространственной метафоры	165

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Материалы

*XII Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 20 мая 2026 г.)*

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.*

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 29.06.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 9,87 Мб.
Заказ 103.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru